

Енисей

№ 1
2018

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№1 * Красноярский литературно-художественный
2018 и краеведческий альманах

Михаил ТАРКОВСКИЙ главный редактор

заместители
главного редактора:

Александр Ёлтышев по прозе

Сергей Кузнечихин по поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр АСТРАХАНЦЕВ прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид БЕРДНИКОВ краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван БУЛАВА прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина МОСКАЛЮК доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Красноярский
государственный институт искусств»

Михаил СЕВЕРЬЯНОВ заведующий кафедрой отечественной
истории Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук,
профессор

* Красноярск
«Ситалл»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

В оформлении обложки
использована картина
Натали Горбачёвой «Утро».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 18.07.2018

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 17,55 усл. печ. л.

Отпечатано в ООО ПК «Ситалл»:
660074, г. Красноярск, ул. Борисова, 14
тел.: (391) 218-05-15, www.sitall.com

ISBN 978-5-98708-087-0

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Михаил Тарковский
Бодайбо и столетие революции 5

ЮБИЛЕЙ

Николай Ерёмин 12
Ирина Горская
Батальное полотно его жизни 19

ПРОЗА

Сергей Смирнов
Взятие Бахтинки. 1941 25

Зинаида Кузнецова
Горбушка ржаного 59

Игорь Герман
Судный день 65

Александр Дудин
Там, на Чёрной реке 105

Альбина Мамаева 128

Марат Валеев
Северные были 136

ПОЭЗИЯ

Александр Ёлтышев 145

Дмитрий Житенёв

Охота 148

Ольга Гуляева 156

Софья Григорьева 162

Владимир Жабин 167

Владимир Полухин 169

ИСТОРИЯ

Наталья Калеменова

Осторожно — Бабушка! 173

ИСТОРИЯ

Сергей Кузнечихин

Донор доброты 179

КРАЕВЕДЕНИЕ

Немежикова Ольга

Голая весна. Заповедник «Столбы» 198

Авторы 212

Михаил Тарковский

Бодайбо и столетие революции

Очерк

I.

В 1977 году мне посчастливилось работать в экспедиции Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института в Бодайбинском районе Иркутской области. В ту пору я был столичным юношей, ещё только бредившим Сибирью, первая встреча с которой произошла в 1974-м: после девятого класса я работал в противочумной экспедиции на юго-западе Тувы. В тех же краях увидел я впервые и батюшку-Енисея, с которым спустя годы и связал свою жизнь. После Тувы, произведшей сильнейшее впечатление, я попросил свою тётку, тётю Нину, вхожую в геологический мир, отправить меня куда-нибудь в Восточную Сибирь. Этим местом оказались окрестности посёлка Кропоткин. Уже не помню точно, как назывался ключ, на котором стоял наш лагерь, он был по правую руку от тракта, верстах, возможно, в десяти от Кропоткина, а может, и больше. Помню, что напротив нас по диагонали был виден голец Цибульского. Мы обследовали окрестности этого ключа, а потом предстояло снять лагерь и отправиться на Хомолхо, отработать голец Высочайший. Каково же было моё разочарование, когда наша начальница решила не перевозить лагерь, а просто ездить на Хомолхо каждый день на нашем «шестьдесят шестом». Так мы и сделали. Моя работа была бить молотком кварцевые жилы и собирать в мешочки образцы породы с вкраплениями золота. Помню, что вкраплений этих было на удивление много, и я даже взял несколько образцов для нашего институтского геологического музея — в благодарность начальнику практики, отпустившему меня в Сибирь.

Сам Высочайший меня разочаровал несоответствием своего вида и названия. Речка Хомолхо мне понравилась: до сих пор перед глазами лиственничник на её берегу, в котором так хорошо было бы стоять табором. До сих пор помню Высочайший — траншею и шурфы, пробитые кем-то до нас. Всё на самом верху, на плоскотине...

Пожалуй, сильнейшим и наиболее драгоценным из впечатлений о том лете был образ трудовой Сибири, который я вынес из наших будней в окрестностях Кропоткина и в самом Бодайбо, где мы какое-то время жили на геологической подбазе. Трудовой этот народный геологический дух, который я хватил только краем, за короткое время оказал на меня сильнейшее воздействие и окончательно наставил на сибирскую судьбу. В ту пору я был студентом, и моё возвращение

в город, лекции в тёплых помещениях — всё это казалось чем-то постыдным по сравнению с жизнью бодайбинских работяг: больше всего на свете мне хотелось остаться где-нибудь здесь и уйти в осень, в зиму. Довершил дело один дед в иркутском аэропорту. Сухой, бледно какой-то синий, с несусветными руками — его кисти с распухшими суставами так и застыли полуковшами. «Видать, промывальщик», — подумал я. А он всё что-то говорил сидящему рядом пареньку, о том, как искать, видимо, золото, причём таким языком, такими словами, что какие-нибудь «падуны» и «проходнушки» выглядели бы детским лепетом. Жалею, что ничего не запомнил, кроме самого духа рассказа: дед не рассказывал, он проповедовал, громко и страстно. Не глядя на слушателей, он передавал свой опыт, свои представления, и что-то трагическое было в этой его тщетности и в яром проповедническом послыле. От этой картины у меня осталось впечатление прикосновения к заповеднейшей тайне.

Судьба моя после Бодайбо уже шла напрямиком в Сибирь, и вот нынче, будучи на литературном фестивале «Золотой Витязь» в Иркутске, я подумал: ведь сорок лет прошло с моего Бодайбо! Не пора ли отдать долг месту?

В таких случаях два взгляда: что обязательно надо отдавать долги дорогим местам — и что, наоборот, ни в коем случае не следует пытаться повторить прошлое, что всё будет не так, только разочаруешься. Что это, мол, как попытка встретиться спустя жизнь с первой возлюбленной. В общем — ни к чему. Будучи приверженцем первого подхода, я решил лететь. По моей просьбе руководитель управления культуры Иркутска связался с главой Бодайбо Евгением Юрьевичем Юмашевым, и я полетел.

Видимость была не очень, и я так и не понял, пересекли ли мы северный кут Байкала или нет. Но вот самолёт снизился, и открылись горы с редкой тайгой и их особенно выразительные меловые верхи. Самолёт делал «коробочку» над Витимом, и невообразимо хороши были сопчатые нагромождения, редкие кедрачи, ельники и лиственничники по склонам. По прилёте первым делом я сходил на берег Витима, как раз возле треста «Лензолото», у которого появился новый застеклённый фасад. Витим в торосах, горы. Храм на берегу, где приложился к мощам Иннокентия Иркутского и Варлаама Чикойского — читинского подвижника.

Вообще, город с первого взгляда почти не изменился: несмотря на золотоносность района — никакого намёка на достаток, ухоженность, как, к примеру, в нефтяных районах западной Сибири, в каком-нибудь Сургуте. И самолёт, на котором я летел, был точно тот же верный Ан-24, что и сорок лет назад, тогда как Красноярский Север давно уже летает на АТР-ах.

Состоялась замечательная встреча в библиотеке, а наутро особая честь была мне уготована: провести два урока литературы в школе № 1

Бодайбо с учениками восьмых классов. Жизнь всегда намного избрательней любых о ней представлений: бодайбинские школьники — чудные. Буквально перед этим я провёл две встречи со школьниками Иркутска. Те не смогли назвать ни одной книги Валентина Григорьевича Распутина. Бодайбинцы — смогли. В завершение встречи, как обычно, звучали вопросы; по большей части спрашивали девчонки, но вдруг парнишка с серьёзным лицом вытянул руку и сказал: «Что бы вы могли сказать нам в напутствие?»

Такой вопрос — всегда испытание: ведь надо ёмко, ярко и не занудно сказать самое главное. Зная ситуацию в Бодайбо, отток населения на материк, я особенно налёг на любовь именно к *своей* земле, что мы часто не замечаем её красоты, стремясь к другим местам, ну и вывел на нашу Русскую землю вообще — как самую многострадальную, прекрасную и непобедимую. Судя по глазам, слова подобрались верные.

Потом мы поехали в Артём, в библиотеку, и по пути в Апрельске должны были посетить памятник жертвам Ленского расстрела 1912 года. Ехали по той самой единственной дороге, по которой мы уезжали в Кропоткин, вдоль Бодайбинки, неузнаваемо изрытой: все берега были — белый, засыпанный снегом отвал. Подъехали к братской могиле жертвам расстрела, потом к стеле, засыпанной снегом. Оказалось, что она стоит на небольшом уцелевшем куске земли. «Обрыли со всех сторон!» — сказала наша сопровождающая из библиотеки и поведала, что по этому поводу уже много народных пересудов. Потом поехали в Артём, и пока шёл фильм, я изучал библиотечные книги.

На глаза попался фотоальбом по истории Ленских приисков. Я листал его, пока не замер над фотографиями жертв Ленского расстрела.

Сорок лет назад мы проезжали этот памятник, и по молодости я не придал никакого значения ему, и даже наоборот — гордое и необразованное сердце раздражил классовый пафос: «Ну, опять борьба пролетариата!» Теперь, когда я смотрел на фотографии трёх сотен убиенных, всё ощущение прилёта, восторг возвращения в родное и важное место — всё отошло, и осталась только трагедия, вплоть до чувства физического недомогания... Женщина в платке с младенцем на руках присела возле тела кормильца. Ещё одна, крестьясь, идёт вдоль поля тел. Оказалось, что ранено было ещё около трёхсот человек, и в общей сложности пострадало более полутысячи людей. А кто на прииска́х работал? Да больше бедовые-непутёвые, каторжане бывшие и просто неустроенные. Платили им гроши, жили они в бараках, где чуть не задницами примерзали к нарам. Морозяки тогда подходящие были.

А вот какую информацию я нашёл на сайте, посвящённом золотой лихорадке на Лене:

«Несмотря на то, что большинство акций „Лензото“ находилось в руках „Lena Goldfields“, непосредственное управление Ленскими рудниками осуществляло „Лензото“ в лице Гинцбурга. Правление

товарищества, действовавшее на момент забастовки, было избрано в июне 1909 года:

- директор-распорядитель — барон Альфред Горацевич Гинцбург;
- директора правления — М. Е. Мейер и Г. С. Шамнаньер;
- члены ревизионной комиссии — В. В. Век, Г. Б. Слиозберг, Л. Ф. Грауман, В. З. Фридляндский и Р. И. Эбенау».

Что это были за люди? Переживали ли они о русском мужичье, посмевшем защитить свои права на труд?

Не всё легко было и в советские довоенные годы: вроде выдавили англичан, к помощи которых прибегла уже советская власть, но в конце тридцатых годов девятьсот пятьдесят человек своих попали под чекистский расстрел, а в войну почти половина населения ушла на фронт, и многие не вернулись... Всё это рассказали мне в краеведческом музее самого Бодайбо. А я изучал фотографии и попытался представить ленские события.

На встрече в библиотеке народу было совсем немного — когда-то крупнейший посёлок стоит полузаброшенный. Директор библиотеки Зинаида Николаевна сама родом с Енисея, из Дудинки. Всю жизнь здесь, в Артёме. Я попросил её спеть «Бодайбинку».

В темноте вернулись в Бодайбо. Наутро была встреча с Юмашевым и экскурсия в музей. Потом полёт в Иркутск по яснейшей погоде. Воздух был настолько прозрачен, что передо мной, как на дивной карте, проплыла вся панорама гор, включая Верхне-Ангарский хребет. Удивительные и бескрайние пространства... Пики, будто набранные из жил, долины с белыми озёрами. А потом под крылом проплыло устье Верхней Ангары и северный угол моря...

А я всё думал: как найти выход? Как жить дальше, когда спустя сорок лет, оказавшись в месте, о котором вспоминал всю жизнь, нашёл совсем другим это место, а главное — себя самого?! И казалось, на прекрасном алмазном снегу промороженных хребтов уже начертан ответ: что только через любовь и сострадание к своему народу можно постичь нашу Россию, помочь ей не рассыпаться, не распасться, а самим не очерстветь... И на вопрос, что делать, один ответ предлагали мне уже ставшие родными сопки: бывать здесь, помогать этим людям хотя бы словом поддержки, вниманием. И не улетать так быстро.

А ведь и сорок лет назад так было: казался предательством отъезд в Москву на учёбу, сидение в тёплых классах и питьё пива в кафешке, в то время как в Восточной Сибири падает первый снег, бородатые рабочие варят чай у костерка и старик-промывальщик с распухшими суставами вещает на всю Сибирь о «падунах» и «проходнушках». И никто его не слушает...

Верую, что вернусь в Бодайбо.

2.

Очерк этот публикую не как отчёт о поездке («Смотрите, где побывал!»), а как повод ещё раз поговорить о революции семнадцатого года: в прошлом году было её столетие, а мы непростительно упустили эту и поныне злободневную дату и не обсудили значение революции на страницах нашего альманаха.

О Великой Октябрьской социалистической революции не принято рассуждать равнодушно. Обычно её либо боготворят, либо наотрез не приемлют, хотя такое детское, построенное на сердечной эмоции отношение нельзя назвать серьёзным и тем более созидательным. Тем не менее, единственный подход в наши разрушительные для Русского мира дни — именно осознанно созидательный, то есть не только объективно-исторический, но и направленный на укрепление монолитности русского времени и пространства. Россия — рубленый дом, и каждый венец — словно век. Чем ближе к окладу, тем заповеднее ряды и тем сильнее требуют бережного отношения и ухода. И не дай Бог жучок! Не поддомкратишь такую избу и не заменишь венцы и оклад тем более.

Повторюсь, знакомство с полемикой о значении революции приводит к неутешительному выводу: никто и не пытается выработать какое-то объективно-ровное отношение к ВОСР. Условно «либералы» обычно костерят Ленина и ненавидят Сталина, патриоты-коммунисты революцию боготворят, видя в советском периоде только плюсы и расходясь с патриотами-монархистами, упирающимися на преступления перед русским народом выходцев из-за черты оседлости. Многие либерал-интеллигенты идеализируют дореволюционный период, но расходятся с православными патриотами в национальных вопросах и своим интернационализмом смыкаются с коммунистами, хотя и полные им антагонисты. Масса переходов, полутоннов и парадоксальных смычек. Противоречий много. Например, старообрядцы не любят государство, так как исконно оно было для них источником опасности и гонений. При этом раскольники небывало сохранили уклад, явив нам живой музей Русского мира. На коммунистических атеистических ценностях воспитана масса замечательных людей, принёсших огромную пользу нашей стране, и никто не имеет права судить их за взгляды — так их воспитали. И пойдите повторите их строительные и ратные подвиги во славу земли Русской!

Мало кто из либералов думает об укреплении государства — панциря нации. А без сильного государства невозможно сохранения этноса. При любом усилении власти неизбежен пресс на личность. Главная заслуга социализма — создание Сталиным сверхдержавы, способной противостоять империалистической Америке с её помощниками. Сталин перенаправил пафос мирового пожара в укрепление государственности и расправился с теми, кто этот пожар раздувал. Кстати,

примерно подобного ждёт народ и от нынешней власти, а именно: чтобы она восстановила социальную справедливость и расправилась с «чубайсами».

Что касается автора этого очерка, то моё личное мнение всегда складывалось из двух оппозиций: сердце противилось убийству исконного русского духа, сбрасыванию многовековой традиции с «парохода современности» и ввержению страны в братоубийственную войну, а разум понимал тяжесть ситуации в начале двадцатого века и состояние, до которого был доведён народ. Не зря вспомнился Ленский расстрел, который совершенно по-новому звучит в наши дни и будто предостерегает от малейшей огульности в оценке исторических событий. Краеуголен вопрос о роли Сталина в истории России. Тема репрессий с тяжёлой руки Солженицына вызвала особенно много пересудов и спекуляций. Масштабы репрессий были с семисот тысяч увеличены до пятидесяти миллионов, а то и более. Хотя если население дореволюционной России было сто сорок миллионов, то, допустив пятидесятимиллионную убавку, мы выйдем на остаток в девяносто миллионов, что никак не соответствует действительности. А главное — что само по себе манипулирование подобными цифрами безнравственно, потому что даже одна сломанная судьба — горе великое. Но был и новый аспект в постперестроечном осуждении «преступлений сталинского режима»: желание новой власти как можно сильнее принизить предшественников — лишь бы выгладеть на их фоне привлекательней. Ведь очевидно, насколько проигрывают в народных глазах нынешние зажравшиеся олигархи по сравнению с аскетическими вождями советских лет. Служили-то идее, а не брюху!

Давно сказано, что периоды православно-самодержавный и социалистический обнаруживают гораздо больше общего и объединяются в русском сознании против того, что навязано нам Западом и местными предателями времён перестройки. Навязанность модели не вызывает сомнений: ведь гораздо логичнее было бы объединить уникальнейший опыт советских лет и сохранить государственное управление важнейшими направлениями народного хозяйства, разрешив частное дело, но не отменяя идеологии, а скорректировав её в русле служения Отечеству, как наиболее устраивающем большинство. И не порождая борьбу брата с братом за кусок хлеба.

Много вопросов. Почему произошло вырождение советской элиты, допустившей переворот начала девяностых годов? Потому ли, что пять миллионов русских покинули Россию после революции? Сумели бы эти пять миллионов сохранить многовековой дух русской элиты и повлиять на судьбу России в двадцатом веке? Или та элита к этому моменту настолько разложилась, что допустила революцию? Почему британская имперская верхушка, несмотря на всю европейскую педерастию, до сих пор продолжает «качать права» о своём превосходстве, а партийные дети перестройки, позарившись на госсобственность,

забыли о России и выродились в примитивнейших коммерсов? Где просчёт, и как свершилась измена? Чей разрушительный вклад сильнее: местных предателей или заокеанских спецслужб? Или поровну и вкуче?

И возвращаясь к Октябрьской революции... Поиск простого и однозначного ответа — свидетельство нашей слабости и понятной тяги к лёгкому пути, да только истина по зубам лишь серьёзным мыслителям. Сумеем ли продолжить их традицию?

Можно выбрать приоритет — сословие, класс, интересы которого ущемила или, наоборот, отстояла революция, можно выбрать, наконец, идею по сердцу, но всегда есть опасность судить событие жестоко и однобоко. А можно охватить вопрос во всей неразрешимости противоречий и принять историю с мудростью, смирением и готовностью служить своей земле, какой бы многострадальной её история ни представлялась.

Николай Ерёмин

Поздравляем постоянного автора альманаха «Енисей»
Николая Николаевича Ерёмина с 75-летием!

* * *

По енисейской северной воде
Я плыл — спиной к земле... Лицом — к звезде...
Мне было хорошо — плыть и смотреть...
Во сне и наяву — из жизни в смерть —
От всех земных сомнений и забот...
В мечтах,
 Что будет всё наоборот...

АВТОПОРТРЕТ

Миражист,
Увы, миражевед,—
Я теперь премудрый древний дед,
Знающий, что было и что будет...
.....
Пусть меня случайно не осудит
Тот, кто ищет правду в мире лжи,
Но не может видеть миражи...
Потому что до поры они —
Откровенью Божьему сродни —
Скрыты и на солнце,
И в тени...

2018

ПОРТРЕТ МУЗЫ

Правый глаз —
Ума изюминка.
Левый —
Лунная безуминка...
И —
Не видимый для вас —
Точно солнце —
Третий глаз...

* * *

Помнишь, милая, как лежали под берёзами?..
С листьев капли дождевые падали...
Были капли огневыми, острыми...
Помнишь, милая, вспомнить рада ли?
Как целовал я тебя в шею белую...
Как целовал я тебя в уста маковые...
Как шептала: — Что с тобою мы делаем?..—
И обнимала меня всё ласковее...
Помнишь, милая, как лежали под берёзами
И хмельные, и счастливые, и тверёзные?..
А верхушки берёз всё покачивались...
А дождинки всё сыпались ясные...

И свидание наше не оканчивалось...
И светило в листве солнце красное...
1988

* * *

Душа стремится выйти вон,
От нежности изнемогая,—
И пьёт Россия самогон,
Поскольку водка дорогая...

Изнемогая от забот,
И день, и ночь — напропалую —
Россия политуру пьёт,
БФ и жидкость тормозную...

Вновь издаёт стеклянный звон
Стакан, наполненный до края...
Россия пьёт одеколон,
Вся от любви изнемогая.

Пьёт без закуски, жутко пьёт,
Пьёт беспробудно, без оглядки —
И снятся ей из года в год
Одни и те же беспорядки...

И просыпается страна —
Больная, с тяжкого похмелья,
Чтоб — за здоровье! — вновь сполна
Хлебнуть спасительного зелья...

ПЛЯСКИ И ТАНЦЫ

А мы гогочем в пляске пьянства...

Е. А. М.

Сен-Санс ликует в пляске смерти...
Нам эти пляски ни к чему!
Танцуем — ангелы и черти,
Верны пороку одному:
Нам по душе непостоянство
В бессонном праздничном дому...
Где Муза лжёт, где ржёт Пегас,
Так искренне, как в первый раз...
А мы ликуем в ласке пьянства
На фоне рабства и тиранства...
И дольше века длится в нас
Желанный новогодний час...

* * *

— Танцуй, и пой, и пей вино,
И вновь целуй меня!
На белом свете всё грешно,
Не зажигай огня.
Люблю тебя! И ты в ответ
Без страха, без вины
Люби... Покуда с нами свет,
Бессмертный свет луны...

ТРЕТИЙ ВАЛЬС ШОПЕНА

Е. А. М.

Шопен мне друг —
Но третий вальс
Дороже...
Ау! —
Весна,
Где в глубине ветвей
Черёмухи божественной —
До дрожи
Мы целовались с музой моей...
Шопен мне друг,
Но третий вальс
Милей...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

Цвела вовсю июньская сирень...
Я сочинял, хмелея от стихов,
И рифму мне подсказывал — свирель —
Непьющий Анатолий Третьяков...

И день рождения Пушкина царил
Во всех аллеях ЦПКиО —
И в микрофон кто мог, тот говорил
О сущности поэзии его...

О, в этот день и счастлив был, и пьян,
Кто хоть немного с Музами знаком.
Нас угощал поэт Арутюнян
Прелестнейшим армянским коньяком.

Не жаль мне тех, кто в этот славный день
Был ненароком друг на друга зол,
А жаль мне тех, кого сковала лень,
Кто просто так на праздник не пришёл...

Ах, как цвела июньская сирень!
И, нам прощая смертные грехи,
Звучал оркестр (особенно — свирель)
И Пушкина бессмертные стихи...

6 июня 1992

НОВОГОДНИЙ СОНЕТ

В ритме праздничного пира
Хорошо звучит строка,
За строкой — сонет Шекспира
В переводе Маршака...

Хорошо играет лира —
Воплощение мечты,
И смеётся Катерина —
Гений чистой красоты...

Разве могут интересы
Быть иными в этот час?
И с прелестной поэтессы
Купидон не сводит глаз...

И клянётся без прикрас
Ей в любви — в который раз!

КВАДРАТУРА КРУГА

В квадрате чёрном — чёрная дыра...

И слышится:

— Пора, мой друг, пора...

Смотри, как светит квадратура круга...

И слышится:

— Пора, моя подруга,

К Малевичу, за Пушкиным вослед...

Но только не сейчас...

Прощай!

Привет... Печальные вполне...

* * *

Был я нежным, а сделался грубым.

Был садовником — стал лесорубом.

В новом зеркале выгляжу старым

И, играя словами, недаром

Книги я раздаю свои даром

Англичанам, китайцам, татарам,

Понимая, что век мой не вечен

И играть больше не с кем и нечем...

* * *

А помнишь? —

В Ялте жили

И алый, как закат,

Под кипарисом пили

Массандровский мускат.

И морем любовались.

И, счастливы вполне,

Как дети, кувыркались

И в солнце, и в волне...

Покуда гасли дали,

Нам было так легко...

Мы никого не ждали,

Не ждали — ничего,

Но где-то там, где завязь

В душевной глубине,

Уже слова рождались,

Печальные вполне...

МОНУМЕНТУМ

Я монумент себе воздвиг нерукотворный,
Терновый с лавровым соединив венец...
Когда посмотрит на него потомок гордый,
Пусть скажет: «Да, Ерёмин — молодец!»

Я монумент себе воздвиг, как смелый Цезарь,
На Интернете мчащийся в рассвет...
Чтоб вспомнил обо мне забытый цензор
Сейчас, когда в стране цензуры нет...

И потому лишь я теперь прославлен
И счастлив, что посланцы высших сфер —
Гораций, Ломоносов, и Державин,
И Пушкин — подавали мне пример...

О Муза, милая, будь мне всегда послушна,
Вступай и впредь, как раньше, в каждый спор...
И не смотри на вещи равнодушно,
Я так люблю твой вдохновенный взор!

Пускай смеются ангелы и черти
Над нами каждый день и каждый час...
Нет, нет! Мы не умрём... Жизнь после смерти —
За монументом — ожидает нас...

2014

ПОЭТ В РОССИИ

Поэт в России должен долго жить
Среди кентов, ментов и диссидентов,
Чтоб всех в итоге напрочь пережить
Царей, секретарей и президентов...
И никому в итоге не служить,
Мечтая о любви и о свободе...
И даром песню новую сложить,
И спеть её при всём честном народе...
...Увы, навряд ли сбудутся мечты,
Которые так радостно звучали...
Но, Муза-долгожительница, ты
Не покидай меня в моей печали,
Давай с тобой по-прежнему дружить...
Поэт в России должен долго жить!

* * *

Ни спички нет. Погашена свеча.
Стакан вина бессонной ночью выпит.
Поэт сошёл с ума — и, бормоча,
При свете звёзд пешком пошёл в Египет...

Увы, кому нужны его слова?
Он был и есть — один — на белом свете.
Всё горячей под солнцем голова.
Листки поэм разбрасывает ветер...

Уходит он от счастья, от беды,
Чтоб жизнь остановить на половине...
И не стакан вина — стакан воды
Мерещится ему в его пустыне.

ИНСАЙДАУТ

Константину Кедрову

Гармонию сменяет
Хаос...
Свободы требует народ...
.....
И снова миром правит фаллос —
И всё идёт
Наоборот...

Ирина Горская

Батальное полотно его жизни

11 июля исполняется 95 лет со дня рождения Марка Феодосьевича Живило (1923–1989), участника Великой Отечественной войны, члена Союза журналистов СССР, художника-графика.

«„Человек-эпоха“... Слишком глобален был человек Марк Живило в своих стремлениях и нравственных исканиях...» — так написал о нём молодой журналист газеты «Хакасия» Сергей Власов, познакомившись с документами архива и написав статью «Удивительная жизнь династии Живило» в 2014 году.

Через полвека это имя было заново представлено нашим современникам, как и в 1963 году, когда в газете «Красноярский рабочий» его напутствовал известный художник Тойво Ряннель: *«Доброго пути тебе, художник, по новым дорогам большой Сибири и большого творчества! Предлагаю вниманию наших читателей рисунки Марка Живило, художника талантливого, молодого, с хорошо поставленным глазом... Он побывал на всех стройках нашего края и обо всём увиденном сумел рассказать со страниц газет и журналов... Я помню все эти рисунки — они очень выразительны в чём-то самом главном, что принято называть духом времени...»*

Всё верно написано, вот только эпитет «молодой» несколько смущает — ведь в 1963 году Марку Живило исполнилось сорок лет. В эти годы вместились: и нелёгкое детство, что прошло в магаданском крае, откуда он в 1942-м добровольцем ушёл на фронт; и три тяжёлых ранения, полученных на фронтах войны; и моральные и физические

страдания, перенесённые за шесть с половиной лет в сталинских лагерях.

Марк был старшим из трёх сыновей в семье Живило Феодосия Филипповича и Елизаветы Ивановны. Отец — печатник-линотипист, культработник, журналист, режиссёр и директор Ялтинского театра, а мать — ответственный секретарь редакции газеты «Тревога», учительница. После развода с мужем проблем с воспитанием сыновей прибавилось, и с 1938 года она работала по договору в посёлке Балаганное, на Колыме. Развод не сказался на взаимоотношениях отца с сыновьями: они бывали у него в Крыму, он занимался их воспитанием. Марк помогал маме, но последние годы учёбы прошли в Магадане, в школе-интернате, так как школы-десятилетки в посёлке не было. Обаятельный, лёгкий в общении, артистичный, Марк хорошо рисовал и мечтал учиться в Академии художеств в Москве. Но... решение пойти добровольцем на фронт он принял сразу после выпускного. Открытый, честный Марк храбро сражался на фронте. О том, что пришлось ему пережить на войне, рассказывают его письма-исповеди, адресованные маме. Вот лишь несколько строк из этих писем:

Июль 1943 года. Курская дуга. *«Дорогая мамулька, жду от вас письма... Жив, здоров, с 5-го числа нахожусь в боях. Мины и снаряды здесь сыплются градом, особенно когда были в обороне. Три дня сдерживали натиск врага... Теперь я окрещён и освистан пулями. Я начал свой счёт немецким гадам — их у меня 18!.. Не беспокойся, мама, — за всё отомщу врагу. Лучше умру, но останусь победителем...»*

8 декабря 1943 года. Смоленск. *«Дорогая мамулька! Снова нахожусь в госпитале. Двадцать пять дней не переворачиваюсь с левого бока. 13 ноября, при наступлении, был тяжело ранен осколком снаряда в поясницу, справа. Когда ранило, было такое чувство, будто бы меня перервало пополам! Я испугался, что потерял ноги и, несмотря на адскую боль, вскочил, желая проверить это... Больше всего боюсь за свои ноги — ведь ты знаешь, мама, как я люблю танцевать...»*

В последних письмах из госпиталя города Торопец, в конце 1944 года, Марк писал: *«Мамуленька, милая моя... Вновь осыпаются листья... Это уже третья осень, встреченная мною вдали от тебя! Мучительнее же пребывать в неведении о тебе! Хорошо ли тебе? И как твоё здоровье, мама? Знать бы крови своей цену!.. Я ведь снова ранен. Это уже в третий раз! Думал ли тот, беспокоившийся, что „не придётся повоевать“, Марк-десятиклассник стать Марком-солдатом, освобождавшим Орёл и Витебск, сражавшимся на подступах к Риге?.. Буду жив, ведь я не простился с тобой, уезжая, значит, я увижу тебя непременно, чтобы без конца целовать руки твои, за встречу нашу. Марк».*

Весной 1945 года Марк, курсант Горьковского танкового училища, попал в список демобилизованных первой очереди и уже готовился к отъезду, но из-за потери одной из справок по ранению все его мечты

разрушились... Но он всё-таки демобилизовался по поддельной, вместо потерянной, справке. Скоро Марк попал под суд за предоставление справки, нарисованной им самим. Ранения-то были, да и «дезертиром и предателем» он никогда не был, но поиски справедливости ни к чему не привели... Два побега из-под стражи, жизнь со справкой под чужой фамилией закончились в мае 1948 года военным трибуналом, на котором был вынесен приговор: «...10 лет лагерей строгого режима по шести статьям...»

Более шести лет Марк отработал в лагерях, где ранение в лёгкое осложнилось туберкулёзом, да и два других ранения давали о себе знать. Здоровье было основательно подорвано. Только поддержка родных помогла ему пережить это страшное время. Работая в лагере под Ангарском, он встретил женщину, которая полюбила его. Не испугалась она тягот, лишений, унижений, став женой заключённого, а в 1952 году, за два года до освобождения мужа, родила сына — Марка Марковича.

Марк Живило вышел на свободу летом 1954-го. Дома, в Черногорске, его ждали родные: мама, сестра, двухлетний сын и жена Зинаида. Но начались другие проблемы: устроиться на работу удалось только весной 1955 года, когда его приняли в школу учителем черчения и рисования. Надо было жить, заботиться о родных и любимых, а с мечтой об академическом образовании пришлось расстаться навсегда.

Имея за плечами только опыт пребывания в лагерях да на фронтах войны, без профессионального образования, Марк нашёл возможность заниматься творчеством. С 1957 года его фото- и изорепортажи стали появляться на страницах газет «Шахтёр» и «Советская Хакасия», а с 1959-го его очерки уже охотно печатали центральные газеты. С первых публикаций внимание всех привлекла особая форма подачи материала, иллюстрированного собственными рисунками. На графических портретах художника Марка Живило запечатлены труженикистроек Сибири, инженеры, речники, бывшие фронтовики — те, о ком он с любовью писал свои очерки... Как отметила искусствовед Эльвира Казанцева: *«В его работах — смелые и неожиданные ракурсы лиц, овеянных суровым духом Сибири. В их некоторой незаконченности, незавершённости чувствуется пульс жизни, трепетание времени...»*

Первые очерки журналиста Марка Живило на страницах краевых газет были опубликованы в начале шестидесятых, в том же году он участвовал как график в краевой художественной выставке художников-любителей.

С начала шестидесятых Марк Живило работал внештатным корреспондентом газеты «Советская Хакасия», а с 1964-го — спецкором газеты «Советская Россия» по Сибири и Дальнему Востоку. Тесно сотрудничал с газетами «Труд», «Гудок», «Известия», «Правда»; печатался в «Литературной газете», в журналах «Огонёк», «Работница», «Крестьянка», «Пионер».

В апреле 1962 года Марк Феодосьевич Живило был принят в члены Союза журналистов СССР. Выставлял графические работы, становился победителем тематических конкурсов. Первый сборник рисунков, статей и очерков «Вы с ними встречались...», который он сам оформил, вышел в начале 1965 года.

По приглашению коллег в 1965-м Марк Живило с семьёй переезжает в Красноярск, где два года работает главным художником краевого театра кукол. Журналистику не оставляет: ездит в творческие командировки по краю, материалы публикуются в журналах, газетах, литературных сборниках; продолжает сотрудничать с издательством.

В 1969 году Марк Феодосьевич перешёл на постоянную работу ответственным художественным редактором в Красноярское книжное издательство. Через его руки проходили макеты почти всех изданий, которые печатались и выходили миллионными тиражами. Сдружился он с Анатолием Чмыхалом, Виктором Астафьевым, Зорием Яхниним, Романом Солнцевым, Николаем Шагуриным, Игнатием Рождественским, Николаем Маминым, другими известными сибирскими писателями, книги которых издавались в Красноярске.

Его работы по оформлению книг были отмечены дипломами ЦК ВЛКСМ и Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли:

- диплом II степени за книгу «Плюс пятьдесят по Цельсию» в 1972 году;
- диплом III степени за книгу «Друзья мои — нганасаны» в 1973 году;
- диплом I Степени за книгу «Сильнее Енисея» в 1974 году;
- диплом за книгу «Здравствуй, Абакан — Тайшет» в 1975 году.

Марк Живило — участник всесоюзных выставок художников-графиков в Москве в 1975 и 1976 годах.

С 1967 года на протяжении семнадцати лет Марк Феодосьевич тесно сотрудничал с альманахом «Енисей», который остался главным в творческой судьбе художника. Это его любимое детище: из ста шестидесяти шести номеров — более ста сделал он. Формат альманаха за эти годы несколько раз менялся, менялось и его внешнее оформление. Объявлялись конкурсы, и каждый раз вариант Марка Живило побеждал: четыре обложки журнала «Енисей» сделаны им, последняя задержалась дольше всех — десять лет!

В подтверждение этих слов Иван Уразов, коллега и друг, статью «Феномен альманаха „Енисей“» начал так: *«Помню, кажется, в центральной газете „Советская Россия“ в восьмидесятые годы был опубликован обзор альманахов, издававшихся в областях РСФСР, и среди них наш „Енисей“ отмечался как самый лучший по всем параметрам. Я немедленно подшил ту газету в папку с альманашной документацией и тайно радовался, потому что эта „похвала“ в большей степени относилась лично ко мне. Правда, ещё и Марк Живило со мной радовался вдоволь: ведь вся художественная статья „Енисея“,*

как снаружи, так и внутри, была исполнена им с величайшим вкусом, потому что он, Марк Живило, был блестящим мастером книжной графики, всё, от первой до последней строчки набора и все рисунки и фотоснимки, вымерял по пунктам и выклеивал одну за одной все восемьдесят страниц будущего „Енисея“.

Газетно-журнальная, книжная графика — направление в искусстве, в котором Марк Живило успешно работал много лет. От человека, занимающегося этим видом творчества, требуются высокая самоотдача, большая любовь к профессии, к людям, к самой жизни.

В 1983-м, в год его шестидесятилетия, Марку Феодосьевичу вручили боевую награду — орден Славы III степени. Через сорок лет в военных, медицинских архивах были найдены наградные документы. Высшая солдатская награда была вручена бывшему старшине, помощнику командира взвода автоматчиков, получившему боевое крещение и ранения в боях в Курско-Орловской битве, под Смоленском, при освобождении Латвии. Газета «Красноярский комсомолец» опубликовала статью «И слава тебя найдёт» о нём, о его ратных подвигах, о том, как долго награда ждала героя, — сдержать слёз Марк Феодосьевич не смог. В 1985 году его наградили орденом Отечественной войны II степени, удостоен он и юбилейных медалей.

Летом 2010 года статья «Он будет жив, оправдывая имя!» в газете «Красноярский рабочий» рассказала читателям: «Многие красноярцы хорошо помнят талантливого художника Марка Феодосьевича Живило (1923–1989), которому 11 июля исполнилось бы 87 лет. Трудная, драматическая жизнь выпала на его долю...» В год его девяностолетия литературный журнал «День и ночь» и сборник «Невероятная земля! Литературная карта Красноярского края» вновь напомнили красноярцам о Марке Феодосьевиче Живило.

Марк Живило делился всем, что знал и умел. Помогая начинающим художникам, привлекал молодых графиков для работы в издательстве.

На открытии персональной выставки Марка Феодосьевича Живило в Абакане в 2013 году Олег Ампилогов признался: *«Я обязан Марку Феодосьевичу своей творческой карьерой. Мы встретились в 1973 году, совершенно случайно, в кабинете директора книжного издательства в Красноярске. И вот сегодня я понял, что Марк Живило не просто мой наставник, он и есть тот человек, который подтолкнул меня к профессии. В кинотеатре „Россия“ в Черногорске в годы моего юношества проходила выставка профессиональных художников области. Из множества работ меня потрясли там три рисунка. На одном из них были нарисованы удивительные раскидистые тополя, которые росли на островах. Я был восхищён тем, как художник смог их изобразить. Придя домой, сразу начал рисовать. Всю жизнь я думал: кто же был автором тех рисунков? Только теперь, увидев здесь такое количество его работ разных лет, понимаю по почерку, что и те тополя принадлежали его руке...»*

Замечательные слова сказал о нём и Виктор Бахтин в последний свой приезд в Красноярск в мае 2013 года: *«Марк был очень мудрым художественным редактором, он понимал, что можно ждать от того или другого художника — у каждого художника есть свой творческий потолок... Он отучил меня халтурить, за что я ему особенно благодарен. Потом у нас получилась затяжная творческая дружба, благодаря которой я проиллюстрировал более семидесяти книг. Марк был постоянно моим консультантом: я всегда рассчитывал на его острый взгляд. Взгляд интеллигента, человека, который действительно повысил на порядок художественный уровень всего книжного издательства...»*

Марк Живило пережил свою жену Зинаиду на пять лет и умер после тяжёлой болезни, в возрасте шестидесяти пяти лет, в январе 1989 года. Он выполнил её последнюю волю — доучил и поставил на ноги младшего сына Льва, который, как и старший, Марк, стал художником — работником издательства.

Не успел Марк Феодосьевич выполнить до конца свой гражданский долг — написать книгу о своей судьбе, которую он задумал ещё в лагере. Материалы, которые он собирал и сохранил в семейном архиве, позволили мне рассказать о сложной судьбе удивительного человека, моего дяди.

Сергей Смирнов

Взятие Бахтинки. 1941

I.

— Рождество же, Господи! Сегодня же Рождество!

— Was?

Едва затеплившийся зимний свет сочился в щели деревенской светомаскировки — набранные из цветных тряпочек половики закрывали крохотные перекошенные оконца. В изыаном сумраке проявилась сначала металлическая, крашенная синим кровать, потом обмазанная осенней глиной русская печь, занимавшая половину комнаты. В порыжелом комодном зеркале отразились забранные стеклом фотографии людей в старомодных одеждах и причёсках, а кое-кто и в военной форме.

В дверном проёме за раздвинутыми занавесками масляно отсвечивал тяжёлый немецкий пулемёт, раскоряченный на столе у окна среди закопчённых кружек и мисок с недоеденной закуской. Дырчатый ствол, задравшись, мирно рассматривал морозные узоры на стекле. Шинель и китель Карла, как всегда, висели на гвозде у входа, а курносые сапоги косолапо сохли на шестке вместе с чугунками и Анины валенками.

— Diese Angst? Тревога? — снова сонно спросил Карл.

— Спи, спи... Рано ещё... — прошептала Анна.

А про себя добавила, перекрестившись в сторону чёрной иконной доски, прибитой гвоздём к бревенчатой стене возле печки: «Прости и помилуй мя, грешную...»

Когда-то давным-давно — если и вспоминать, то не упомнишь, а всего-то два года, — Иван, Анин муж, тремя ударами молотка приговорил — атеист новоявленный! — Николу Чудотворца к постоянному местообитанию, она его упростила. И через две недели ушёл на призывной пункт, откуда едва ли была видна долгая военная дорога, колдобинами своими и поворотами вымотавшая не одну человеческую судьбу. Дорога эта вела потом Ивана через две войны, но так и не отпустила, не привела к Аниному порогу, а поставила, после обморожения и контузии, в пехотный строй пополняющейся армии, от которой остался один номер, уничтоженной, отброшенной в начале октября немецкой танковой группой на едва подготовленные рубежи у Наро-Фоминска.

А до Бахтинки-то было — рукой подать!

Но не успел тридцатилетний солдат Ваня Губарев испить бахтинской сладкой водицы, что стояла всегда в сенном жестяном ведре, не нагреваясь в жару и не портясь, не повидал жену Анну, оставшуюся за линией фронта... Прислал только ещё весной, перед самой войной, письмо с сердечным приветом и фотографией из ярославского госпиталя. Он, видимо, писал и позже, но Анна ничего не получила, догадываясь, что виной тому не сам Иван, не перегруженная отправлениями почта, которая пыталась работать по-довоенному, а медленный круглосуточный гул нашествия, наперёд перекрывший все дороги и коммуникации.

Полтора десятка тощих куриц да сентябрьские огороды — вот всё, что напоминало о мирной жизни. Анна копала картошку, носила в вёдрах, ссыпала в погреб под печку, с утра до вечера прислушиваясь к раскатам незнакомого грома, идущего в узком пространстве между мокрыми лесами и повернувшим на зиму небом.

Немец наступал, приближался, это было ясно, и изменить ничего уже было нельзя. Передовые к нему части готовились к обороне, закапывались в левый высокий берег реки Шеняной, поросший мелким еловым лесом. Траншеи полного профиля с вынесенными на запад пулёмётными гнёздами, стрелковые ячейки, редкие трёхнакатные блиндажи управления и связи, а вверх по долине — и капониры под никак себя ещё не проявившие новые советские танки. Всё это было оцеплено солдатами, обнесено колючей проволокой и накрыто камуфляжной сеткой, накинутой на бревенчатые треноги. Вдоль бровки песчаной террасы, у самой земли, гудела от натуги натянутая между ёлками незаметная проволока минного заграждения.

Из окрестных деревень Дурдино, Воскресенского, Поповки брали жителей на земляные работы, строить эту Шенянскую оборонительную линию. Бахтинских тоже захватили, хоть и было во всей деревне шесть неказистых домов, выстроившихся вдоль протухшей старицы, откуда и воду-то брали только на огород да на стирку. Бабы-солдатки, как Анна, Катерина и Марфа, Люська, больная, сопли до колен, три деда, что и летом в валенках мёрзли, и пятеро ребятишек, из них пацанов только двое: Митяй и Колька.

И получалось так, что Бахтинка, в случае немецкого наступления в направлении железнодорожной станции 143 км, оказывалась на острие удара, на ничейной земле, между молотом немецкой танковой группировки и наковальней Шенянской оборонительной линии.

...Анна перелезла через похрапывающего Карла, всунула ноги в катаные чуни, оделась, перевязав себя крест-накрест шерстяным платком, и ненадолго выбежала на двор.

Морозная дымка висела над долиной, почти не виден был высокий тёмный лес на левом берегу, сильно посечённый, побитый снарядами во время немецкого наступления. Загустевший воздух гнул к земле корявые приречные вётылы с серебряными повисшими ветвями.

В соседней избе, у Катерины, уже топилась печь, дымовой столб упирался в пустое небо. Часового не было видно, но Аня поняла, что он не прятался, а просто бросил пост, не выдержав ночного мороза.

«Немцу и самогонка не поможет, слаб он против русского холода,— подумала Аня.— Хорошо, что Карла в охрану не ставят, отморозит себе всё... А Ванька смог бы?.. В Финляндии-то, небось, холодней...»

Привычные эти мысли как-то сразу отошли на задний план — утренние заботы сменили их.

«Пора печку топить,— думала она,— изба тепло не держит, на колодец сходить надо, со старицы воды на стирку натаскать, а потом к Катерине заглянуть насчёт праздника. Война войной, а праздник-то русский, церковный, не то что Новый год. Три месяца уж в церкви не была, страшно в Воскресенское идти — как бы за партизанку не приняли. Разве Карлушу попросить?.. Или Люську... чтоб свечку поставила?..»

Чокнутая Люська, надев дырявые галоши, ходила иногда, несмотря на мороз, в близлежащие деревни, вернее, летала, взмахивая руками, как раненая птица, горланила что-то, по-журавлиному тоскливое и непонятное, придуривалась больше, приносила новости и слухи, частично придуманные её воспаленным мозгом. Немцы не трогали её, отворачиваясь, когда она выдавала заветренными губами неприличный звук, распуская слюни до продранных на коленках чулок.

Опять подумалось про Рождество: до войны-то, бывало, собирались всей деревней у Марфы, хлебосольной хозяйки и председателевой зазнобы, гуляли весело, с плясками и частушками, но сейчас набиваться к ней в гости Анне совсем не хотелось. Может быть, из-за того, что народу в деревне почти не осталось: сядем, а говорить не о чем! — а может, из-за обер-лейтенанта, командира немецкого взвода, считай, Карлова начальника, который поселился в добротном Марфином доме. У немцев это строго, субординация, а праздник-то наш русский — общественный!

...Бой за левобережье Шеняной был смертельный. Со стороны капо-ниров пушки били внастил по верхушкам чахлого леса, но снаряды, гоня впереди себя шелестящую вибрирующую волну, рвались где-то за Дурдино, не нанося врагу никакого видимого урона, стёкла только в избах повыбивало, да осыпались скрюченные листья с дубов вдоль оврага, разделяющего деревню и хутор. Выше, навстречу нашим, шли над бахтинскими крытыми дранкой крышами немецкие снаряды, обрушиваясь на лесную оборонительную линию точно и неотвратимо. Чадила чёрным разбитая колхозная МТС. Поваленный лес там горел всё сильней и сильней, дым тянуло вниз по долине, он не стлался по земле, а поднимался всё выше и выше, пробиваемый летящим железом, но всё же прикрывал немецкие батальоны, один за другим вброд переходившие живую шенянскую воду. По ним с левого крутого

берега тукали кинжально пулемёты, а лёгкая артиллерия ачала уже прямой наводкой.

Постепенно всю низину заволокло, но сквозь бурые и жёлтые клубы просверкивали иногда длинные огни русских пушек и мерцали точки пулемётных гнёзд. Со стороны переправы у Воскресенского автоматным пчелиным звоном поддерживала их пехота, отплёвывалась винтовочными залпами, зажата между укрепленией и наступающим врагом.

Бахтинские, ни живые ни мёртвые, сидели по погребам. Избы ходили ходуном, сыпалась земля. Оглушие, они всё-таки слышали, как шлёпались о печной кирпич шальные пули, пробивавшие даже на излёте высохшие двухсотлетние венцы то с одной, то с другой стороны. Несколько раз ухнуло среди деревни, рядом, осыпало крыши земляным дождём.

Кричали бахтинские жители тонко, на одной ноте, ни о чём не думая, ничего не понимая. Писк этот странным образом пробивался из-под земли, из погребных ям, взмывал над пробитыми крышами, сливаясь с рёвом авиационных моторов. Немецкие штурмовики заходили на боевой курс, разворачиваясь над пустыми огородами. Один из них, не закончив вираж, загремел пушками в сторону обороны, прострочив каски в выдвинутой углом к реке траншее.

Вся левобережная пойма и увал были изрыты воронками. Пулемёты, накрывавшие брод, молчали; там уже уверенно копошились тёмные на фоне жёлтого песчаного бруствера фигуры,— ветер относил дымки нечастых выстрелов. Со стороны реки шли, уверенно ступая, нестройные колонны, а на мощённой булыжником монастырской дороге двигался вверх по долине танк с квадратной башней, за ним пристроились три гусеничных бронетранспортёра.

Часть немецкой пехоты, захватившей оборонительные траншеи, уже скрылась в ельнике, от которого до железной дороги оставалось совсем ничего. Туда же улетели и штурмовики, торопливо отстрелявшись над развороченными артиллерийскими позициями, добывая выживших.

Бахтинка ещё с час оставалась ничей, пока со стороны Дурдино не показались мотоциклисты и размалёванный зелёным грузовик. Немцы не стали оцеплять деревню, а въехали по-хозяйски, как совсем ещё недавно въезжал на эту улицу председатель колхоза Терентий Иваныч, правя конём из подрессоренной брички.

Немцы были сытые, мордастые, крепко сбитые. Одежда, снаряжение, ремни, оружие — всё добротное, подогнанное, скрипучее, смазанное. Видно было, что перед наступлением даже сапоги начистили.

Никакой агрессии или злости в лицах не было — обычные люди, без рогов на голове! — они даже улыбались, оглядывая сгрудившихся испуганных крестьян, жмущихся друг к другу. В улыбках этих чувствовались спокойствие и уверенность: мол, вот сегодня хорошо поработали, метко постреляли, проломили очередную линию обороны,

погоняли русских, теперь вот встали на постой — время, время, конец работы! — пора и отдохнуть после трудов.

Глаза у них только были чужие, не понимающие ни языка, ни уклада, ни духа этого маленького населённого пункта, отмеченного на их картах крохотным квадратиком и оставшегося без защитников посреди огромного поля битвы с летящим неведь откуда смертоносным железом и свинцом.

А стояли перед ними: старики, женщины, дети в кургузых пиджаках, телогрейках, платках и рваных шапках, протёртых валенках и скособоченных мужских сапогах.

Из кабины грузовика вылез молодой, не в больших чинах офицер, но солдаты быстро и чётко выполнили его немногословный приказ, отданный скорее взмахом руки в кожаной перчатке. Взвод по-деловому, без толчеи и ругани, занял избы. Офицер выбрал дом Марфы, стоявший в центре, поставил часовых на двух выездах из деревни, откуда одинаково хорошо просматривались и простреливались и голый пойменный луг, и колхозное поле выше деревни. Справа, за неубранной гречихой, виднелась деревня Дурдино, взбирающаяся серыми избами вверх от Шеняной, а слева, до оврага, заросшего ивой и дубами по краю, оставалось ещё метров триста.

Один пулемёт офицер поставил на левом краю, а второй на правом, определив его в Аниной избёнке, кособоко вросшей одной стеной в землю.

Пулемётчика звали Карл. Он улыбался, оценивающе разглядывая Анну, и она поняла, что он не видит ни грязных сапог, ни серого платка, ни клочков ваты, торчащих из прожжённой телогрейки, а только синие её глаза, воронову прядь волос, тонкий с горбинкой нос, усмехающиеся губы и стройную фигуру под бесформенной одеждой.

Она опустила глаза и машинально сделала едва заметный приглашающий в дом жест. По-русски понятный жест. И по-женски тоже. Ефрейтор Карл Вернер понял его и, нагнувшись, вошёл в полумрак сеней, а потом и в кухню, поставил пулемёт в угол, автомат положил на стол, снял шинель и повесил её на гвоздь у входа, где когда-то висел и полушубок Ивана.

Анна запалила лучину и загремела в печке ухватом, так как не знала, что делать дальше и как себя вести. Ведь у неё на кухне сидел чужеземец, враг, захватчик, которого она не приглашала в свою страну, на свою землю, а сделала это только сейчас, когда уж он сам, незванный, подошёл к самому её порогу. И если бы не пригласила, сам бы и вошёл, не спросился бы.

Из красноватого сумрака раздался чужой хриплый голос: — Der Name der Frau? Имя, женщина?

Так закончился этот бесконечный день одна тысяча девятьсот сорок первого года, октября седьмого числа, с которого началась оккупация Бахтинки.

Взвод обер-лейтенанта Клауса относился к арьергардным подразделениям полевой жандармерии, в задачу которых входила охрана тыла наступающей группы войск, а также уничтожение выходящих из окружения советских солдат и борьба с партизанами. Приказ штаба полка, что лежал в кожаном портфеле обер-лейтенанта, не оставлял никаких сомнений в том, как нужно поступать с поверженным противником, с теми, кто до сих пор не сложил оружия.

Жизненная необходимость приказа подтверждалась тем, что раненый «русский медведь», чувствуя приближение зимы, и забравшись в леса, чащи, буреломы в поисках берлоги, никак не мог улечься, ревел, мучился от бессилия, бродил в родных дебрях, выходя на опушки и раскисшие осенние дороги, нападал молча, не разбирая своих и чужих, убивал внезапно и страшно, не понимая уже цены чужой и даже собственной жизни.

По всему бывшему Шенянскому сельсовету для местных жителей был объявлен режим прифронтовой полосы, рокадные дороги строго контролировались полевыми патрулями. Любые перемещения между населёнными пунктами ограничивались, а в случае необходимости жестоко карались, вплоть до расстрела на месте. Но контуженный, оглушённый поражением, отрезанный от своих и не выполнивший боевой задачи красноармеец всё шёл и шёл, полз и полз, выбредал на чужие уже дороги, оставляя умерших на опушках и в приречных ивняках. Стремился одинокий русский солдат добраться если не до своих регулярных частей, так хотя бы до любой плохонькой деревушки или избёнки, лишь бы в ней только по-русски говорили. Боялся тусклого дневного света, шёл на домашние деревенские дымы, как больное животное, в поисках еды и тепла...

Однако в самих деревнях жизнь текла почти мирная. А уж в доме у Анны наступило едва ли не полное согласие: не думала она никогда, что может быть такое между женщиной и мужчиной, любовь, про которую в книжках пишут, но чувство-то — вот же оно, вот! — доселе незнакомое, почти животное, и она темноты ждала с самого утра, как вечерней службы.

«Ах, если б не был он немцем (фашист — так она про него даже подумать не могла!) — пришёл бы, приехал сам, по-хорошему, без всякой войны, то и не надо было бы больше ничего, всё бы по полочкам разложилось само собой», — по-детски мечтала она, не веря, однако, что жизнь может быть такой счастливой, как в сказке, а счастье — долгим. И пыталась — безуспешно! — совсем уже не вспоминать жизнь с Иваном, которая держалась на чём-то другом, не таком сильном и притягательном. Но главное она всё же вывела: не было у них с Иваном Губаревым любви, не было! С её стороны, по крайней мере, — жили как договорились. Потому и осталась она одна, без сыночка, без дочечки; впустую жили, трудодни зарабатывали, и в гнездо семейное

особенно не тянуло. А вот Карлу — хорошо с ней. Она всё поняла, когда увидела, что ему по дому хочется что-нибудь сделать, не только дров наколоть, и ощущала это всем своим очнувшимся женским существом, когда он шептал ей что-то ласковое после, и перед тем, как уснуть... Но самое-самое, что тронуло её огрубевшую душу: он подарил ей смешную соломенную куклу — и где только солому свежую нашёл? — с тёмными, как у Анны, волосами, которая прижимала к себе другую, совсем маленькую, куколку с синими точками глаз. Значит, тоже об этом думал, даже когда стрелял из своего пулемёта.

Три раза в неделю из притихшей Бахтинки в сторону железной дороги уходил ошетиленный штыками и стволами грузовик. Разбитые дороги уже приморозило, и автомобиль мчался на предельной скорости, не замедляясь на поворотах, задевая придорожные кусты и мохнатые еловые ветви. Из леса иногда постреливали — то ли недобитые окруженцы, то ли большевистские активисты гадили по-мелкому, — бывало, и попадали, лежал тогда убитый немецкий солдат, раскинув руки крестом на весь кузов, катался от борта к борту, хватал за ноги. Кто-то, ужасный и неуловимый, валил деревья поперёк дороги, чаща смотрела угрюмо, как пилят и рубят препятствие, молчала, чем ещё больше наводила страху. Семь русских вёрст всегда стоили ста пятидесяти европейских.

Но Карла Бог миловал — русский или немецкий, Анна не знала, молясь почерневшему лику Николы Чудотворца: обносило его от смерти, и это казалось ей почти рукотворным чудом.

Грузовик обязательно возвращался в тот же день, засветло, с грузом продовольствия, боеприпасов, бензина. Иногда делался специальный рейс за дровами: лес пилили пленные красноармейцы, но по опушкам — конвоиры, солдаты вермахта, старались вглубь не заходить.

Ходили слухи, а в русской деревне можно сутками в избе сидеть и знать обо всём на свете, что в Белёвском массиве хозяйничают партизаны. Бродят ночами от хутора к хутору, собирают продовольственную помощь, продналог, готовятся к боевым действиям, информацию требуют, где и сколько немецких солдат разместилось, как охрана осуществляется, чем вооружены, куда ездят и зачем. Говорили, партизаны наши не лыком шиты — используют, видимо, чернотроп. Снег выпадет — особо не побродишь! Поэтому запасаются надолго, чтоб до весны хватило.

«Да как же это, бабоньки?! Неужто к Рождеству немца не погонят?! А то ведь свои, советские, по миру пустят! У нас же дети, старики! Хорошо ещё — супостат подкармливает, керосин вот дармовой, дров не жалеют, дрова, чай, не колхозные! Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Но как только узнали, что командует партизанами Терентий Иванович Кобылко, враз умолкли.

«Тс-с... Наши там, в лесу с голоду пухнут, не могут никак сил на акцию набрать да нас освободить! Надо всем миром, да по зёрнышку, да по картофелине, да по...»

Ещё партизаны любили самогон, грелись им в холодные ночи, бряцали оружием в свете костров, грозили в темноту: у-у-у! Не боялись, пьяные, в открытую огонь жечь, а вот ходить побираться вызывались только по-настоящему смелые, потому что при этом нужно было людям, бывшим своим соседям, колхозникам, в глаза смотреть и взгляд их выдерживать, нельзя было взгляд опускать. Ещё желваками поиграть нужно было, кулаком по столу стукнуть или рубаху рвануть, чтобы пуговицы автоматной очередью... А то и наганом, стволом его, мушкой, нос кое-кому непонятливому раскровянить. Если и так не понятно было — «петушка красного» могли подарить. Если вы на дело добра жалеете, то нам для вас подарка — нет, не жалко!

Ну не мог партизан не любить самогона, как тот медведь, которому рогатина улечься не даёт, согласно инстинкту, до весны: всё раздражает его, всё бодрит, толкает на подвиги, дальше и дальше от леса, от укромных выворотней, от чащоб — в чисто поле... и смерть ему не страшна тогда.

«Иначе, — говорил Терентий Иваныч, — не будет никакого партизанского движения! Духом, духом своим несокрушимым должно врага побороть!» — «А где он, дух-то?» — «Вот он, в народной гуще!» — «Испускать?» — «А как же?! Ну, что? Все-е, ра-азом, пли!!!»

Испускать дух не хотелось никому — ни в прямом, ни в переносном смысле. Молва приносила главное: советская власть жива! А вы, простые жители, только воздух от страха портите! Это ж вам не к тёще на блины! Одной картошкой, дескать, не откупитесь!

От таких заявлений у богомольных жителей была одна защита — вера!

«Вот что, дорогие партизаны или как вас там: если Бога в душе нет, то нет Его нигде. Вот так».

В конце октября немцы узнали, что справиться с регулярной Красной Армией, заткнуть рот местному полуголодному населению куском эрзац-хлеба — это ещё не всё. На оккупированной ими местности есть активно недовольное завоевателями гражданское сопротивление.

Рано утром, чуть забрезжило, Анна, по всегдашней своей сельской привычке выйдя через заднюю дверь на двор, ахнула:
— Снег выпал!

Слабенький ещё был снежок, пороша, а на душе тут же чисто как-то стало, легко, пропавший в войне муж Иван почему-то вспомнился, подумалось: а может, не так уж всё плохо было? Может, не сегодня-завтра раздастся опять гром небесный, загрохочут краснозвёздные танки, полетят несметной тучей краснозвёздные аэропланы, загремит опять мощным хором русское «ура», а впереди всех с красным

знаменем — первый бахтинский косарь Иван Губарев? Как Чапаев, в крылатой бурке. «Ура-а-а! За Родину-у! За...»

Шилом словно, проткнул винтовочный выстрел притихшую перед восходом белизну. Аня привычно уже закрыла голову руками, присела и, замерев, принялась ждать ответного шквального треска безотказного немецкого оружия. Но вместо этого услышала тот же бронебойный звук русской трёхлинейки. Потом ещё два торопливых удара по барабанным перепонкам — так гулко и близко прошла звуковая волна.

— Патруль уложили, оглашенные, — прошептала Анна и провела по лицу холодными, как снег, руками.

Из избы выскочил Карл со своим пулемётом, в криво нахлобученной каске, в шинели с поднятым воротником, в сапогах и подштанниках. Прокричав что-то, он вывалился за калитку и упал на снег. Часовой из-за берёзы дал короткую очередь в белый свет и, перекатившись на спину, засвистел в свисток. Откуда-то с огородов в сторону леса тут же застучал немецкий МГ, нерусская речь полетела вслед, а по звонким промёрзшим доскам тревожно загрохотали кованые каблуки.

— Пресвятая Богородица, спаси их, — продолжала шептать Аня, не задумываясь, за кого она молится, за кого просит, за своих или чужих.

Все у неё в голове и сердце перемешалось, в ушах звенело от выстрелов и лязга затворов.

Тем временем взвод обер-лейтенанта Клауса, вытянувшись редкой цепью, бежал по полю на выступ леса между Дурдино и Бахтинкой. Где-то с правого края зигзагом передвигался Карл, держа под мышкой косую палку пулемёта, белые икры мелькали под лапами распахнутой шинели. Потом, видимо, запыхавшись, он упал и, упершись в пашню ногами, гулко стеганул по ельнику.

Из Дурдино тоже затрещали выстрелы, но пули почему-то рикошетили от мёрзлой пашни и с визгом пролетали над наступающей цепью. Дурдинский гарнизон прозевал партизанскую вылазку и теперь спросонья, заняв круговую оборону, неприцельно бил по всему, что шевелилось на белых равнинах. Однако со штабом полка, охранявшего железнодорожное депо, командир батальона связался сразу, как только понял, что ничего серьёзного не произошло. Он закурил сигару, последнее, что осталось от французской кампании, накинул китель и подошёл к окну.

За рекой Шеняной и за лесом на востоке, над железной дорогой, слышно было мирное посвистывание утренних паровозов, сдёргивающих пристывшие за ночь к рельсам эшелоны. Буферный лязг и грохот бежал цепной реакцией вдоль путей — там шла большая, хорошо налаженная стратегическая жизнь, звуки которой летали над всей округой, легко перекрывая слабую трескотню несерьёзной тыловой перестрелки.

Неразбериха быстро закончилась, так как лес не отзывался на огонь, опустив прихваченные морозом еловые лапы.

Через два часа на монастырской дороге появился, чадя клубами выхлопных газов, бортовой бронетранспортёр на гусеничном ходу. Рёв двигателя метался между двумя деревьями, словно заблудший дух погибшего патруля, не успевшего понять, что же всё-таки произошло. За бронетранспортёром шли два грузовика с солдатами, и колонна неторопливо втянулась в Дурдино, над которым медленно поднимался столб дыма, вместе с ним рвались к небу языки пламени, и кто-то с нечеловеческой силой бил в набат. Колокольный гуд колхозной рельсы плыл над безлюдной заснеженной поймой сигналом народного бедствия.

Бахтинские сидели по домам. Неосознанное чувство вины и неправимого несчастья мучило всех, кроме Митяя и Кольки. Мальчишки занимались своими мальчишескими делами: вытащили из сарая деревянные санки, облили полозья водой и с криками скатывались на едва схватившийся, гладкий и почти невидимый старичный лёдок, под которым можно было разглядеть, как через стекло, зелёную подводную траву и даже толстых полосатых окуней, неторопливо плавающих среди водорослей.

Анна топила печь, а Карл чистил оружие, бормоча что-то себе под нос. Вернувшись после облавы, он пытался рассказать Анне, как всё прошло, как он видел над планкой прицела фигурки убегающих в лес *partisanen*, но было далеко, он не успел прицелиться, не успел... не смог достать их, а должен, обязан был, как солдат великого рейха, выполнить приказ, доделать эту свою работу... *verdamm!*... чёрт возьми! Он говорил долго и горячо и даже размахивал руками, но Аня только улыбалась и качала головой:

— Не понимаю... нет... не понимаю... Ну, ничего, Карлик,— утешала она его, проводя по ёжику волос своей огрубевшей крестьянской рукой.

Даже сейчас она не могла сказать себе, признаться, что же он делал у леса, что за работой он только что занимался, что одной из убегающих фигурок, не успевших попасть в прицел, мог быть только бывший председатель Кобылко.

— В другой раз...— приговаривала она бессмысленно, хотя ничего не имела к председателю, ни хорошего, ни плохого, а приставания его тогдашние, довоенные, воспринимала даже с чувством некоторого превосходства: слабый мужик, не надёжный, как Иван.

«Марфа вот не отказала,— продолжала размышлять про себя Анна, стирая Карлово исподнее, перепачканное на поле.— Поверила обещаниям, родила ему двух сыновей, но как не прибыло ей счастья при коммунистах, так теперь при немцах живёт сама не своя от страха, хоть и лейтенант у неё в доме. А Терентий Иваныч так вокруг Бахтинки и вьётся, зубами щёлкает, аки волк голодный... или кобель. Ревнует, что ль? А не может немца-то осилить, вот и злится! И помощи от него

не видеть, а только наоборот. Выходит-то — что?! — неожиданно для себя пришла она к выводу. — Что нет, не такой он чистый и святой, за какого себя выдавал: и от законной жены вторую семью скрывал, и здесь толком-то не жил, не по-людски как-то делал, а сейчас и вовсе — немцев застрелил, а сам в лесу сидит, с партизанами, а они все с ружьями и никого не боятся, только вот на деревню своим баловством, похоже, беду навёл...»

Карл потихоньку отошёл от горячки погони и стал что-то напевать, собирая в единое целое промасленные части пулемёта. Анна поставила на стол глиняную плошку с варёной картошкой и тарелку с квашеной капустой, а потом бутылку первача и две нерусских алюминиевых кружки. Утешила, как могла.

— Gut. Wir warden Siegen! Мы победим!

Набат в Дурдино прекратился, но в полдень, когда пожар почти погас, с той стороны послышался неясный нарастающий вой, перешедший в тоненькое, какое-то детское нытьё, потом раздался мощный залп и следом несколько одиночных хлопков. Взрели моторы, и на выезде в направлении Бахтинки показался прыгающий на ухабах бронетранспортёр.

Карл оделся по полной форме, надвинул на нос каску, долго затягивал на шинели ремни. Вместо пулемёта он взял короткий автомат, клацнул тяжёлым длинным магазином и с побледневшим лицом вышел на улицу. Анна тут же опустилась на лавку, бросив ослабевшие вдруг руки вдоль тела, и, обмерев возле окна, смотрела, как Карл выдернул из забора корявую штакетину и припёр ею наружную дверь.

Взвод обер-лейтенанта Клауса встретил карательную роту эсэсовцев напряжённым молчанием, построившись вдоль старицы. Часовой на въезде поднял руку в приветствии и держал её так, пока вездеход с белыми крестами на бортах и грузовики, рыча, не втянулись в деревню, обдавая замерших солдат газолиновой вонью.

Офицер в короткой шинели и кожаном танковом шлемофоне принял рапорт обер-лейтенанта, неторопливо оглядел серо-зелёный пехотный строй, съёжившиеся избы, поднял лицо к голубому небу, бросавшему на подмерзающий снежок длинные, тоже голубые тени, и, напрягшись всем телом, прокричал что-то, вытолкнув в лицо лейтенанту клуб морозного пара. Тот, не поморщившись, рывкнул в сторону солдатской шеренги. Она тут же распалась, и солдаты, оскальзываясь, как во время утренней погони, бросились к домам, из которых только что вышли.

Мрачный танкист закурил, сложил руки в перчатках за спиной, отвернулся от деревни и, выжидательно глядя себе под ноги, сделал несколько шагов по скрипучему снегу.

Все деревенские были в сборе, как в первый раз, месяц назад. Марфа, простоволосая, в накинутом на плечи платке и обрезанных валенках, с независимо поднятой головой, под руками, как под крыльями,

насупленные Колька и Митяй. Катерина с тремя девчонками, одна, двухгодовалая, на руках, завернута в ватное одеяло. Три деда, полусогнутые, с палками, с выцветшими от долгой жизни глазами, что первую германскую видели и у кайзера милости не просили. Люська во вражеской шинели, приплясывающая на морозе, голые ноги в резиновых ботах.

Не было только Анны.

Обер-лейтенант, спрятав глаза под козырьком фуражки, нашёл наконец взгляд ефрейтора Вернера и, догадавшись обо всём, доложил, что все жители деревни Бахтинка собраны. Карл Вернер незаметно выдохнул и переступил с ноги на ногу.

Ровно пять минут командир карательной роты говорил о бандитском нападении партизан, о новом порядке регистрации жителей, о вознаграждении за сведения о местонахождении бандитов и наказании за недонесение.

Вернер видел, что русские не понимают ни слова и ждут только одного: что будет дальше. А дальше по всей деревеньке послышались скрипы открываемых сараев, глухие выстрелы, удары прикладов, кудахтанье кур, где-то на левом краю коротко мыкнул телёнок, и у гусеницы бронетранспортёра образовалась кучка набитой птицы, поодаль лежал пристреленный бычок. Больше в деревне домашней живности не было.

Танкист забрался за броню, хлопнув люком, а солдаты забросали трофеи в грузовик. На этом акция кончилась, каратели двинулись в сторону Дурдино, а бахтинский гарнизон, покурив у околицы, разошёлся по своим делам.

2.

В декабрьском, замусоренном войной лесу стучали топоры, звенели пилы. Еловые, берёзовые стволы распускались на дрова и блиндажи армии, вставшей в последнюю оборону. От крепкого мороза деревья трещали, вставал на дыбы лёд на реках, мать-земля окаменела, не давала солдатам счастья зарыться в неё, а танки с бронетранспортёрами, тягачи-трактора, бывшие «колхозники», танкетки ползали еле-еле, визжали по снегу глянцевыми траками, покрытые изнутри длинными иголками инея. Всякое движение сковал мороз! Так и немец выдохся, не дотянул свои войсковые порядки до окраин столицы на какие-то десятки километров. Встал, будто примёрз, по-русски перевести морозный дух.

Капитан Сергей Петрович Давыдов, бывший командир роты, кадровый военный, награждённый за бои на озере Хасан, сидел под арестом, мучаясь угрызениями совести.

«Чёрт бы его побрал, рядового Островского! — думал Давыдов. — Надо ж было додуматься, мать его! Изменник родины! Фашист! Самострел!»

Тут у капитана просто меркло в глазах от ненависти, он скрежетал зубами, мычал, как от зубной боли, и тянулся к кружке с водкой, и если бы попался ему сейчас улыбчивый и начитанный Илюша Островский, рыжий до конопушек на руках, — живым бы не ушёл, рубь за сто.

«А я-то, мудака, уши развесил: Литературный институт, Максим Горький, любовь к Родине — о-о-о! А потом в валенок... себе же... мороз под тридцать... у-уй, сволочь, расстреляю!»

Бессилье мучило его, лежащего в засаленных ватных штанах и телогрейке на охапке сена сорок первого года, которую кинули ему латыши, перед этим вынеся всю мебель из крохотной комнатёнки колхозного бухгалтера. Принесли водку, прожжённую плащ-палатку, одеяло с бахромой и пятнами блевоты или ещё чего. По-дружески принесли, чтоб не замёрз, поставили часового, чтоб не сбежал, глупостей не наделал.

Ему хотелось напиться, но водка не брала — и ротного запаса не хватило бы.

Застрелиться или повеситься он не мог, ведь, по сути, не его была вина в том, что какой-то рядовой его роты попытался дезертировать, ногу отморозил, падла, уйти от судьбы попытался, бросить бойцов-товарищей, которым такое и в голову не могло прийти, а попытался — значит, изменил Родине. И Родина должна его покарать, иначе всё нарушится, не будет дисциплины и порядка, а враг войдёт в Москву, и тогда погибнут все, весь советский народ. И выходило, что вся гибель начинается вот с такого обычного рядового Островского.

«А может, он всё-таки не виноват? Ну, дал слабину, но не струсил же! Приказ нарушил, так на передок его, под огонь, в грязь лицом, но что-то же он успеет там сделать, завалит ещё двух, ещё трёх! Да хоть одного! Не по-ни-ма-ю».

...Латыши отдельной дивизии НКВД отступали тогда, в сентябре, последними, задерживая панически бегущих из окружения красноармейцев, и у случайной деревни Бёрдовка, не проверяя документов — всё равно всем вышедшим обратно топтать, — формировали новые подразделения, боевые группы, назначали командиров, не глядя на знаки отличия, и снова отправляли в бой. Безоружные, измождённые, в грязных бурых бинтах, стояли, переминаясь, солдатики неровным строем перед затянутым в ремни майором Паншей. Палец одной руки он засунул за портупею, а в другой, опущенной, держал горячий ТТ.

— Тофарищ Сталин тал мне полномочия расстреливать фсех, кто пежит, просает оружие, стаётся в плен. Сейчас фы, изменники Ротины, толжны испкупить сфюю вину, ценой собственной жизни остановить фрага! Иначе — расстрел на месте!

— Майор, — раздался из шеренги осипший голос, — дай нам хотя бы хлеба кусок, и оружие, и... да хоть штык! Не с голыми же жопами

нам на танки идти! А то агитацию каждый может разводить. Ты сам-то там бывал, а?

— Кто это? Тва шага фперёд!

Пораженцы расступились, освобождая проход, откуда, хромая, вышел немолодой красноармеец в офицерских сапогах.

— Ну, я, полковник...

Договорить полковник не успел, пуля из ТТ попала ему в глаз, и он осел к ногам отшатнувшейся шеренги.

— Пофторяю ещё раз!

...Вспоминать это было страшно, и капитан Давыдов с силой зажмурился, пытаясь выдавить, вычеркнуть из сознания подёргивающееся тело полковника и забрызганные кровью лица солдат...

Ему дали двадцать бойцов, из которых одиннадцать были ранены, а пятеро не имели обуви. Дали четыре винтовки, три обоймы патронов и два немецких штык-ножа. Кто-то из латышей, видимо пожалев, сунул им четыре бутылки зажигательной смеси, и через час, под вечер, в бёрдовском лесу они из засады напали на передовых мотоциклистов, забросав их горячей смесью, но зажечь удалось только три из пяти мотоциклов, остальные открыли ураганный пулемётно-автоматный огонь по придорожным кустам, по мелькающим среди ветвей белым бинтам и положили всех, кто поднялся бежать, даже если бежать уже не мог. Вокруг подождённых машин вяла в пламени трава и, крутясь, смрадно чадило мотоциклетное колесо, наполняя лес запахом горячей резины. Огонь трещал сучьями, поедая обезображенные лица пришельцев — лес пах горелым мясом, — а потом пошёл по стволам вверх, и оттуда, с неба, посыпались тлеющий пепел и исходящая багровой каёмкой листва, освещая нереальным светом копошащиеся запёкшиеся тела. Редкое удаляющееся туканье трёхлинеек ещё больше разозлило немцев, и они свернули с дороги в лес, где дело дошло до рукопашной. Работая тесаками молча и уверенно, мотоциклисты добились тех, кто ещё дышал, но в глубь леса не пошли, а встали, коренастые и сильные, в тёмных от пота кителях, перетянутых ремнями, вглядываясь в переплетение ветвей. Подсвеченные красным, их покрытые пылью и потёками лица казались окровавленными, в них не было ничего человеческого, только глаза, внимательные глаза убийц. Один из них поднял с земли автомат и двинулся в сторону шевелящихся чёрных тел...

Сшибка кончилась... Давыдов остался с тремя бойцами: казаком Мансуровым, лейтенантом Сашкой Воробьёвым и рядовым Островским. К ночи они вышли на окраину Боровска, были остановлены боевым охранением — повезло ещё, что не посекали их свои же в темноте, — снова разоружены и предстали пред стальные глаза капитана Викманиса. Будить майора Паншу капитан не стал, но всё же выслушал нехотя рапорт Давыдова и сказал:

— Разбираться будем завтра, в бою.

Переночевали они в холодном кирпичном складе завода игрушек на берегу речки Текижи, заполненном теми, что чудом ушли от наступающих немцев и стали теперь изменниками Родины, отбросами священной войны. Охрана время от времени светила внутрь склада фонарём, зло и коротко кричала что-то на непонятном языке, не давала спать. В скользком свете таращились со стеллажей коровьими глазами русские матрёшки, деревянные медведи и козлики заносили с полуобвалившихся полок молотки и топорики для нестрашного удара, на цементном полу валялись раздавленные сапогами липовые ложки — «Ищи мясо!», черпало отдельно от хлебала. Никто не спал в ту ночь в игрушечном складе, не приспособленном для войны строении, где ещё какую-то неделю назад пахло древесной пылью, лаком, детским заповедным мирком. Сейчас же выматывающее нутро и сердце, гложущее мозг чувство безысходности владело этими обречёнными людьми, доводило до нервной икоты, до рвоты кровавой слизью, до умопомешательства и осязаемо висело в воздухе вместе с запахом смертельного пота, мочи и загнивающих ран. Давыдов с Воробьёвым лежали спина к спине, их трясло крупной дрожью, от которой лязгали зубы. Не было ничего для них впереди, кроме этой нереальной, заполненной человеческими стонами и вскриками ночи. Что они могли сказать друг другу? Чем облегчить свои умершие души?

Ночью прошёл дождь, и с поздним осенним рассветом их, почти сотню живых мертвецов, вывели на окраину города, к кладбищу, над которым кружила с диким ором воронья стая. Вековые липы раскачивали ветвями под порывами западного ветра, роняя в жирную землю крупные капли-зёрна. Там каждому дали по варёной картофелине и загнали в траншеи за последними городскими домами. Теперь между ними и смертью лежало только изрытое воронками бурое поле, по которому там и сям виднелись плоские бугорки трупов. — Слышь, Серёга... зря мы... опять к этим... латышам... мать их... вышли... — прохрипел Воробьёв, давясь недоваренной картошкой. — Это ж, бя, звери...

Последние слова были накрыты воем бомб, падающих им на головы из низких, ползущих над головами облаков. Стука штурмовых пушек они уже не услышали.

Быть может, это и спасло их, когда немцы, захватив траншеи, с ходу прошли дальше, в город, где попали под перекрёстный огонь фланговых пулемётов. Это засадная рота капитана Викманиса отсекла их от увязших в пойменной глине танков и довершила дело, танки повернули назад. Перед следующей атакой немцев она же, почти не понёсшая потерь рота, успела собрать оружие в траншеях и вытащила к кладбищу оставшихся в живых. Давыдова контузило и легко ранило в ногу, а Сашке срезало осколком два пальца на левой руке.

Мансурова среди спасшихся не было, рядовой Островский сидел на могиле, свесив голову между колен, его рвало.

— В-всё... рав-вно... з-звери,— широко открывая непослушный рот, выговорил лейтенант.

Мимо них, огибая крайние к большаку могилы, текла медленная река пехоты, смертельной усталостью веяло от неё. Примкнутые штывы раскачивались над колонной, словно поддаваясь порывам ветра, несущего над обезображенной землёй сорванные листья и сгустки сизого дыма. Проскакивали редкие, забрызганные грязью грузовики, под наскоро притянутым брезентом тряслись зелёные войсковые ящики, бочки, выглядывали поверх бортов забинтованные головы раненых. Разномастные битюги с репьями в гривах и хвостах тянули пушки с опущенными стволами, артиллеристы шагали широко, оглядываясь на понурюю пехоту.

— Что ж они этих-то в тыл пропускают, Шипки герои?— скрипел зубами Сашка.

— Передислокация... не понимаешь, что ли?.. Артиллерия, брат, гаубицы издалека должны бить, а тут...

А тут и подбежал к ним совсем молодой красноармеец в мокрых по ширинку брюках, со скаткой через плечо. Лицо его в юношеском пушку дёргалось. По-лошадиному кося глазом и захлёбываясь словами, он прокричал, что немцы всё-таки прорвались, что сосновый бор на том берегу реки захвачен, что там сидят немецкие пулемётчики-снайперы, гады, что стреляют они сверху по всему, что движется, что выбить их оттуда не удалось, а только положили тридцать человек в болото, а немцы не дают им головы поднять, а может, уже и некому там голову поднимать, может, фрицы уже дальше прошли, к самой дороге, к мосту.

— Прикажете что-нибудь, товарищ капитан, а то ведь мост перейти не успеем, побьют нас, товарищ капитан, всех побьют, всех... нас...

Викманис, молчавший до этого и словно специально дождавшийся последних этих слов, поднял ТТ:

— Замолчи, тварь! Драпать хочешь?! А ну стоять! Как фамилия?

— Галко!

Давыдов представил, как полетят сейчас мозги солдата в придорожную канаву, и отвёл взгляд.

— Островский, мать твою! Хватит блевать! Остановить пушкарей! Бего-ом! Галка, и ты с ним, сука!

Островский, утираясь пилоткой и путаясь в полах пробитой шинели, боком двинулся к дороге, стараясь подальше обойти капитана с пистолетом в руке. Мокрый красноармеец присел, отвернув белое лицо, и тоже боком побежал за пушкарями.

Лейтенант-артиллерист не сразу, видимо, понял, в чём дело, какая опасность над ним нависла, и некоторое время крутил головой, слушая выкрики красноармейца, который размахивал руками в сторону капитана Викманиса и заречного бора, потом резко крикнул расчёту, и лошади, тянувшие последнее орудие, облегчённо встали.

Контуженные и раненые, все, кто остался в живых после немецкой атаки, облепили гаубицу подобно жукам-пожарникам и под командой лейтенанта, скатив её с дороги, начали толкать, оскользаясь, вверх по косогору. Битюгами правил, нахлёстывая, сержант с медалью на груди, гимнастёрка его парила, пилотка прилипла поперёк головы.

Лейтенант тем временем поднялся до ближайшей избы, выбирая позицию, повалил невысокий забор — тяжеловозы тут же втоптали его в набухшие водой грядки — и ткнул каблуком: здесь.

Из избы вышла женщина, помахала рукой, но сержант опередил её, крикнув:

— Здорóво, кума! Заехали вот к тебе, ставь самовар, чай пить будем!

Женщина улыбнулась и ушла в дом, а те, что стояли в её развороченном огороде, измученные и грязные, не имевшие сил даже на то, чтобы матюгнуться, начали смеяться так, что пехота на большаке повернула головы в их сторону, отчего стало казаться, будто идут пехотные колонны парадом, равняясь на правофлангового, на высокую трибуну...

Отсюда, с высоты, открылся противоположный берег реки с сосновым бором, заболоченная, поросшая кустарником пойма, и Давыдову удалось разглядеть почти беззвучные огоньки немецкого пулемёта. Лейтенант, оторвав от глаз бинокль, извиняющимся тоном доложил, что снарядов у него всего семь, поэтому, независимо от результата, он может истратить только три.

— Но мы постараемся! — добавил он.

— Ну-ну, постарайся, — сказал капитан Викманис, глядя на ту сторону долины. — Они на тебя молиться будут.

И отошёл подальше от артиллеристов.

Первым снарядом лейтенант срезал одинокую сосну на краю бора рядом с пулемётом — она упала поперёк дороги, выходящей из леса, — и, оглянувшись на капитана, с вызовом проорал:

— Тоже неплохо!

Второй попал точно в бруствер пулемётного гнезда, дымы от разрывов медленно относил в сторону болота, но заметить там какое-либо движение никто не успел, так как с той стороны ударил орудийный выстрел, шелестящее эхо, оттолкнувшись от стены сосен, ушло вверх и стихло.

«Ложись!» — хотел крикнуть лейтенант, но губы не послушались его, искажённые ударной волной. Немецкий снаряд, пробив крышу избы позади него, взорвался внутри, осыпав позицию осколками, щепками и комьями земли.

Спустя минуту присыпанные суглинком бойцы зашевелились, открывая рты, оранжевый дым стлался над огородом, и дышать в нём было нечем.

— Эх, кума, кума... — беззвучно прошептал Давыдов и опустил руки, прикрывавшие голову.

Повезло тем, кто оказался в мёртвой зоне, на дне овражка между кладбищем и высоткой, и куда были заведены распряжённые лошади. Капитан Викманис, Сашка Воробьёв, Островский, ещё несколько красноармейцев давили ладонями на уши, пытаясь вернуть слух. Артиллеристов же осталось трое — сержант и двое бойцов: это казалось чудом, так как весь ливень железа пришёлся на орудие.

— Неплохо... неплохо... — бормотал рядовой Островский, тряся головой.

Внизу, в ручье, колыхалась вместе с травой голова лейтенанта.

Юный красноармеец исчез, а пробитая, измочаленная осколками скатка оказалась на опустевшем большаке...

Под вечер дивизия НКВД оставила город и шла без остановок до самого Наро-Фоминска. Остатки слабо обороняющихся обескровленных армий, снова и снова опаздывающих закапываться в землю, уже не могли сдержать наступление врага...

После госпиталя красноармеец Давыдов попал на переформировку и там снова встретился с майором Паншей. Внимательный взгляд майора, скользнув по строю разномастно одетых солдат, профессионально зафиксировал знакомое лицо.

— Ну что, Дафытоф, со мной польше отного раза не фстречаются. Ты перфый. Смерть опхотит тебя. Поэтому я сапираю тебя к сепе. Ну что, путешь моим... талисманом?

— Я же не знаю ни слова по-латышски! — попробовал отказаться Давыдов.

— Уснаешь.

Панша восстановил его в звании и поставил на роту. Капитан Викманис первый пришёл к нему в гости в только что отстроенный блиндаж, вкопанный в крутой склон оврага. Сквозь кроны корабельных сосен голубело декабрьское небо.

— Здравия желаю, сосед слева. Как нога? Приросла?

Викманис, в отличие от Панши, хорошо говорил по-русски.

— Приросла, приросла. Как твоя контузия? — ответил Давыдов, а про себя подумал: «Прямо беседа светская», — хотя после той артиллерийской дуэли на окраине Боровска вполне оценил боевую латышскую хватку.

— Да чёрт с ней, с контузией! Да и не обо мне речь, а о тебе! Для тебя сейчас главное — что?

— Не что, а кто! — усмехнулся Давыдов. — Главное, чтоб душа на место вернулась, Имантс.

— Ну-ну, брось. Это не по-военному. Тебя не только немцы, но и мы не смогли убить. И не один раз, — тут Викманис хохотнул. — Поверь, это многого стоит. Ты умеешь воевать, это главное, основное, что сейчас нужно. И потом, в твоей роте много моих земляков, это хорошая поддержка.

— Ну-у, если они все такие, как ты...

— Не ехидничай, просто они действуют по-своему, как им приказали, а ты теперь один из нас, и тебе тоже прикажут, когда придёт время. Надеюсь, с чувством долга у тебя всё нормально? Ну что ж... давай выпьем за это?

— Давай...

Давыдов выпил и неожиданно для себя сказал:

— Слушай, помоги мне отыскать Воробьёва и Островского... Ну, тех, с кем ходили тогда в бёрдовский лес и гаубицу тащили, помнишь? Они... вы же тоже их... не смогли. Ну, помнишь?

Сашку Воробьёва нашли в полевом госпитале, рана на руке гноилась, не заживала. Сашка таскал носилки, колол дрова — в общем, не унывал, трудился.

— Серёга, как же ты теперь... с ними? А пацана того, лётчика, не забыл, которого немец тесаком добивал? Он-то в чём виноват был, раненный к тому же?.. И не надо мне про офицерскую честь и героев Шипки, понял?! Я её по-другому понимаю! — сказал он, покосившись на давыдовские синие петлицы. — И как приказы выполняются, мне объяснять не надо!

Короче, отказался Сашка. Помогая себе забинтованной рукой, он свернул самокрутку и добавил:

— Видишь, не долечился я ещё, капитан... Наступления подожду, извини.

Островского вынули из пехотных траншей, прямо с переднего края. — Цени отношение, Сергей Петрович, как ценит его этот рыжий жидёнок, — смеялся Викманис.

Он никогда не забывал, кто есть кто.

«А где же он теперь, рядовой Островский, а? — думал Давыдов, лёжа в бухгалтерской комнатке. — Он мне про деда-раввина, я ему про вросший в дерево плуг и паровоз в дальневосточной тайге... рельсы-то в переплавку забрали. Это всё, что от прадедов моих осталось. А вот что от меня останется? А он, Илья Абрамыч, видно, и не понял ни черта. Лежит уже где-нибудь... и мозги в пилотке... писатель хренов...»

Так думал капитан и тербил свой свалывшийся казацкий чуб, покусывая сухую травинку. Похмелье не отпускало, потому и мысли были дикие, крамольные.

Представить завтра утром себя, орденосца, пусть разжалованного, рядового, но идущего в атаку пехотным мясом, он не мог. Но если б доверили ему построить роту, сказать обязательные и такие слова, от которых перехватывает горло, а у бойцов каменеют скулы, и строй начинает покачиваться, не смея переступить с ноги на ногу... Вот если бы! Вот тогда! Доверили бы только, оружие вернули... А кубанка сама найдётся!

Но не было той роты, не было уже рядового Островского, пережившего те страшные дни у деревни Бёрдовка, у той высотки над

кладбищем. Расстрельный взвод, матерясь по-латышски и втихаря крестясь слева направо, привычно положил пятерых самострельщиков сразу после трёхминутного заседания военного трибунала. Добивать никого не пришлось. Трещал лишь в морозном лесу дятел, передразнивая автоматную очередь...

Не знал этого бывший капитан Давыдов и думал, что сам обязательно разберётся с этим, мать его, Островским, чтоб хоть как-то, чем-то искупить... И не страшна ему была поэтому последняя его, Давыдова, атака.

Но на следующий день не было никакой атаки, был всё тот же дивизионный особист майор Панша. И это было хуже, чем идти на кинжальный огонь пулемётов или с голым штыком на немецкие танкетки... Панша долго рассматривал бумаги, написанные чернильным карандашом, разбирался в корявом почерке. Давыдов сидел на прибитом к полу табурете и тупо смотрел на испачканные синим пальцы майора.

Наконец Давыдов услышал:

— Ты фытаскивал Острофского с перетовой?..

— Да...

— Или он сам нашёл тепя и попросился в тфою роту?

— Нет...

Майор пошуршал бумагами.

— Ещё раз спрашиваю: или он сам пришёл к тепе и попросил по старому знакомству перевести его ф тылофую часть?

— Капитан Викманис помог мне найти Островского...

— Имантс Викманис?! С чего пы это?

— Островский прошёл всё со мной... вместе, начиная с бёрдовского леса, как и лейтенант Воробьёв.

— А Воробьёва он тоже помогал тепе найти?

— Викманис? Да. Только Сашка... лейтенант Воробьёв отказался. Сказал...

— Знаю-знаю, он не доверяет органам!

— Нет, почему...

— Ну латно, латно... Капитан Викманис своё получит, не о нём речь. Мы-то с топой что телать путем, пессмертный наш капитан Дафытоф?

В очередной раз смотрела в зрочки Давыдову смерть глазами железного майора, но опускать взгляд было нельзя, майор расценил бы это как неуверенность или как побег с этапа.

— Тарю тепе ненатолго шизнь. Послетний рас. И таю нетелю, потпери человек тридцать на спецсатание, мы тепе поможем. Тем, кто с топой пойдут, тоже терять нечего. Мясо, оно и есть мясо, хоть и пехотное. Ясно, капитан?

Давыдов внутренне облился потом: неужели майор Панша умеет читать мысли?

— Та, ещё... Рятофой Острофский расстрелян как ишменник Ротины. Сабудь о нём. Конфой, увести!

Река почти не извивалась под крылом истребителя, держа юго-западное направление. Земля внизу была подёрнута морозной дымкой; позади, на востоке, где должно было взойти солнце, полусфера небосклона светила розовым, чернели лесные дали, а редкие населённые пункты, дома и колокольни, занесённые снегом, ещё не отбрасывали теней и казались плоскими. Уснула, не проснулась ещё великая Русская равнина, медленно и неотвратимо поворачиваясь навстречу светилу, край которого вот-вот должен был показаться, сверкнуть, ударить первым красным лучом сначала по фанерным плоскостям тупорылого заштопанного самолётника, по мутному плексу пилотской кабины и серому лицу не выпавшегося лётчика, а потом, уже спустившись ниже, позолотить немногие оставшиеся в живых кресты и купола церквей, верхушки деревьев на пологих увалах, серые крыши спящих жилищ.

Пунктирная линия боевого соприкосновения давно уже осталась позади.

— Кажись, прибыли...

Шурик двинул педаль, убавил обороты двигателя и, по глассаде уходя от первого зенитного луча, спланировал на мысок елового леса, выдвинутый между двумя деревьями, уже затопившими свои печи. Белые кроны стремительно полетели назад, он сделал круг над заснеженным полем, на высоте в пятьдесят метров повернул на чистый восток: впереди, как он помнил по карте, должна была находиться железнодорожная станция 143 км. Темнеющая полыньями река пересекла курс, Шурик сделал «горку» и увидел цель разведки: грязное пятно, разливанное струнами рельсов, на которых стояли четыре эшелона.

— Один — цистерны. Два — техника. И... теплушки.

Шурик произнёс эти слова вслух, чтобы лучше запомнить, и, снизившись, отвалил на юг, намереваясь выйти в направлении северо-востока, опять на широкое, хорошо читаемое русло Угры. В небе никого не было, и он уже подумал, что погреться придётся только дома, на полевом аэродроме, в блиндаже у Надьки Найдёновой, санитары-синоптика, попить чайку со зверобоем или ещё чем-нибудь, собранным Надькой осенью по окрестным лесам и лугам. Вот молодец, все травки знает, да и сама — красавица; и что-то у них вроде склеивается: война, а ведь ждёт его, беспокоится, выходит на реку, на простор, потому что грунтовая взлётно-посадочная полоса идёт под девяносто градусов к реке, и кругом лес — не видно, как возвращаются с задания, покачивая крыльями, «ястребки»...

Стоя во дворе, Аня Губарева разглядела всё-таки звёзды на крыльях истребителя, но промелькнул он так быстро и так тихо, планируя над полем, что она невольно подумала: не видение ли это, не сон ли и не Ванька ли Губарев, муж её военный, привет ей передаёт,—

одно за другим, очередью, пронеслось у неё в голове. Она и платок с головы сдвинула, как Анка-пулемётчица, со слезами на глазах, и тут же представила: как в дом вернётся, куда глаза прятать будет? Видно же в них всё! Хотя и не произошло-то ведь ничегошеньки: ну, пролетел ангел рождественский, сокол ясный, крыльями качнул и скрылся, как не было.

«А ведь не видение это,— догадалась Аня,— а знамение! Это Господь мне послал на праздник! Подумай, раба Божья Анна, как живёшь во грехе, как родину любишь, кому и чем помогаешь!» И сквозь чистую эту слезу, преломившую, словно прозрачный кристалл, утренний чёрно-белый мир, увидела она раздвоенный силуэт чужой крылатой машины, пикирующей с пронзительным воем из лёгких ватных облаков куда-то в сторону Воскресенского.

Скрипнула дверь, и во двор вышел Карл в накинутой по-домашнему шинели.

— А-а, паф-паф! — сказал он.— Та-та-та-та! — и зашёл за плохо сложенную поленницу.

Преимущество было, конечно, на стороне «мессершмитта», с высоты он видел «ваньку», как лягушку в луже, поэтому Карл, закурив и прокашлявшись, грустно сказал:

— Ванья капут.

Анна промолчала, поправила платок, перекрестилась, не поднимая головы.

«Вот, пролетел... и нет его...— устало подумала она.— Ангел краснозвёздный...» Мысль уже не шла по привычному радужному кругу, уже не верилось, что всё станет по-прежнему, как до войны, как до... немцев. Она попыталась представить его, довоенное, отсюда казавшееся прекрасным прошлое... и не смогла. Не было ничего ни позади, ни впереди, только белая мгла, необъятная и всеобъемлющая, отнимающая последние жизненные силы и вечную её, Анину, душу. «А что же будет дальше?» — хотела она всё-таки спросить у Того, кто смотрел на них на всех сверху, безмолвно и пристально, но не решилась, потому что страшно ей было услышать то, что она уже знала.

...И обрушился тут гром небесный, первые выстрелы автоматических пушек. Но «ястребок», целый и невредимый, выпорхнул над лесом и дал свечу до самых уплотнившихся к восходу облаков. «Мессер», разогнавшись над рекой, тоже ушёл в облака, и теперь оттуда раздавался неравномерный приглушённый рёв моторов. Потом оба вывалились вниз, но зайти друг другу в хвост никак не удавалось, пространства между землёй и небом явно не хватало, истребители, казалось, заполнили его полностью, выделявая какие-то невероятные по изворотливости фигуры. Особенно старался «ишачок», вернее, пилот, голову которого было хорошо видно на каждом приземном вираже.

Никто не стрелял. Немец, промахнувшись первой очередью, решил, видно, поиграть в воздушный бой, находясь над своей территорией,

и, оснащённый более мощным двигателем и прикрытый броневой спинкой, чувствовал превосходство: «ванька», хоть и проявлял чудеса манёвренности, явно проигрывал в скорости по восходящей и вообще был для него просто деревянной моделью боевого самолёта.

Анна и Карл наблюдали воздушную схватку, отдалившись сейчас друг от друга, не в силах отвести глаз,— такая же молчаливая борьба происходила и между ними, завоевателем, солдатом вермахта, и русской деревенской женщиной, потерявшей с его приходом всё немного, нажитое за двадцать девять лет нелёгкой жизни. И, казалось, от исхода этого рядового воздушного поединка зависят сейчас и их судьбы, скрестившиеся, как воздушные трассы, но так и не соединённые до конца войной, и судьбы двух народов, а может, и всего человечества...

«Ястребок» по кривой ушёл в облака, «мессер», уже сидя у него на хвосте, последовал за ним — там, в белёсой дымке, смолк вдруг на запредельной ноте чей-то перегруженный двигатель, раздался стук пулемёта, что-то сверкнуло, и краснозвёздный «ишачок», появившись, пошёл к земле вверх колёсами, заканчивая «мёртвую петлю», безжизненный и неуправляемый... Но перевернулся вдруг, выровнялся, качнув крыльями, словно отряхнулся по-воробьиному, и, стремительно снижаясь, повернул в речную долину. Чуть погода из облаков выпал, вращаясь, крестообразный хвост «мессершмитта», крыло с горящим фюзеляжем — и, наконец, второе крыло, покачиваясь в воздухе, словно куриное перо, падающее с насеста.

Карл с досадой плюнул в снег, выбросил окурочек и, скрипя снегом, ушёл в избу — только громко звякнул за ним кованный пробой. Аня постояла ещё немного, глядя на поднимающийся к небу дым от горящего за лесом самолёта. В ушах её звенело, и, казалось, грохот выстрелов и натужный рёв моторов всё ещё эхом мечутся вдалеке, там, куда улетел краснозвёздный «ястребок».

«Скоро ведь уже, скоро», — поняла она своё тревожно бьющееся сердце, заходящееся то ли от страха, то ли от счастья. Опомнилась она у самого Марфиного дома, два человека боролись в ней: «Куда я иду? Зачем? Ведь мы уже на разных берегах! Разве поймёт она меня?.. Да к кому же мне бежать, как не к ней, жене красного партизана?! Ведь виновата же я, виновата! А как же люди — не поймут?! На колхозном собрании всё расскажу, покаюсь! Тяжело, но не до Страшного же суда ждать! Что же, все они, люди, праведники, что ли?!»

Она замедлила шаг, почти остановилась, держась за тёплый берёзовый ствол.

«Понять-то, может, и поймут, а прощение?.. Кто меня простит, кроме Него?! Иван? Или Марфа? Нет! Война спишет? Война слезам не верит».

Но и вернуться сейчас домой, к Карлу, было так же невозможно, как самой вступить и заново пережить воздушный недавний бой,

исход которого, казалось ей, до сих пор зависит от того, что она подумает, что решит, что сделает в эти первые минуты прозрения; от этого зависело всё, что произойдёт на земле дальше, даже то, доберётся ли до своего аэродрома увёртливый русский лётчик, ведь именно он, сам того не ведая, разорвал течение времени, оторвал прошлое от будущего, оставив её одну в сумрачном коридоре настоящего, откуда был только один выход на свет — вперёд, к Марфе, к её спасительному крыльцу!

И подумав о том, что первое она скажет соседке, Анна сразу же поняла, что он долетит, русский пилот, который дал ей такую маленькую, но всё-таки надежду.

Часовой у крыльца недобро глянул на неё, словно знал, зачем она пришла, и отвернулся, перестав хлопать себя по бокам руками в сухонных рукавицах. Она зашла в сени, бесстрашно, без стука, отворила дверь в избу и уже хотела поздороваться, крестясь на икону в дальнем углу, как услышала вдруг шипящий шёпот Марфы:

— Чё припёрлась, сука?! Конец почуяла?

У багрового зева печи стоял, согнувшись, обер-лейтенант Клаус и стряхивал с кителя на шесток блестящие в пламени бусинки вшей. Они ещё секунду ползали по стёртому чугунами кирпичу и тут же вспыхивали огненными точками.

Клаус вопросительно вскинул голову, продолжая трясти китель.

— Там же... наши! — выдохнула Аня, не задумываясь, понимает ли по-русски этот немец.

— Ванька вернётся, он тебе покажет наших, гадина!

— Наши немца сбили!

— Иди своему пулемётчику поплачься!

Анна помертвела и выскочила обратно в сени, запнувшись за порог. Вслед ей раздался простуженный Марфин смех и удивлённый возглас обер-лейтенанта.

4.

Первый луч позднего зимнего солнца тронул наконец верхушки сосен, словно ударил палкой, — посыпался сухой снег, накрывая кисеёй натоптанные тропинки, ведущие к передовым траншеям, к проруби, над которой держалось ещё поутру облачко пара, и маскируя до поры до времени шероховатую грязно-белую броню танков, редкие дымки полевых кухонь и колонны пришедших с марша красноармейцев, напряжённо сидящих в том порядке, как застали их рассвет и окрик командиров.

Окопная братия, отступавшая и не раз выходившая из окружения, сидела по своим ячейкам и траншеям; подобно кротам и землеройкам, щурилась воспалёнными глазами на белый свет и появившееся невесть откуда пополнение. Не было в их лицах и взглядах радости или хотя бы оживления, как и в зачочневших телах не осталось тепла и жизненной силы, а лишь нечеловеческая тоска и безысходность

перед новым смертельным испытанием, ощущение которого уже появилось и нарастало с каждым днём, с каждым часом, заставляя свернуться калачиком, ни о чём не думая, на дне чёрной ямы и вдыхать запах сырой земли.

Бойцы сорок первого года не знали сладкого чувства победы, поэтому не могли нести его дальше, навстречу врагу. Единственное чудо, что будоражило их сознание,— это было понимание того, что они всё-таки остались в живых. Не пали *глупой смертью храбрых* в первых боях, не были вдавлены гусеницами в обугленную пашню, не умерли от ран среди глухих лесов и болот своей родины, не застрелились от отчаяния, не попали в плен и под огонь своих же пулемётов, не сошли с ума среди разорванных на куски человеческих тел.

И те, новые, необстрелянные, с особым чувством узнавания разглядывали угрюмый быт фронтового передка, пытаясь примерять на себя и холод, и грязь, и это тоскливое ожидание смерти, витавшее над последним советским рубежом. Оторопь брала их, и страшно было заглянуть внутрь самого себя, чтоб не увидеть там трусливое и низкое, но в то же время человеческое ощущение войны.

Однако и прибытие свежих дивизий, и еле слышное ночное движение в неглубоком тылу, и даже новенькие полевые кухни с запасом провианта и усиленным водочным снабжением — всё говорило о том, что решение наверху принято и приказы дошли уже до самого низа, до последних инстанций и подразделений, которым выступать и погибать первыми. Следующим же, кто пойдёт за ними, оставалась лишь слабая надежда на судьбу-индейку, неразменную копейку,— быть похороненными чуть позже и, может быть, ближе к западной границе, хоть на сто километров, хоть на двадцать, хоть на один шаг...

Прищурившись, смотрел Давыдов на восходящее солнце сквозь заиндеветшие ресницы, пряча пар от дыхания в намокшую от пота ватную рукавицу. Ночной мороз перевалил, видимо, за тридцать, а здесь, в долине реки Шеняной, подобрался почти к сорока, оттого и звуки близкого воздушного боя — стрёкот моторов и звонкое поднебесное клацанье пушек и пулемётов — усиливались многократно в плотном воздухе и разносились гулко над всей округой. Давыдов видел и белые шлейфы, тянувшиеся за истребителями, словно нити, привязанные за брюшко июньских оводов. Это было не сгоревшее от мороза и перегрузок топливо.

Он без особого участия следил за боем крылатых, размышляя о превратностях войны. Пехотное его существо не откликалось на боевые фигуры высшего пилотажа, они не вызывали в нём ни восхищения, ни любования, а лишь сожаление, что мощное это — верх человеческой мысли! — оружие, даже находишь оно сейчас в его руках, было бы бессильно. Как раньше, в бёрдовском лесу, привычная и надёжная пехотная трёхлинейка не смогла спасти того молоденького лейтенанта-лётчика, выпавшего из своей стихии. И теперь дым, поднимавшийся

над дальним лесом, где упали обломки немецкого самолёта, напомнил ему лишь о собственной, такой неудавшейся, судьбе, которая как ни финтила, а привела его к этому последнему привалу, перепутав все причины и следствия, а счастливую выигрышную единственную бумажку перемешала с миллионом несчастливых пустышек.

Весь его взвод — двадцать шесть человек, набранных из окруженцев и пораженцев, из тех, чей расстрел был отложен на неопределённое время только в связи с началом наступления, — лежал в кустах вдоль кромки леса, подложив под себя лыжи. За ночь они прошли без малого пятнадцать километров, петля между населёнными пунктами, — обходили по широкой дуге станцию, хотя по прямой получалось вдвое меньше. Но зато — не напоролись.

Перед ними простиралась заснеженная, искрящаяся равнина, за которой видна была серенькая эта деревенька, Бахтинка. Хутор, скорее. Квадратик на карте. Перед домами — старлица, вётлы. Над крышами — дымы из труб. За домами — огороды, сады. Яблони, наверное, сливы да вишни. Деревень таких в России — тыщи, взять её — раз плюнуть, если бы лес был рядом или кусты хоть погуще, а та-ак... легче лечь и помереть...

«Сидеть бы нам сейчас лучше под арестом, или на складе игрушек, или уж лежать в яме, в конце концов, с Илюшей Островским, — зло думал Давыдов, — чем сопли по лесам морозить, только намучаемся перед смертью».

Приказ Давыдову вручил майор Панша. Дыхнул перегаром, ткнул два раза в карту, потом подержал перед ним тетрадный листок с пятью чернильными строчками и сунул его обратно в папку с другими бумагами, завязал тесёмки. Давыдов успел разглядеть только кляксу на месте подписи.

— Яс-сно, крас-сно-армеец? Выпол-нять!

По приказу всё выходило просто, и Викманис ещё добавил, что захватить пост полевой жандармерии — это тьфу. Они, дескать, там, в деревнях, на печках тёплых, на бабах русских пригрелись, потому вас вперёд и посылаем, чтоб без канонады, потихоньку, вырезали свиней спящими, чтобы нашим, наступающим на угрешский мост, во фланг гады не ударили, не испортили пейзажа, когда депо и станцию брать будут, а групп таких передовых не одна, не две.

— Понял? Дело-то большим наступлением пахнет, подвигом и героизмом, будут награждения, понял? Тем более что до станции далеко, почти четыре километра. Если вдруг что, пока они войска пришлют, вы всегда в лес уйдёте, гнаться за вами никто не будет, побоятся партизан, понял? А тут и мы подкатим.

Вспоминая эту — на «понял-понял» — лубочную картинку боевой задачи, бывший кадровый офицер Давыдов думал, что осталось им, фронтовым огрызкам, совсем немного жить на этой земле — пока не наступят сумерки и не подберутся они под самые фрицевские

дула, под огонь пулемётов из наших же русских изб: какие уж тут партизаны?! А наступать придётся со старицы, со льда,—любая граната, крупнокалиберный пулемёт пустят воду поверх... Но другого пути вперёд не было, а позади... А позади подпирал, надвигался на рядового Давыдова с непреодолимой силой и мощью тот главный приказ по фронту, по армии и дальше, по всей нисходящей бумажной лестнице, подписанный на самом верху начальственной закорючкой, множился многократно, рос бумажным комом и давил асфальтовым катком головы и плечи всех, кто находился ниже. И не было на свете обстоятельств, даже похожих на чудо, что могли хоть как-то, хоть в чём-то изменить ситуацию или просто напомнить подписавшим этот приказ начальникам о людях на самом острие воображаемой ими красной штабной стрелки, лежавших сейчас здесь, на краю леса, в январском снегу. Не было для них Сергея Петровича Давыдова, бывшего капитана, не было Александра Владимировича Воробьёва, бывшего лейтенанта, не было и остальных, уже, по сути, безмянных. Не значились они в этом последнем списке наступающих, как не будет их никогда и в списке награждённых, тех, кому сейчас, шестого января одна тысяча девятьсот сорок второго года, трибунал приказал пойти и не вернуться. И тем более не упоминались в нём рядовые островские и сержанты мансуровы, улёгшиеся в гать и лежавшие в ней по-прежнему, мёртвые, рядом с другими брошенными, погребёнными, но не похороненными, в траншеях и окопах от Брестской крепости до окраин советской столицы.

Так думал Давыдов, глядя на крохотную безвестную деревушку, отстоящую на четыре километра от оси главного удара, нарисованной на штабных картах красным шестигранным карандашом.

Сашка Воробьёв сопел рядом, изучая театр военных действий. — И вот из-за этой, мать её, деревни?!.. Вот из-за... Да ты представляешь, сколько у них там всего! Там два пулемёта сверху, минимум! Там... видишь, справа дорога уходит, наезженная! Там же батальон стоит! А женщины, дети, ну... ещё кто-то же там должен был остаться! — Что ты мне всё тычешь?.. Дети, женщины... Ты воевать пришёл или... Под врагом они! В плену! На оккупированной территории! Мы с тобой почему-то в плен не попали, и не по одному разу, а они через одного с немцами сотрудничают, подстилки немецкие! Ясно?! А если уж начистоту, то у меня сомнения есть: зачем ты наступления дождался и в госпитале отсиживался, а? Ну, что скажешь? Ты уже забыл, наверно, что такое приказ, а, господин лейтенант?! Тебе шлюхи госпитальные дороже стали, чем страна, долг?!

— Да ты что, совсем там, у своих псов лагерных, озверел?! — отозвался Воробьёв. — На тебе что, вина какая-нибудь есть?! Нет! Ты кому-то что-то должен?! Нет! Значит, ты свободен, Серёжа! Это они тебе должны... в ножки поклониться... и всем остальным, кого они на смерть послали и ещё пошлют! За то, что мы их глупость и срам

своим телом прикрываем... и жизнью! Понял?! Какой толк, если ты под пули ляжешь и других под смерть подведёшь? Нам с тобой никакого, нам уже всё равно будет! А им только это и нужно, чтобы всем всё равно было, кроме света белого, чтобы все виноваты были, кроме них, чтобы только они выжили, а нас, свидетелей, не осталось! Понимаешь? Они же не о победе думают, а о том, чтобы задницу свою прикрыть и... в живых остаться! Они же... нас... нашими же руками, они... по головам и трупам...

Сашка замолчал, заскрипел зубами, тряся перед собой сжатым в гранату кулаком, и закончил, глядя, как Давыдов лапает задубевшую на морозе кобуру:

— А ты ведь теперь сам смерти-то — боишься! Как они, не чужой, а своей! Сделали они тебя, красноармеец, слома-али! Не думал я, Серый, что ты... вот так... Продал ты... родину, капитан.

— Ты, б... тебя...

Кобура не расстёгивалась, и Давыдов изо всех сил ударил рукой по еловому стволу.

— Молчать! А ну-ка... во-он туда, птичкой-ласточкой,— прорычал он, показывая на деревню,— и будешь делать, что и все, а в живых останешься — под трибунал пойдёшь за такие... разговоры!

Воробьёв с сожалением посмотрел на капитана и отвернулся.

— Эй, Сашка! — шёпотом передали по цепи. — Ты в тюрьме сидел?

Видимо, перебранку слышали.

— Передай,— толкнул он соседа справа,— я двенадцать раз из окружения выходил!

— В плену, служивый, тоже бывал? — откликнулись ему.

— Вы чего там, охренели? Делать нечего?! Кто спрашивал, пусть сюда ползёт, поговорим!

Давыдов, начальственно нахмурившись, смотрел куда-то в сторону Угры и молчал.

Приполз один, рябой, с чёрными провалами воспалённых глаз на злом подвижном лице.

— Нацальник, кто на киче не сидел, тот жизни не понял. А кто мать родную забудет, тому свободы не видать! А?! Я, нацальник, тут всё навyleт знаю. У меня, нацальник, мать здесь недалеко, напрямик через лес, нацальник, километра два с половиной. Святое!

— У, ё... — оторопел от блатного напора Воробьёв. — А что ж ты раньше-то молчал, Шипкин герой?! А теперь пришёл сказать, что до мамочки в дезертиры уходишь?

— Не знал же я, нацальник, куда нам приказ выйдет! А тут, понял, почти до дому приползли, нацальник! После отпустишь, а? Я — туда и обратно, а, нацальник? Проведаю стар-рушку! А тебе службу сослужу, не пожалеешь!

— Ты доживи ещё до этого «после», рыбка ты моя... позолоченная. Тебя как зовут-то, синий?

— Почти угадал, Рябой я. А мать Германом называла.

Потом приползли ещё двое:

— Командир, давай засмолим табачку, перетолкуем в последний раз, как и что!

— Я те, мля, засмолю!

...В сумерках они увидели стаю волков, переходящих цепочкой замершую долину. Над бахтинским хутором опять стояли толстые печные дымы, но теперь, достигнув незримой воздушной границы, они медленно расползались вдоль неё и старицы, напоминая белые гигантские грибы. Вожак иногда останавливался, долго смотрел на деревню, втягивал запахи и звуки, скрип снега под человеческими шагами. Потом оглядывался на лес, чувствуя присутствие чужаков, и рысью бежал дальше. В деревне несколько раз хлопнула дверь, пьяный мужской голос позвал кого-то, из-под домов вдруг коротко и куражно ударил пулемёт, но стая не залегла, продолжая свой крадущийся бег, и смутными силуэтами уверенно втянулась в пристаричные кусты. Что-то произнёс, наконец, осуждающий женский голос, и тут же раздалось, волной подкатилось под кромку чащи:

— О-ий, па мар-ро-озу басико-ом!..

Смех — и всё стихло...

Под утро сидеть в бездействии, ждать не было уже никаких сил. Донимали усталость и холод. Выпили водки, заели тушёнкой — банка на двоих.

— Ну что, волки, двинули?

Такими же серыми волчьими тенями, греясь на ходу, взвод переместился под прикрытие кустов, прислушиваясь к стуку собственных сердец, который, казалось, с грохотом обрушивался на звенящую тишину рождественской ночи, пересёк старицу и рассредоточился под бровкой, где уже отчётливо пахло жильём, печным дымом. Часовые были где-то слева и справа от них, и ещё один по центру, у средней избы, но ничем не выдавали своего присутствия.

«Наверняка заколели или пьяные», — с надеждой подумал Давыдов.

Где-то еле слышно, далеко и глухо, как из-под земли, играла музыка.

— Ну, прощай, нацьяльник! — услышал вдруг Воробьёв у самого уха. — И мамане моей приветик передай, не забудь!

Рядом с ним поднялась тёмная фигура в каляном на морозе коротковатом ватнике, в ушанке с оторванным козырьком, и, пошатываясь и приволакивая ногу, двинулась прямо к избам с поднятыми руками.

— Стой, сволочь! — зашипел Сашка, а Давыдов увидел в темноте перед собой, как в обычном своём ночном кошмаре, лицо майора Панши с глазами, горящими, как у вурдалака, и нащупал спусковой крючок автомата. «Или он — или я», — отчётливо простучало у него в голове.

О, как бы ему хотелось сейчас положить в лицо этого страшного человека весь магазин, пулю за пулей, расчётливо и с наслаждением,

за каждое его слово, за каждое движение его губ и рук, чтобы стереть, уничтожить любую память о нём на сто лет вперёд!

В этот момент фигура Рябого, словно мишень, упала, раздался взрыв, с веток посыпался куржак, и, как по команде, цепь наступающих перебежками молча пошла на деревню. Давыдов, соображая, что к чему, встал последним, не успев отдать приказа, и бежал на левом фланге, с ужасом ожидая: вот сейчас, сейчас ударит пулемёт, и тогда, если цепь заляжет, им уже не подняться из этого снега.

— Паникёры, трусы, предатели, — заученно шептал он. — Без приказа в атаку?! Расстреляю!

Ругался он вяло, скорее, чтоб просто подбодрить себя, так как понял, что ещё одного дезертира, пусть даже урку, ему не простят и что этот бой — последний в его жизни. Торопиться теперь некуда, ни вперёд, ни назад. У него больше не было сомнений — стрелять в предателя или не стрелять, как тогда, под арестом в бухгалтерской каморке.

В деревне пока было тихо, хрустело только под ногами бегущих, хрипело в глотках от быстрого неудобного бега.

«А, гады, проспали русское Рождество! Получайте подарочек!»

Тут и началось: автоматные очереди, длинные, захлёбывающиеся звуком свистки, забухали со всех сторон немецкие карабины, но цепь уже была у заборов, у палисадов, что само по себе было не очень хорошо, так как попадала она под сквозной огонь с двух концов деревни. Левую околицу удалось всё-таки придавить ответным огнём, а вот с правой вышло совсем плохо: пулемётчик там оказался начеку и, видимо, достаточно опытным, так как положил сразу пятерых или шестерых бегущих — в темноте не рассмотреть было, — а правофланговым не удалось даже выбраться из старицы на бровку. Это спасло их, но пулемётчик с таким остервенением бил по береговым кустам и по взлобку перед деревенской улицей, что высунуться или поднять голову было совершенно невозможно.

«Убило Рябого, — сразу понял Воробьёв, перемещаясь в сторону деревни, — или часовой, сука, или собственной гранатой. Эх, бла-тота...»

Наконец и Давыдов, уже ползком, добрался до освещаемых вспышками изб. Судя по длинным очередям, бьющим в сторону огородов, немцы отходили к оврагу. Левая часть Бахтинки уже была отбита, поверху неприцельно летели ответные пули, с чавканьем втыкаясь в стены домов и стволы деревьев. Пулемёт справа вдруг замолк, и из-за бровки встали те, кто был прижат к земле его огнём.

«Вперёд, ребята, вперёд, родные», — подумал Давыдов и, повалив подгнивший забор, ввалился во двор ближайшей избы. Из дальнего окна через разбитое стекло огрызнулся автоматный огонь. Передняя дверь, с крыльца, оказалась заперта, а пробить гранатой светомаскировку, пожалуй, не получилось бы, поэтому капитан заскочил во внутренний двор и рванул заднюю дверь.

— Есть!

Две гранаты, одна за другой, колобками ушли за обитую тряпками низкую избяную дверку. Внутри дважды ухнуло, со звоном вылетели стёкла. Светомаскировка надулась парусами, и стрельба сразу стихла, как отрезало, стало слышно, как посыпалась с крыши дранка. Давыдов не стал заглядывать внутрь, зная почти наверняка, что в живых там, в избе, никого не осталось.

— Эй, славяне, шуми сильнее! — крикнул Давыдов, и в этот момент что-то ударило его в правое плечо с такой силой, что он отлетел к поваленному штакетнику и со всего размаха упал спиной на твёрдые комья земли.

Дыхание оборвалось, и наступила глухая и вязкая тишина, в которую медленно уползало змеёй: шшшшумммииисссильнее... Он увидел звёзды, поразился их величине: они, такие тяжёлые, не держались там, наверху, а падали, падали прямо ему на лицо, и поток их не иссякал, освещая всё вокруг колеблющимся потусторонним светом. Глядя на них, Давыдов освобождённо улыбался, не понимая уже, что это не звёзды, а осветительные ракеты, летящие со стороны соседней деревни. И последнее, что он увидел отрешённо и смутно, проплывая над скрюченными кронами вётел, — неказистую, исчёрканную трассерами деревеньку с бегущими в темноту тенями домов, деревьев и людей, огоньками выстрелов и бесформенными пятнами чего-то серого на таком же сером снегу...

Светало. Выстрелы прекратились, слышны были лишь возбуждённые человеческие голоса, визг снега, чьи-то стоны и хлопанье дверей. Из оврага на одной тоскливой ноте поднимался волчий вой, словно дымом, заполняя собой шенянскую долину.

— Чуют, твари! Но не дождутся! — сказал Сашка Воробьёв и добавил уже другим, командирским голосом: — А ну, пластуны, вставай! Ты и ты — в охранение, остальные, — он оглядел небольшую — девять человек! — кучку сидящих на снегу бойцов, дымивших махоркой, — выволакивай поганых из наших родных жилищ, хватит им наш воздух портить! наших — вот сюда, отдельно. Раненых — в тепло! А... капитана... я сам... найду!

Нехотя двинулись красноармейцы по деревне, уже как хозяева открывая калитки и двери, опасаясь, однако, недобитых немцев, но если отвечали по-русски, смело заходили в парную темноту. Деды так и отлежались — слава Тебе, Господи! — на лежанках под самым потолком, на печи, все живы, здоровы, раскраснелись от переживаний за свою немощь. Катерина выскочила солдатам навстречу с картофельным пирогом, бутыл с мутноватой жидкостью прихватила, только и смогла выговорить сквозь рыдания:

— С Рождеством... родные... с Рождеством...

Сразу кто-то из зашедших заблажил тонким голосом:

— Вот так хозяйка! Встречай освободителей!

С огородов, из-за поленниц и побитых в щепу яблонь вытаскивали трупы в серых шинелях, в зелёных кителях, кого в исподнем, кого босиком. Из среднего дома с осевшей крышей, где начался бой, вынесли молодую в красном — или кровью залитом? — сарафане, четверых немцев, не рядовых, один живой ещё был, бросили его на снег в окровавленном офицерском кителе, он слабо что-то говорил, подрагивая всем телом, потом затих, обездвижел, вши только шевелились ещё в его светлых волосах. Потом оттуда же вынесли двух неживых пацанов-погодков, в валенках и потёртых кожанках. Катерина с Люськой стояли тут же, плакали, обнявшись. В последнюю справа избу, откуда ночью молотил немецкий пулемётчик, сунулись с опаской — и тут же обратно: — Старшой, сам иди, гляди, мать их так!

Воробьёв зашёл в сени по щелястым провалившимся половицам, потом в кухню.

— Мать честная! — только и смог выговорить он.

Половина комнатки со стороны запечка была засыпана стреляными гильзами, он едва не упал, покотившись на них, как на «шариках». Окошко было полностью вынесено, стены, печь, потолок — всё в пробоинах, в щепках. На подломившемся столе лежал немец, сжимая в окаменевшей руке приклад пулемёта МГ, как застала его смерть. Он был накрыт шинелью, из-под которой выползла уже лужа крови. Поверх шинели лежала небольшая чернявая женщина, прижимая к животу полупустую пулемётную ленту.

— Она, лярва, ему патроны подавала, — сказал кто-то сзади. — А он... напоследок... и капитана нашего...

— Вроде живая она, — ответил Воробьёв. — Ну-ка на койку её. Ты не ранена? Слышишь меня?

— Да что ты с ней как с цацкой?! Помнишь, капитан давеча говорил: все они одинаковые! Пособничала, а теперь пусть своё получит! На штык её, сучку, — сколько парней завалила!

Женщина вдруг открыла глаза, осмысленно оглядела стоявших над ней пропахших порохом и кровью мужчин, и внятно произнесла: — Он шевелится. Он уже живой. Видите?

Она выронила из рук ленту, и все сразу увидели на впадлом животе: да, шевелится!

— Вот же, ё!..

На деревенской улице уже были собраны, сложены те, кто начинал ночную атаку. Их оказалось пятнадцать.

Рябого среди них Сашка не нашёл, и среди живых тоже. «Сделал своё дело и канул, как не было. Обманул, синий, и меня, и судьбу», — усмехнулся про себя Воробьёв. Ему не думалось о Германе плохо.

Принесли Давыдова в пробитой, почерневшей от крови телогрейке, так и застывшего с откинутой головой, казацкий чуб, не успевший поседеть, в инее. Воробьёв склонился над капитаном, встал рядом на колени, стянул шапку.

— Ну что, брат... улыбаешься? Прощай, Серёга... Прости ты меня, если что не так... скоро встретимся...

Он наскрёб полную пригоршню твёрдого грязного снега и обтёр им лицо, из-под ладони побежали мутные талые струйки.

— А ты кто такая, крестница? — спросил он сдавленным голосом покрасневшую от слёз и мороза Люську.

— Зде-ешния-я! — пропела она, вытирая рукавом нос.

— Знаешь, кто тут красные партизаны?

— А то!

— Давай их сюда, нам теперь деревню вдесятером не удержать. Эй, вислозадый, сходи с ней... пусть выходят... Мы навсегда пришли!

За рекой, за покалеченным лесом ударил вдруг навывлет пронизывающий всё живое гул и рокот, от которого качнулись кусты и деревья, вздрогнула прокалённая морозом земля и сам воздух, уплотнённый взрывной волной, исказил упорядоченную реальность пространства. Чуть погода среди гула выделились отдельные, более высокие звуки летящих над лесами и весями снарядов, отчётливо раскатился грохот артиллерийских разрывов, и там, в не положенном для восхода секторе небосклона, зажглась неяркая ещё, странная, мерцающая красным заря.

С той давней рождественской ночи пролетело, прошелестело над Бахтинкой без малого *тридцать лет*, и не все они были несчастливими и неурожайными: всё-таки война закончилась, а мирная жизнь — это уже счастье. Довоенное житьё-бытьё почти не вспоминалось, деды столетние один за другим переместились на воскресенский погост, избы их пришли в запустение, совсем обветшали. Как-то нагрянула милиция с колхозным трактором, растащила, раскатила их по брёвнышку, а участковый принародно радовался, что теперь беглым кондровским зекам и солдатам-дезертирам негде прятаться будет.

Так что Бахтинка как была, так и осталась хутором, только ещё больше съежилась — лес потихоньку, партизанской поступью, вышел на непаханные поля и огороды, отвоевав себе землицы, сократил их до узких полосок вдоль околицы, шишек с семенами набросал на рокадные дороги: где они были, что по ним возили? — уж и некому стало помнить.

Времена по-прежнему не менялись к лучшему.

Катерина уехала в город, но вышла замуж или нет со своими девочками — никто не знает: связь сама собой потерялась. Избу она продала московским дачникам, которые, как и она прежде, стали кормиться с огорода, находя в тощей земле то пряжку с орлом, то белую алюминиевую пуговицу, а то и простреленную немецкую каску.

Бывший председатель и бывший красный партизан Терентий Иванович Кобылко, как пришла обратно советская власть, был арестован и этапирован в Калугу. Комиссия долго расследовала факты мародёрства со стороны белёвских партизан, а также факт расстрела жителей деревни Дурдино — убитых немцы сбрасывали в колодец, — партизанскую

акцию признали несанкционированной. Но Терентий Иванович спустя полгода вернулся, живой и невредимый, с орденом на груди, работал потом в колхозе счетоводом, а в начале шестидесятых вышел на пенсию и перебрался куда-то подальше от шенянских мест.

Только баба Аня, молодая и стройная, словно девочка, сбегает, как прежде,— как всегда! — в ладных сапожках, с вёдрами и коромыслом, к старице набрать воды. Лицо её, как у всякой деревенской женщины, сморщилось, потемнело, вокруг упрямых губ собрались вертикальные морщинки-трещинки, но синие глаза не потеряли живости и блеска.

Сын бабы Ани, Фёдор Иванович Губарев, как подросток, пошёл в подпаски, потом пастухом, потом плотничал по окрестным деревням, пил сильно и к тридцати годам совсем спился в путейском бараке, так что баба Аня осталась одна во всей деревне, без детей и внуков.

Муж её Иван пропал без вести на Калининском фронте, на Ржевском направлении, да и не он один. Официальную бумагу она получила году в сорок шестом, от самого Ивана так вестей больше и не было.

Там же, в Дурдино, проживает одинокий фронтовик по прозвищу дед Шипкин, замкнутый и непростой, рассказывает, если попросят про войну, всякие небылицы и в конце всегда говорит: «Не надо в войне искать героев». Послевоенная молодёжь не понимает, как это — без героев? Курит дед Шипкин только махорку, ловко сворачивая цигарку одной рукой, на другой у него не хватает двух пальцев. По деревне ходят слухи, что никакой он не фронтовик, если начал войну двадцать второго июня,— те-то никто до Победы не дожили! — а самострел, отстрелил себе пальцы, чтобы откосить от войны и выжить.

В одной из деревень Боровского района в безымянных могилах похоронены останки солдат, найденные поисковой группой в бёрдовском лесу. Среди них — офицер-лётчик с застрявшим в почти истлевших костях ржавым немецким тесаком, так его и похоронили.

В самой Бахтинке обелиска павшим нет, никто не вернулся, ставить некому. Останки освободителей перевезены в город и захоронены на центральной площади, где теперь Вечный огонь. Большинство в списке неизвестны, а среди поимённых — капитан Давыдов, капитан Викманис, майор Панша.

Вечная им память!

Ельник у той октябрьской переправы через реку Шеняную вырос, затянул корнями песчаные траншеи, брустверы, капониры, шагнул вниз, на пойму, по которой давно уже проложена асфальтированная дорога поверх старой, монастырской. Толстая, изъеденная ржавчиной проволока минного заграждения до сих пор там, на месте, натянута, как струна, между ёлками, прикрывающими её от чужих глаз, но уже не у земли, а повыше, на уровне груди. Когда ели раскачиваются под сильным ветром, она издаёт тяжёлый басовый звук, голос из того времени, уходящий в небо, к мятущимся кронам, где сливается с силовыми гудками состава, проходящего один раз в сутки через станцию 143 км.

Февраль 2005 — февраль 2006

Зинаида Кузнецова

Горбушка ржаного

До отхода поезда оставалось минут сорок, и Валентина пожалела, что так рано приехали на вокзал. Лучше бы с братом подольше общались, за неделю так и не наговорились. Не виделись тридцать три года, жизнь разбросала по разным городам и весям. Хорошо хоть на её, Валентины, юбилей смог приехать. Радость встречи омрачалась их общей старостью — расставались довольно ещё молодыми людьми, а теперь вот с трудом узнали друг друга. Восемьдесят — это не сорок, не пятьдесят и даже не шестьдесят, когда ещё ощущаешь себя сильным, здоровым, всё умеющим и понимающим в жизни и даже привлекательным, что немаловажно для женщины. И когда ещё много чего впереди.

Неделя прошла в юбилейных хлопотах, в застольях, в бесконечных звонках: к удивлению Василия, у сестры оказалось много друзей и знакомых, и все они стремились поздравить её, сказать добрые слова и пожелания.

Он был рад за сестру, что она и в таком преклонном возрасте востребована, не одинока. Но побыть наедине, поговорить, повспоминать толком не удалось. Было ощущение, что многое не успели сказать друг другу, но сейчас, в шуме и гаме зала ожидания, говорить по душам было бесполезно. А доведётся ли ещё когда повидаться — неизвестно. Скорее всего, вряд ли. Брат младше её на четыре года, тоже уже под восемьдесят. Живут в разных концах страны, добратся из-под Москвы в Сибирь и раньше было непросто, а что уж говорить сейчас... Валентина тихонько поглаживала руку брата, неотрывно смотрела на него, словно старалась запомнить каждую морщинку на его лице. Она понимала, что, скорее всего, видит брата в последний раз. Хотелось плакать, но она сдерживала себя.

Василий высвободил свою руку и поднялся: «Пойду подышу свежим воздухом, а то уж очень душно». Он направился к выходу, и к нему тотчас же подбежал цыганёнок, стал дёргать за куртку, что-то выпрашивая. Брат полез в карман, достал кошелёк, и тут же его окружили несколько чумазных ребятишек, загалдели, кто-то даже пытался выхватить кошелёк из его рук. Он дал им какие-то деньги, но они не отставали, так и выскочили всей гурьбой за ним на улицу.

Валентина с неприязнью смотрела им вслед. Маленькие, а такие наглые, бессовестные, не отцепишься от них. Она не любила и боялась цыган и старалась избегать их где бы то ни было. Встретив на улице

одетых в разноцветные юбки, галдящих, крикливых цыганок, она всегда старалась перейти на другую сторону. И хоть была женщиной доброй, всех жалела и всем помогала, цыганам никогда не подавала милостыни и грубо отшивала пытающихся погадать ей.

В детстве они с братом до дрожи боялись цыган. Ходили страшные слухи, что цыгане крадут детей, потом варят из них мыло и продают на базаре. И когда за околицей их деревни вырастали шатры и кибитки, они старались из дома не выходить. Цыганки в сопровождении чумазых, в лохмотьях, ребятишек ходили по деревне, выпрашивая хлеба, молока, любых продуктов. То и дело между ними и селянами возникали скандалы: то у одного, то у другого пропадали куры, гуси, — в общем, от них всегда ждали каких-нибудь пакостей. Они появлялись обычно в начале зимы, жили в деревне до наступления весны, и как только сходил снег, снимались с места и уезжали в неизвестном направлении. С наступлением холодов опять за деревней стояли их шатры и кибитки, горели костры, по улицам ходили страшные, худые, оборванные цыганки. Сердобольные деревенские женщины давали им что-то из своих скудных запасов, некоторые пускали погреться, но в основном все боялись и не любили непрошенных гостей.

Бабушка Дарья, у которой жили Валюха с Васильком, жалела несчастных, но дать им было нечего, сами едва сводили концы с концами. От предложения погадать всегда отказывалась. Узнать о сыне, пропавшем без вести на войне, хотелось, но боялась услышать страшную правду, так хоть надежда жила, что он объявится. Сын пропал в сорок первом, и с тех пор никакой весточки от него, ничего. Жена его, мать Вали и Васи, погибла под бомбёжкой в Ленинграде, а ребятишек, еле живых, вывезли через Ладогу.

Бабушка была уже старенькая, в колхозе не могла работать, никакой пенсии, никакого пособия на детей не получала, так что перебивались с хлеба на квас. Да и хлеба-то никогда вдоволь не ели. Изредка бывая в райцентре, она приносила оттуда внукам гостинец — буханку чёрного ржаного хлеба. «Лисичка на дороге встретила, дала хлебушек, говорит, отнеси ребятишкам, уж очень хорошие, послушные у тебя внуки», — рассказывала бабушка. Хлеб был холодный с мороза, пахучий и необыкновенно вкусный, никогда больше Валентина не пробовала такого. В основном питались картошкой, если уродится. Шёл третий год после окончания войны, случился неурожай, всюду свирепствовал голод. Многие старики в деревне поумирали от голода, отдавая последний кусок детям или внукам. Бабушка ходила по деревне, побиралась, но чаще всего возвращалась домой с пустыми руками. Дети, опухшие от голода, всё больше лежали на печке, на чуть тёплых кирпичках, укрывшись разным тряпьем. Хорошо, что летом заготовили много кизяков, а то, может быть, и замёрзли бы — морозы стояли небывалые, а дров вообще не было, многие топили соломой, а от неё какое тепло? В избе было темно, на стёклах толстый слой

иней. Дети дышали на стёкла, пытаясь сделать проталинки и выглянуть через них на улицу, но не получалось, сколько ни дыши. Утром соскабливали ножом намёрзший за ночь снег, а к вечеру окна снова были мохнатыми от иней.

Бабушка в очередной раз отправилась по деревне, строго-настроено наказав ребятишкам сидеть тихо и никому не открывать. А то, не дай Бог, придут цыганки, заберут с собой и — на мыло... Бабушка ушла, ребята, несмотря на запрет, слезли с печки в надежде найти что-нибудь съестное. Обшарили все шкафы, кухонный стол, но не нашли даже хлебной крошки. Животы сводило от голода; чтобы заглушить его, они отламывали кусочки льда с оконных стёкол и сосали их.

Бабушка вернулась довольная: у кладовщика Романа, толстого, хромого мужика по прозвищу Ерой, что означало «герой», удалось выпросить краюху хлеба, взаймы или отработать потом — прополоть огород, или побелить весной избу, или ещё что. Ероя в деревне не любили. В начале тридцатых годов, во главе кучки таких же оборванцев и бездельников, он выселял зажиточных крестьян — кулаков. Многие помнят, как он ходил по деревне, без спроса брал любую понравившуюся ему вещь, отбирал одежду, продукты, обрекая несчастных на смерть, ведь их отправляли на север. Его не раз били, устраивали «тёмную», но узнать, кто это делал, не удавалось. Перед войной его поставили кладовщиком. Многие мужики и парни не вернулись с войны, а этот остался цел и невредим — когда-то по пьянке отморозил пальцы на ногах и по этой причине избежал отправки на фронт. В кладовой чувствовал себя хозяином, распоряжался по своему усмотрению; если даже председатель колхоза выписывал кому-нибудь особо нуждающемуся или вдове с выводком ребятишек полпуда муки или зерна, Ерой долго мурыжил людей, заставляя унижаться перед ним. Бабушке он дал горбушку чёрствого, как камень, хлеба и горстку пшена — расщедрился. В настроении, наверное, был.

Бабушка затопила печку, поставила на медленно нагревающуюся плиту чугунок с водой, замёрзшую горбушку положила на кирпичи — пусть оттаивает — и ушла. Воды надо принести из колодца, фляга из-под питьевой воды пустая. Ребятишки, глотая слюну, следили, как над чугуном появился парок, потянуло хлебным духом. Бабушки долго не было, колодец далеко, нести два ведра тяжело. Валя, натянув старое одеяло на голову, немножко согрелась и незаметно для себя задремала.

Скрипнула дверь. Валя, высунув голову, увидела на пороге старую страшную цыганку. Та, оглядевшись по сторонам, подошла к плите и, протянув руки над чугуном с кипящей водой, тихонько застонала и что-то зашептала. Оцепенев от ужаса, Валя смотрела на её красные, с распухшими пальцами руки, и ей показалось, что цыганка что-то бросила в чугунок. «Отравить нас хочет! — мелькнула мысль, и она чуть не закричала. — А может, порчу наводит!» Она снова спряталась

под одеяло и лежала ни жива ни мертва. Васёк, видимо, спал. В избе становилось тепло, запах хлеба щекотал ноздри.

Цыганка ещё немного постояла возле плиты, потом, тяжело вздохнув, ушла. Вернулась бабушка, долго гремела вёдрами, кряхтела и охала. Валя с нетерпением ждала, когда бабушка позовёт их ужинать, от голода аж затошнило. Сон снова сморил её.

«А где хлеб? — голос бабушки вывел её из дрёмы. — Дети, где хлеб-то? Вы что, съели, что ли? Да я вас, ироды этикие, запорю!» Ребятишки, свесив головы, с испугом смотрели на неё: нет, они хлеб не трогали. «Куда же он мог деться? — бушевала бабушка. — Без ножа меня режете, оглоеды, сидите теперь голодные!» Ребятишки притихли, они не могли понять, куда делся хлеб. «Цыганка! — вдруг пронзило Валю. — Это она! Точно, это она украла их хлеб!»

Бабушка, услышав о цыганке, пришла в неистовство. Хотела тут же бежать, догнать воровку, но на улице было уже совсем темно: где её искать? Погоревав и немного успокоившись, она сварила жиденький суп из пшена, накормила детей, сама, по обыкновению, осталась без ужина.

Наутро она отправилась в правление колхоза. Валюха увязалась за ней. Ваську не взяли; он ревел, размазывая сопли и слёзы, но пришлось остаться, валенки у них были одни на двоих. Председатель, выслушав жалобу, послал сторожа к цыганам: пусть их барон, или как его там, немедленно явится в правление. Барон, мужик лет пятидесяти, до глаз заросший чёрной кудрявой бородой, явился, когда в правлении собралось уже полсела. Стоял шум и гам, громче всех разорялся Ерой: гнать надо цыганское отродье из деревни, пока беды не случилось. Сожгут село, а то и убьют кого-нибудь. Вон как глазищами зыркает, бандюга!

Цыган стоял молча, только в глазах сверкали молнии. «Какие претензии к нам, начальник? — раздувая ноздри горбатого носа, наконец заговорил он. — Мы никого не трогаем, ни в чём не виноваты. Зачем звал?» — «Воруете. Жалуются на вас. Вот вчера у Дарьи хлеб одна из ваших украла. А у неё двое ребятишек-сирот. Чем кормить прикажешь?» — «Я разберусь, — барон говорил, хмуро глядя на собравшихся. — Виноватых накажу». — «Ну, смотри, — председатель махнул рукой, отпуская его, — а то выдворим вас в двадцать четыре часа, и весь разговор».

«Да что ты с ним цацкаешься?! — Ерой вскочил как ужаленный. — Гнать их из села, и всё тут! Ворюги! Недавно у моей Клавдии из магазина три буханки хлеба украли, а кто ж, кроме ихних, это мог сделать? Того и гляди подожгут что-нибудь! Гнать в три шеи!» — орал он, всё больше распаляясь. Толстая рожа его покраснела; казалось, ещё чуть — и лопнет. «Гнать, гнать, — встряла его жена, продавщица сельпо, — а то так и шныряют, так и шныряют, а ты потом отчитывайся за недостачу!» — «Да ты сама поменьше воруй», — крикнул кто-то из

задних рядов, и по залу прошёл шумок: все знали, что Клавдия нечиста на руку. Бессовестно обвешивала и обсчитывала покупателей, сама ходила по деревне в крепдешиновом платье даже в будний день.

А ночью загорелась лавка сельпо. Была уже глубокая ночь, люди спали. Пока кто-то увидел, пока разбудили пожарных, деревянное строение сгорело дотла. Клавдия бегала вокруг пожарища, голосила, заламывала руки. «Я же говорила, я говорила, что добром не кончится, — кричала она на всю деревню. — Это они подожгли, цыгане!»

Приехал следователь, побродил по пожарищу, опросил свидетелей, Клавдию. «Цыгане это, — твердила она. — Это они подожгли!» Следователь в сопровождении председателя, Ероя, его супруги и нескольких колхозников направился к табору. Улики нашлись сразу: в одной из повозок под ворохом сена лежали часы, хорошо известные каждому жителю деревни, — огромные, в деревянном футляре, с кукушкой в резном окошке, они много лет висели в магазине, но их так никто и не купил — шибко дорогие, да и в крестьянском хозяйстве такие без надобности. Под телегой висело цинковое ведро, тоже из магазина, недавно только завезли несколько штук, не успели распродать.

Следователь составил протокол, дал подписать свидетелям. «Ну, собирайся, — сказал он барону, — ты арестован». Цыган крикнул что-то на своём языке нескольким молодым цыганам, которые окружили селян, возбуждённо переговариваясь между собой, но они ещё теснее сгрудились вокруг, оттесняя пришедших от своего вожака. Следователь достал пистолет. «Разойдитесь, а то буду стрелять!» — крикнул он и поднял пистолет. Цыгане нехотя отступили. «Так, ты, ты и ты, — он указал на самых агрессивных, — арестованы». Поднялся невообразимый шум, женщины кричали, рвали на себе волосы, не давали увести арестованных. Кричали дети, висли на отцах — не оторвать.

На следующий день в сопровождении нескольких милиционеров из района приехал уполномоченный, собрали сход и постановили: выселить цыган в двадцать четыре часа. Арестованных за поджог и сопротивление властям будут судить.

Зима, мороз градусов пятнадцать. Цыгане грузили свои пожитки на летние повозки, лошади с трудом тянули их, колёса увязали в глубоком снегу. Полураздетые ребятишки, выбравшись из тепла, дрожали от холода, ревели. Несчастные матери прятали их в своих многочисленных юбках, но это мало спасало от холода.

Скоро на месте табора остались только следы от костров, конский навоз, обрывки парусины, бродили бездомные псы. Куда уехали цыгане, в общем-то, никого не интересовало. Может, нашли более гостеприимную деревню, может, замёрзли где-нибудь в степи.

Некоторое время в селе ещё ходили разговоры, что Клавдия с муженьком сами подожгли магазин, чтобы скрыть недостачу, а вещи подбросили, но и они постепенно утихли: у каждого свои заботы, своё горе — не до них. О цыганах скоро забыли.

«Ну что, Валюша,— голос брата вернул её из прошлого,— пора прощаться. Объявили посадку». Он поднял свою сумку, Валентина несла пакет с пирожками — напекла ему в дорогу. Народ засуетился, потянулся к выходу. В углу зала ожидания гомонило семейство цыган. Молодой красивый парень зло кричал на старую цыганку, замахивался на неё кулаком, того и гляди ударит. Она не пыталась уклониться, только глубже втягивала голову в плечи. Толстые, с золотыми зубами цыганки, востроглазые девушки в цветастых юбках, подростки и детвора не вмешивались, молча наблюдали за происходящим. К ним, пробираясь сквозь толпу, направлялся полицейский.

На перроне, прощаясь, Валентина обняла брата и заплакала: она понимала, что, скорее всего, они больше не увидятся. «Валя,— голос брата дрогнул,— я должен тебе сказать... признаться кое в чём...» Она непонимающе смотрела на него: что, что такое? «Валюша, ты помнишь, как цыганка украла у нас хлеб? Это не она... Это я тогда его съел...» Он хотел ещё что-то добавить, но поезд дёрнулся, сердитая проводница закричала, чтоб скорее заходили.

Перрон опустел, ветер гонял по бетону пустые пластиковые бутылки, обрывки газет и всякий другой мусор. У киоска с вывеской «Хлеб» разгружался пикапчик. В воздухе стоял вкусный запах горячего хлеба.

Игорь Герман
Судный день

Повесть

Несущим слово посвящается

ОТ АВТОРА

2012 год стал годом необыкновенным по лавине негативной информации, опасной для неустойчивой человеческой психики. Вплоть до 21 декабря (конец времён по календарю майя) сознание десятков миллионов наших сограждан подвергалось систематическому информационному насилию, от которого невозможно было укрыться. Со всех центральных телеканалов корреспонденты, перебивая друг друга, взхлёб и с восторгом сообщали нам, отчего мы все погибнем в ближайшее время. Я насчитал около двадцати различных версий глобальных катастроф, ожидающих человечество до конца 2012 года.

Но, если кто помнит, тот год также можно смело назвать и «годом педофила». Из сообщений средств массовой информации складывалось впечатление, что этот человеческий порок пышным цветом расцвёл именно в 2012 году, словно папоротник в ночь на Ивана Купала, так как о нём обществу ничего неизвестно было до, и абсолютно замолчали об этом после. Тогда — что это было?.. Автор этих строк, будучи в достаточной мере адекватным человеком, всё же неоднократно испытывал в течение 2012 года состояние беспомощности, отчаяния и крайнего раздражения. Испытывал под влиянием массированных информационных обработок своего сознания — как о грядущем конце света, так и о преступлениях целой армии педофилов. Предполагал, что подобная эмоциональная реакция — это только мои проблемы, но...

Проживая в своём небольшом городке, я однажды шёл по площади торгового центра. Середина августа 2012 года, замечательная погода, фруктово-овощной рай, прекрасное настроение. Вдруг на своём пути я увидел девочку лет пяти, стоящую в одиночестве и плачущую. Рядом никого из взрослых, в ком можно было бы предположить её родителей. Мимо торопливо проходили люди, и никто не обращал внимания на плачущую крошку. Я остановился.

— А что такое случилось? — спросил я у девочки, утирающей слёзы маленькими кулачками. — Где твоя мама?

Девочка уняла плач и чуть испуганно посмотрела на меня. Я улыбнулся, успокаивая её.

— Почему ты плачешь?..

Ребёнок не успел ответить. Вдруг, буквально в секунду, рядом оказалась немолодая женщина — вероятно, бабушка этой девочки. Она решительно схватила внучку за руку, посмотрела на меня крайне неприязненно, даже враждебно. Лицо её при этом покрылось красными пятнами. Я почувствовал к себе такую ненависть со стороны этой незнакомой женщины, что остолбенел от неожиданности. Хотел что-то сказать в своё оправдание, но не смог. Оглядываясь, гневно сверкая глазами, женщина уводила от меня свою внучку, как от чумы. Сначала, в состоянии растерянности, даже шока, я не понял, что произошло. А потом, подумав, понял. Так появилась эта повесть.

Все используемые выдержки из СМИ являются подлинными, собранными автором в течение 2012 года.

Из сообщений средств массовой информации:

Корреспондент: «В городском суде идут слушания по делу 56-летнего преподавателя музыкальной школы. Мать десятилетней девочки обвиняет его в сексуальных домогательствах в отношении её дочери. Педагог отрицает обвинения в свой адрес. Мать настойчиво добивается справедливости».

Мать: «Такой человек не имеет права работать с детьми. Он порочит само понятие учителя, и его место — в тюрьме!»

Супруга обвиняемого: «Я прожила с мужем почти тридцать лет и ничего подобного за ним не замечала. Если бы это было, неужели бы я не заметила? Это глупость, такая глупость, что у меня нет слов! Что происходит вообще?..»

Суббота, 25 августа 2012 года. 13 часов 10 минут

Во двор гимназии №2 входят три человека — папа, мама и маленькая дочь. Августовское послеполуденное солнце жарит последней жарой уходящего лета. Гимназия, готовая к новому учебному году, вымытая, покрашенная, сияет новенькой вывеской на козырьке школьного крыльца: «Муниципальное образовательное учреждение „Гимназия №2“».

Родители, держа ребёнка за руку, доходят до середины пустого школьного двора и останавливаются.

— Вот, Настенька, — говорит мама, — через неделю ты пойдёшь в первый класс. Видишь, какая ты большая!

— Большая, — с удовольствием повторяет девочка.

— Учиться будешь в этой школе, — продолжает мама. — Она называется гимназия номер два.

— Запомнила?.. Повтори, — просит папа.

— Гимназия номер два. Я запомнила.

— Молодец, — мама гладит ребёнка по голове. — Ты ведь у нас умница, да?..

— Умница, — соглашается девочка.

Мама нежно целует ребёнка в щёку. Инициативу теперь берёт папа. — Ну, раз ты умница, тогда слушай внимательно, — он присаживается перед дочерью на корточки. — Всего через несколько дней, Настюха, ты станешь школьницей. А школьник — это уже очень даже самостоятельный человек...

— Я тоже буду самостоятельным человеком?.. Когда пойду в школу?

— Конечно, будешь. Но самостоятельный человек должен многое уметь делать сам.

— Я умею делать сама...

— Не перебивай папу, — одёргивает ребёнка мать.

— Так вот, первое время мы с мамой будем тебя провожать и встречать из школы. Но ты ведь знаешь: мы с мамой работаем, зарабатываем денежку... Настюха, скажи: ты хочешь учиться самостоятельности?

— Хочу.

— Вот и хорошо, — папа подошёл к главному. — Может, когда-нибудь получится так, что мы с мамой будем очень заняты и встретить из школы тебя не сможем. Тогда тебе придётся идти одной. Не испугаешься?

— Не знаю.

— Не надо бояться, деточка, — теперь присаживается перед ребёнком и мама. — Мы сейчас покажем тебе дорогу до нашего дома. Ты её запомнишь, потому что мы будем каждый день ходить по ней. И не волнуйся, мы так же будем встречать и провожать тебя. Папа сказал это тебе на всякий случай.

— Не только, — возражает папа. — Скоро настанет день, когда Настя будет ходить в школу без провожатых. Правда, дочка?..

— Я не знаю дорогу.

Родители поднимаются с корточек — оба рослые, стройные. Мама берёт дочь за руку.

— Вот смотри, солнышко, — указывает она на свежевыкрашенную дверь гимназии. — Когда выйдешь отсюда, нужно будет пройти по этому двору... Вова, пошли, покажем ей...

Родители с маленькой Настей покидают территорию гимназии, идут по проулку вдоль ограды соседней одиннадцатой школы, мимо продовольственного магазина «Визит», длинной пятиэтажки из жёлтого кирпича и, наконец, выходят к широкой шумной улице, главной артерии города. Сегодня даже в таких небольших городках, как М-ск, движение на дорогах всё равно как в столице.

— Вот, доча, — говорит папа. — Это центральная улица. Называется она Ботаническая. Запомнила?

— Ботаническая.

— Правильно. Мы живём на той стороне, вон за теми домами. Чтобы попасть туда, нужно перейти эту улицу. И это — самый опасный участок твоей дороги домой.

— Потому что машины? — спрашивает Настя.

— Потому что машины,— строго хмурит тонкие брови мама.
— Видишь на дороге эти белые полосы?..— папа обнимает ребёнка за хрупкие родные плечи.— Это пешеходный переход. Здесь нет светофора, но водители, которые за рулём, обязаны пропускать пешеходов. Если мы сейчас подойдём к этим белым полоскам, то машины остановятся, и мы сможем спокойно перейти на ту сторону.
— Вова, может, всё-таки лучше к светофору?— сомневается мама.
— До светофора далеко.
— Зато безопаснее.
— Лара, ну где безопаснее? Там перекрёсток, поворачивают машины и так же останавливаются и пропускают пешеходов. Разница в чём?
— В принципе — да, но...
— К тому же там посадки, эти кусты, из-за поворота ребёнка сразу не разглядишь, а тут открытая дорога, пешеход как на ладони.
— Ну хорошо,— соглашается мама.
— Идёмте,— командует папа.

Они наступают на первую белую полосу, и автомобильный поток послушно прерывается. Папа с мамой, не торопясь, переводят ребёнка на другую сторону дороги.

— Вот и всё,— говорит отец.— Видишь, ничего сложного на самом деле. Надо просто подойти к пешеходному переходу.

— Только, пожалуйста, не переходи, пока все машины не остановятся,— просит мать.

— Конечно, конечно,— соглашается отец.— Будь внимательна. Водители всякие бывают. Остановились машины — смело переходи. Поняла?

— Может, всё же ей лучше дождаться взрослого?

— Можно и так... Если, Настюха, кто-то из взрослых будет переходить дорогу, иди вместе с ним. Хорошо?

— Хорошо,— отвечает девочка.

— Или попроси взрослого перевести тебя,— добавляет мама.

— Ладно.

— Не постесняешься попросить?

— Не постесняюсь.

— Ну, отсюда дорогу ты уже должна знать,— уверен папа.— Мы здесь бывали не один раз.

— Отсюда знаю,— подтверждает Настя.

Это — центр новой части семидесятипяти тысячного города М-ска. От сквера с фонтаном вдоль улицы Ботанической тянутся пятиэтажные дома застройки шестидесятых годов. Первые этажи этих домов, евроотделанные и превращённые в торговые точки, зазывают прохожих рекламными картинками бесконечной череды магазинов. Здесь большой отдел меховой одежды, продуктовое крыльцо, канцтовары, детские игрушки, опять продукты, огромный магазин бытовой техники, дом вин, офисы операторов мобильной связи, аудио-видеопродукция

и всякая мелочь, имеющая сегодня покупательский спрос. За последним офисным крылечком длинного торгового квартала, под мощным, раскидистым тополем, стоит лоток с мороженым.

Папа Володя, мама Лариса и дочка Настя, измученные жарой, подходят к молодой продавщице. Мама берёт всем по мороженому. Съесть его решают здесь же.

— Всё запомнила, доча? — папа разрывает шуршащую упаковку холодного сливочного стаканчика. — Как перейдёшь дорогу, сразу направо, вдоль магазинов. Вот здесь, у перекрёстка, повернёшь. Наш дом видно отсюда. Вон он... во дворах... Узнаёшь?

— Узнаю, — не глядя, говорит Настя, аккуратно обкусывая шоколадный край.

— Только всегда ходи здесь, — мама тоже принимается за мороженое. — Если я вдруг опоздаю, то пойду тебе навстречу этой дорогой. Которой мы сейчас шли. Никуда с неё не сворачивай. Запомнила, солнышко?

— Да запомнила, запомнила...

— Ладно, не мешай ребёнку, — отец хрустит вафельным краешком своего стаканчика.

Они молча и с удовольствием едят мороженое.

Из сообщений средств массовой информации:

«В городе Р. добровольные помощники в борьбе с педофилией поймали с поличным чиновника городского аппарата управления. Он пришёл на свидание с 12-летней девочкой, с которой познакомился и договорился о встрече по Интернету. Эта ловушка была устроена ему группой молодых людей, которые немедленно передали информацию о высокопоставленном растлителе в правоохранительные органы. Чиновник подал заявление об отставке и уже даёт показания. Мерой пресечения ему избрана подписка о невыезде.»

Среда, 29 августа 2012 года. 16 часов 52 минуты

В городском сквере у фонтана множество скамеек. Это любимое место отдыха молодых мам с колясками — днём, бабушек — вечером и тусующейся молодёжи — поздно вечером. Летом здесь даже в самую сильную жару можно укрыться в тени серебристых тополей. Сквер разбит в центре города, у перекрёстка двух центральных улиц — Ботанической и Чкалова. В ближайшей пятиэтажке — новая аптека и крыльцо парикмахерской «Стиль». Рядом — детское кафе, лоточницы с мороженым, надувной аттракцион «Петрушка», где прыгают и визжат от удовольствия дети.

Андрей Рузавин, тридцатичетырёхлетний преподаватель информатики педагогического колледжа города М-ска, сидит на одной из скамеек рядом со своей бывшей женой Евгенией, симпатичной брюнеткой. Рузавин, начинающий лысеть шатен с аккуратными

пшеничными усами, виновато моргает сквозь стёкла очков, выслушивая выговор бывшей супруги.

— Я, кажется, просила тебя больше не звонить, — отчитывает его Евгения. — Мне номер менять, что ли?

— Я по делу.

— По делу, не по делу... Я просила, ты обещал. Мы уже полгода в разводе, оставь меня в покое. Ну пожалуйста, не придумывай ты никаких дел.

— Я насчёт Лены.

— Даже насчёт Лены. Прекрасно знаешь, где я работаю. Пришёл в парикмахерскую. Я выйду на пару минут. Поговорим. Всё! Зачем звонить?.. Тем более вечером, когда Серёга дома. Ему это приятно, как ты думаешь? И мне это не надо. У тебя своя жизнь, у нас своя.

— У меня пока нет своей.

— Устраивай. Кто мешает?

— Не всё так просто.

— Баб свободных — куча. Захочешь — найдёшь.

— Если б я умел так, как ты.

— Хамить только не надо.

Они молчат. Рузавин поправляет очки.

— Короче, — продолжает Евгения, взглянув на часы. — У меня клиентка по записи. Говори, чего хотел, и я уйду.

Немного медлительный, флегматичный Рузавин ёрзает на месте.

— Это... Женя... Леночка ведь в первый класс идёт?

— Ну?..

— Это... Я могу поприсутствовать?

— Где ты хочешь поприсутствовать?

— Ну, на линейке. Первого сентября.

— Первого сентября? На линейке? Присутствуй.

— Спасибо. А учиться она где будет?

— В гимназии.

— Далековато ходить. Восьмая школа ближе.

— Зато в гимназии лучшие учителя в городе.

— Такие же учителя, как и везде. Если назвались гимназий, ещё не значит, что лучшие.

— Позволь уж мне самой решать вопросы, касающиеся моей семьи. Хочешь прийти — приходи. Первого в десять утра, гимназия номер два. Первый «Б» класс.

— Ты не против?

— Вообще-то против, но куда деваться, ты отец. Серёга в машине посидит, так уж и быть. Объясню ему. Приходи.

— Хорошо.

— Только не злоупотребляй.

— Постараюсь.

— Вот, постарайся.

Они молчат ещё. Бывшим супругам всегда есть о чём помолчать. Яркая стильная Евгения и, наверное, немного простой для неё, чуть полноватый и невыразительный Рузавин.

— Ну, я пойду,— говорит она.— Если больше вопросов и просьб нет.

— Леночку поцелуй за меня.

— Обязательно,— она поднимается со скамейки, лёгкая, уверенная, приятная.— Андрей, прошу: не звони больше. Обходишь как-нибудь. Не звони.

— Не буду,— обещает он.— Пока.

— Пока.

Он провожает её взглядом до тех пор, пока она не скрывается за дверями парикмахерской «Стиль».

Из сообщений средств массовой информации:

«В деревне К. был пойман педофил. Этот человек поселился здесь недавно, вёл замкнутый образ жизни, ни с кем не общался и не конфликтовал. Несколько раз соседи видели, как он угощал детей конфетами, но тогда они не придали этому значения. Значение придали только тогда, когда этот человек был пойман с поличным у себя же в доме, куда он привёл малолетнего мальчика, сына неблагополучных родителей. От расправы местных жителей его спас наряд полиции».

ЧЕТВЕРГ, 30 АВГУСТА 2012 ГОДА. 18 ЧАСОВ 50 МИНУТ

— Папа, папа пришёл!..— радостно восклицает играющая во дворе с ребяташками маленькая Настя.

Она подбегает к отцу и обнимает его, обеими руками обхватив за талию.

— Играешь, моя хорошая?— довольно улыбается папа Володя, поглаживая прильнувшего ребёнка по голове.— Ну, играй, играй.

— Ты не пойдёшь больше на работу?

— Сегодня — нет. С завтрашнего дня.

— Отремонтировал машинку?

— Отремонтировал, отремонтировал. Мама дома?

— Дома.

— Ты кушала?

— Кушала. Я не хочу.

— Ладно. Долго не задерживайся.

— Я как Юля. Юля пойдёт домой, и я пойду.

Папа посмотрел на часы:

— Через час ты дома.

— Мама позовёт с балкона... Пока, папочка!

Настя вприпрыжку убегает к играющим подружкам. Двор звенит детскими голосами.

Семья Табунцовых проживает на последнем, пятом этаже в двухкомнатной квартире.

Высокий сухой Владимир бодро одолевает молодыми ногами восемь лестничных пролётов, шагая через ступеньку. Отпирает дверь своим ключом и входит в квартиру. Из кухни в коридор выглядывает жена. — Ну как?..

— Нормально.

— Починили?

— Починили, — он проходит на кухню. — Чего пожрать?

— Картошку нажарила. Салат вот. Садись.

— Руки помою.

Владимир заходит в ванную, шипит водопроводными кранами, выходит и усаживается за стол.

— Сколько отдал? — спрашивает Табунцова.

— Восемь.

— Нехило.

— Ну, как сказать.

— Ребёнка в первый класс собрать — двенадцать. Ремонт машины — восемь. Двадцать тысяч как сдуло. Не считая прочих расходов. Август нам обошёлся, конечно.

Она накладывает мужу в тарелку картошки, подаёт вилку, открывает стеклянную плошку с августовской классикой — помидорно-огуречным салатом.

— Колбаса хоть есть?

— Какая колбаса с такими расходами? Спасибо скажи за картошку.

Он недовольно тыкает вилкой в салат. Лариса берёт пульт и включает стоящий на холодильнике маленький кухонный телевизор.

— И туда надо, и сюда надо, — ворчит она, мигая каналами и не задерживаясь ни на одном. — Везде надо. Только вот кошелёк не резиновый.

— Ремонт — святое дело. Машина нас кормит.

— Вот натаксуешь, тогда и спрашивай колбасу. А пока картошка. Ребёнок тоже картошку ест.

— Оставь новости, — просит он.

— На чёрта они тебе сдались? — она всё же откладывает пульт в сторону.

— Посмотрим, что в мире делается.

— Как обычно, ничего хорошего.

Табунцов сосредоточенно жуёт, совмещая ужин с просмотром последних известий.

— Выходишь когда? — спрашивает жена.

— Завтра утром на смену. Договорился, сентябрь и половину октября работаю с восьми утра, чтобы Настю успевать отвозить в школу. Там потом посмотрим.

— Будь осторожнее.

— Я и так осторожен.

— После того, как тебя чуть не избили, я ненавижу эту твою работу.

— Кто кого, ещё неизвестно.

— Мало того, что не заплатили, ещё и поколотить хотели.
— Одного бы я точно отметелил.
— Хоть полтора месяца не будешь по ночам болтаться, уже хорошо.
— Я теперь подстраховался. Разводной ключ положил под руку. По балде настучу в случае чего.
— Смотри, а то настучишь... сам же и окажешься виноватым.
— А пусть не лезут...

«...ского края ведётся следствие по обвинению тренера детско-юношеской спортивной школы по акробатике,— сообщает с телеэкрана бодрый голос корреспондента.— Его обвиняют в превышении служебных полномочий. Мамы посещавших секцию акробатики девочек утверждают, что тренер использовал массаж как средство для достижения совершенно других, неспортивных целей. Дети жаловались дома, что тренер массирует их слишком долго и тщательно, задерживаясь на определённых местах...»

Табунцов перестаёт жевать, внимательно слушая торопливую речь корреспондента.

Показывают растерянного оправдывающегося тренера, пожилого солидного человека, девочек, смущённо исповедующихся перед телекамерой, а также мам, требующих крови.

— Достали уже с извращениями!..— раздражается Табунцов.— Откуда оно повывлезало, козлячье племя?.. Из каких щелей?
— Ешь спокойно, не обращай внимания. Надо же что-то показывать.
— А не слишком ли часто их стали показывать?.. Везде зашевелились, падла. Скоро и у нас голову поднимут... Косить таких надо.
— Кого ты косить собрался?.. Чего раздухарился?
— Ребёнка одного не оставишь на улице.
— Меньше телевизор смотри.
— Выгляни в окно.
— Чего?
— В окно, говорю, выгляни. Во дворе она?.. с подружками?..
— Ну куда она денется?— Табунцова нехотя подходит к окошку.— Вон они стоят... разговаривают с кем-то.
— С кем разговаривают?— останавливает вилку с капающей соком долькой помидора Табунцов.
— Мужик какой-то с ними стоит... говорит что-то...
— Какой мужик?— звякнув вилкой о край тарелки, он в секунду оказывается у окна.— Где она?
— Да это сосед, успокойся. С третьего этажа. С трёхкомнатной... Говорит, чтобы по клумбам не бегали. Видишь, показывает на клумбу.
— Чёрт его знает, что у него на уме, у этого соседа.
— У этого соседа жена и внуки, не переживай.
— У тренера этого тоже жена и внуки.
— Ешь садись. Не дёргайся. Издёргался уже весь.
Табунцов усаживается на табуретку, тыкает вилкой в салат.

— Внимательным быть надо. В какое время живём!..

— В нормальное время. Сам не сходи с ума.

Лариса берёт пульт и переключает канал.

Из сообщений средств массовой информации:

«В посёлке Т. в неблагополучной семье несовершеннолетние дети постоянно подвергались сексуальному насилию со стороны сожителей матери».

Суббота, 1 сентября 2012 года. 10 часов 07 минут

Утро облачное и хмурое. Синоптики грозили дождём. Но прогноз не портит праздничного настроения ни детям, ни родителям.

Двор гимназии №2, как и прочих учебных заведений города, утопает в бантах и цветах. Большую часть двора заполняет огромный живой квадрат, три стороны которого образуют выстроенные классы с рассеянными позади родителями, а четвёртую — жиденскую — директор, завучи и выступающие учителя.

Директор поздравляет присутствующих с началом нового учебного года, отдельно — первоклассников с их мамами и папами, желает здоровья, успехов в учёбе, любви и тяги к знаниям.

Первый класс «Б» стоит сразу же за первым «А». Детей выстроили в ровные колонны, и, немного напуганные торжественной обстановкой, они вертят стриженными и заплетёнными головами в поисках своих родителей. Родители, здесь же, позади, кивают детям, улыбаются и подбадривают их.

Невысокий Андрей Рузавин в новеньком светлом свитере, заложив руки за спину, старается не потеряться для дочери в толпе снующих и фотографирующих пап и мам. Чуть поодаль от него стоит завитая и ярко накрашенная Евгения. Их Леночка то и дело крутит головкой, отыскивая среди множества чужих лиц то папу, то маму. Андрея Рузавина случайно толкает сделавшая шаг назад родительница. Она снимает на камеру своего ребёнка, стоящего где-то в колонне соседнего класса.

— Ой, извините, — оборачивается к Рузавину Лариса Табунцова.

— Да пожалуйста, — вежливо отвечает Андрей Рузавин.

После выступления директора звенит первый звонок. Ученик одиннадцатого класса, крепкий парень в сером костюме, несёт на плече первоклассницу, совсем кнопочку. Девочка обеими руками держит колокольчик и старательно звонит в него. На этом заканчивается торжественная часть, и педагоги разводят первоклассников с их родителями по учебным кабинетам. Здесь Андрей Рузавин, как и прочие папы и мамы, скромно прислоняется к стеночке. Евгения и в классе стоит отдельно.

Классный руководитель, представившись, делает переключку учеников, ещё раз поздравляет с началом долгого и нелёгкого пути.

На первом в своей жизни уроке дети учатся правильно сидеть за партой и поднимать руку, если что-то надо спросить. Эти умения под руководством учительницы ребята тут же демонстрируют умилённым родителям. Напоследок классный руководитель даёт расписание уроков на неделю, ещё раз напоминает, когда нужно приходиться на занятия. На этом первый школьный день первоклассника завершается. У кого из родителей имеются вопросы, подходят к учительнице, у кого вопросов нет, те, подхватив своё дитя, выходят из класса.

Андрей и Евгения Рузавины, объединённые теперь своей дочерью, хоть и продолжают старательно делать вид, что они чужие, всё же идут вместе. Леночка радостно щебечет, взяв родителей за руки. Они выходят на улицу и спускаются по ступенькам большого школьного крыльца.

Небо угрожающе затянуто плотными дождевыми облаками. Падают первые капли — мелкие, тёплые, едва ощутимые кожей лица и рук.

Рузавины останавливаются во дворе. Здесь их пути расходятся. Настаёт минута расставания. Леночка понимает это, но руку папину не отпускает.

— Нам надо идти, доченька, — осторожно говорит мать. — Дядя Серёжа ждёт.

— А папа с нами поедет?

Евгения хочет, чтобы на этот вопрос ребёнку дал ответ сам Рузавин, но Рузавин молчит. Девочка повторяет вопрос.

— Нет, — недовольно отвечает мать. — Нет, доченька, папа с нами не поедет.

— Почему? — продолжает мучить маму Леночка.

— Ну, ты ведь всё знаешь, ты ведь взрослая.

— Я хочу, чтобы папа поехал с нами.

— Андрей! — теряет терпение Евгения. — Объясни ей, пожалуйста.

— Что я должен ей объяснить?

— Нам идти надо. Ты видишь, дождь начинается.

Она раскрывает над ребёнком зонт. Дождик усиливается, мелко и часто постукивая по натянутой, как барабан, непромокаемой ткани зонта.

— Доча, всё, отпускай папу, идём.

— Нет... — хнычет девочка.

— Лена, не сердь меня, — раздражается мать. — Дядя Серёжа заждался в машине, он ругаться будет.

— Я хочу с папой.

Оба родителя не знают, что делать. Такого упрямства от дочери не ожидали ни отец, ни мать.

— Объясни же ты ей, наконец! — беспомощно взывает к Рузавину Евгения.

— Не могу.

— Господи!.. А что ты можешь?.. Ты же вообще ничего не можешь! Ты даже объяснить ребёнку и то не можешь!.. Доча... — она встряхивает

за руку девочку так, что та чуть не падает.— Папа с нами не поедет, потому что он с нами не живёт! Понимаешь — не живёт!

—А почему он с нами не живёт?— спрашивает дочь.

—Ну, ведь мы уже говорили с тобой об этом, доченька. Я ведь тебе всё объяснила. Неужели мы это будем делать здесь и сейчас, на виду у всех, да ещё и под дождём?!

—Я хочу с папой,— упрямо и серьёзно повторяет девочка.

Евгения на секунду отворачивается, собираясь с духом, и теперь смотрит на Рузавина другим, откровенно раздражённым взглядом.

—Вот для чего мне всё это надо, скажи?.. Эта нервотрёпка, эти выяснения отношений на глазах у всей школы! Я ведь знала, что так будет, и ты прекрасно это знал и всё равно пришёл! Тебе нравится нервировать меня и ребёнка? Тебе нравится издеваться над нами?..

Рузавин глядит куда-то в сторону сквозь дождевую рябь, покрывающую стёкла его очков.

—Ма-ама...— плачет Леночка.

—А ну-ка сейчас же прекрати!— Евгения вырывает ладонь ребёнка из руки отца и тащит дочь к ожидающей за школьной оградой машине.

Продолжая плакать, Леночка оглядывается до тех пор, пока мама силой не усаживает её в салон автомобиля. Хлопает дверца, и белая «хонда» плавно и бесшумно трогается с места.

Дождь расходится всё сильнее.

ИЗ СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:

«В городе В. два подростка помогли поймать педофила. Вечером они проходили мимо гаражей, достаточно тёмного и глухого места, когда услышали слабые детские крики. Ребята не растерялись и решили выяснить, в чём дело. Вскоре обнаружили тот гараж, из которого доносились голоса. Подростки, недолго думая, вызвали по мобильнику полицию. Прибывший наряд, после вскрытия гаража, обнаружил в нём запершего хозяина, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, и с ним двух девятилетних девочек, по отношению к которым 45-летний мужчина совершил насильственные действия сексуального характера. Девочек, игравших во дворе, он заманил в гараж тем, что якобы собирался подарить им свой мобильный телефон. Насильник арестован и ждёт суда. Подростки, вызвавшие полицию, награждены ценными подарками и почётными грамотами отдела внутренних дел города».

Пятница, 14 сентября 2012 года. 10 часов 50 минут

Девять лет существует в гимназии №2 танцевальная студия «Эдельвейс». Собственно, когда всё это только начиналось, гимназия была ещё не гимназией, а самой обыкновенной школой. И вот в этой школе руководство танцевальным кружком взяла на себя хореограф, заслуженный работник культуры Вера Николаевна Хворова.

Опытный педагог и энергичный человек, она с любовью и талантом взялась за дело. Очень скоро на базе кружка организовала большую студию современного эстрадного танца, разбив участников на две группы — старшую и младшую. Сама ходила по классам, искала способных ребят. Вскоре пришли первые успехи. «Эдельвейс» взял гран-при сначала в городском смотре детских танцевальных коллективов, а затем и в краевом. Но эта удача оказалась только началом его творческого взлёта. Детский образцовый хореографический ансамбль «Эдельвейс» принимал участие в многочисленных российских фестивалях, выступал на площадках Москвы и Санкт-Петербурга. Разумеется, такой коллектив был славой и гордостью города М-ска. Отдел культуры постоянно приглашал маленьких звёздочек на отчётные и праздничные городские мероприятия.

По мере становления коллектива и роста его известности Вера Николаевна уже не справлялась с нагрузкой в одиночку, поэтому и пригласила в преподавательский состав чету Мьяльдер — Александра и Ирину, выпускников университета культуры из соседней области. Молодые супруги оказались работоспособными, творческими, ищущими. В их лице художественный руководитель нашла себе незаменимых помощников. Возраст, увы, неминуемо берёт своё, и на сегодняшний день Вера Николаевна могла осуществлять только общее руководство коллективом, а весь творческий процесс лёг на плечи супругов Мьяльдер.

Родители приводили своих детей в студию с первого класса, и это правильно. Талантливые дети должны приходить в искусство как можно раньше, а что именно их ребёнок по-настоящему талантлив — кто из родителей усомнится?

Настя Табунцова, росленькая стройная девочка, словно создана для хореографии. Маме очень хотелось увидеть свою красавицу танцующей на сцене, пусть пока на школьной — с чего-то же надо начинать. Она убеждена, что именно искусство — будущая стезя её ребёнка, и мечтала отдать дочь в прославленный городской танцевальный коллектив.

В середине сентября, когда на школьной доске объявлений появилась информация о наборе детей в младшую группу современного эстрадного танца, Лариса сразу же привела дочь. Разговор с педагогом состоялся после третьего урока в фойе первого этажа, рядом с дверью танцевального класса.

Александр Мьяльдер, высокий молодой мужчина с длинными волосами, собранными резинкой на затылке, и серьгой в правом ухе, внимательно слушает маму. Профессиональным взглядом оценивает длинноногую первоклассницу. Отвечает коротко:

— Приходите.

— Вот спасибо, — искренне радуется Лариса. — Что для этого нужно?

— Чёрный купальник желательно, лосины, чешки или балетки. Чешки чаще рвутся.

— В какое время?

— Занятия для малышей — с двух тридцати до четырёх тридцати. Чтобы успевали покушать и отдохнуть.

— Нагрузки?..

— Нагрузки по силам, естественно. Тем более первый класс. Ребёнок должен адаптироваться и к урокам, и к танцевальному режиму. Будете помогать. Вы сами заинтересованы, чтобы ваш ребёнок занимался у нас?

— Конечно. Поэтому и привела.

— По-всякому, знаете, бывает. Бывает, что ребёнок хочет, а родители не очень. Хотят на акробатику отдать, к примеру. Тогда ребёнок у нас точно ненадолго. Нет смысла вкладываться в него. Если родители против, то, сами понимаете, они победят в конце концов. Поэтому мы сразу договариваемся на этом берегу. Родители за — берём, против — извините.

— Нет, нет, мы — за.

— Очень хорошо. И ещё... Занятия бесплатные, но родители по мере необходимости вносят некоторую сумму: костюмы там, обувь, — понимаете?

— Понимаю.

— У нас есть спонсоры, конечно, но к ним обращаемся, так сказать, по-крупному: фестивали, поездки. И за это им спасибо огромное. Ну а костюмы — на совести родителей. По этому вопросу вы тоже должны дать своё принципиальное согласие.

Табунцова на секунду задумывается.

— Люди мы, конечно, небогатые, но...

— Каждый сдаёт на своего ребёнка. Лишнего не возьмём, не беспокойтесь.

— Хорошо. Я согласна.

— Занятия три раза в неделю: понедельник, среда, пятница. Здесь. На первом этаже. В хореографическом классе. Вот дверь. Пожалуйста.

Он склоняется над девочкой:

— Как ваше имя, мадемуазель?

— Настя Табунцова, — бойко отвечает школьница.

— Ну что, Настя Табунцова, давай знакомиться. Меня зовут Александр Викторович. Танцевать любишь?

— Да.

— Вот и отлично.

ИЗ СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:

«В городе П. объявлена охота на педофила. Его жертвой стал уже третий ребёнок. Преступник совершает свои деяния в одном и том же районе города, но поймать его пока не удаётся. Лица его никто не видел, а сами пострадавшие не могут дать точных сведений. Известно только, что это мужчина высокого роста. Хотя для ребёнка любой взрослый кажется высокого роста. Одна из камер внешнего наблюдения зафиксировала

передвижение предполагаемого преступника вслед за его жертвой, девочкой, возвращавшейся из школы. Но из-за спортивной шапочки, натянутой на глаза, и слегка опущенной вниз головы разглядеть лицо этого человека в деталях оказалось невозможным. Тем не менее был составлен приблизительный фоторобот преступника, с которым были ознакомлены все сотрудники городской полиции. Здесь уверены, что насильник рано или поздно попадёт в руки правосудия и будет предан суду».

СРЕДА, 19 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА. 11 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Закончился четвёртый урок. Первоклашки гимназии, завершив очередной учебный день, высыпают в коридор. Кто-то из родителей встречает своего ребёнка тут же, у дверей класса, кто-то ждёт во дворе. Через несколько минут все малыши разобраны взрослыми и уведены по домам. Только одна девочка остаётся ждать на крыльце, и только один взрослый стоит поодаль и наблюдает за ней. Вот мужчина уверенно направляется к ребёнку. Девочка, заметив его, делает несколько шагов навстречу.

— Здравствуй, доченька! — поднявшись по ступенькам, обнимает Леночку Андрей Рузавин.

— Папа! — прижимается к отцу девочка.

— Ты почему одна?

— Мама позвонила, сказала подождать.

— А где она?

— Не знаю. На работе.

— Давай я тебя провожу. Только ты мне покажешь, где вы живёте. Я ведь не знаю.

— Мама сказала — здесь ждать. Она ругаться будет.

— Ну хорошо, — соглашается Рузавин. — Убедила. Я не хочу, чтобы тебя ругала мама. И чтобы меня ругала, тоже не очень хочется. Давай ждать вместе. Ты не против?

— Не против... — дочь поднимает на отца чистый взгляд. — А где ты живёшь, папа?

— В общежитии. Преподаю в училище и в общежитии живу. Вместе со студентами. Вот... поселили там, после развода с мамой.

— А почему вы развелись?

Пытаясь уйти от неудобного вопроса, Рузавин трогает за дужку очки, переминается с ноги на ногу, вздыхает, но настойчивые детские глаза не отпускают его. Отец вынужден признаться:

— Не сошлись характерами.

— Это как? — допытывается дочь.

Отец опять теряется, потому что на такой вопрос не только ребёнку, но даже самому себе ответить не так-то просто.

— А что такое общежитие? — выручает его Настя.

— Общежитие?... Это где много людей.

— А школа — тоже общежитие?

— Школа?.. Почему?
— Здесь много людей.
— Ну да... Выходит — да... в некотором смысле тоже общежитие. Тебе не холодно?
— Тепло.
— А то сегодня прохладно как-то.
— Нет, мне тепло, — повторяет Леночка.
Отец хитро смотрит на дочь и легко дёргает её за косичку.
— Ах ты, Ленточка, Ленточка... У тебя ведь скоро день рождения.
— Да, через две недели, — у девочки радостно сверкают глазки. — И ещё через три дня. Я знаю.
— Можно я тебе что-нибудь подарю?
— Можно. А что?
— А что бы ты хотела?
— Не знаю.
— Хорошо, я подумаю сам.
— Игрушку!
— Игрушку?
— И мультики!
— Ладно. Игрушку и мультики, договорились.
— А ты придёшь к нам в гости?
— Обязательно. Такой день — и я не приду?.. Как же...
— Мне будет семь лет, — гордо сообщает дочка.
— Уже почти невеста, — подмигивает отец.
Леночка смеётся. Слово «невеста» ей нравится.
Во дворе появляется Евгения.
— Мама, мама!.. — радостно кричит дочь, но не трогается с места.
Напряжённой торопливой походкой мать доходит до крыльца и поднимается по ступенькам.
— Привет, — немного виновато улыбается ей Рузавин.
— Привет, — коротко отвечает бывшая супруга и берёт дочь за руку. — Пойдём.
— Жень... поговорить бы...
— Мне некогда. — Евгения решительно ведёт домой оглядывающуюся и спотыкающуюся дочь.

ИЗ СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:

«В Государственной Думе рассматривается вопрос об усилении наказания за сексуальные преступления, совершённые по отношению к детям».

Вторник, 25 сентября 2012 года. 21 час 00 минут

— Всё!.. Отдыхаю... — Табунцов, поужинав, бухается на диван.
Берёт с пола пульт телевизора, секунду думает и кладёт его опять на пол.
— Настюха!..

Девочка прибегает из другой комнаты:

— А?..

— Поди сюда, маленькая.

Дочь подходит ближе.

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Как учишься, рассказывай.

— Хорошо.

— Молодец. Двоек много нахватала?

— Нам ещё оценки не ставят.

— А чего так?

— Не знаю.

— Учиться-то нравится?

— Нравится.

— А что нравится больше всего?

— Учительница.

— Понятно. Читать научилась?

— Немножко. Хочешь, прочитаю?

— Давай.

Настя вприпрыжку убегает в свою комнату, возвращается с «Азбукой», усаживается рядом с папой и раскрывает волшебную книгу. Листает страницы и, показывая пальчиком, называет буквы. Папа Вова с удовольствием удивляется и восхищается. Наконец девочка закрывает «Азбуку».

— Ну как?

— Отлично.

— Я ещё раньше школы умела читать.

— Да, я знаю. Ты вообще у нас талант... — он гладит по голове покрасневшую от удовольствия дочь. — Дорогу-то запомнила, которую мы тебе с мамой показывали?

Настя вопросительно смотрит на отца.

— Ну, из школы до дома?.. По которой тебя мама встречает?.. А если придётся одной идти, не растеряешься?..

— Нет.

— У меня пока возможность есть, я тебя отвожу, мама встречает, но когда-то не смогу, или мама не сможет. Тогда придётся самой. Поняла?

— Поняла.

— Ладно... Вот ты мне скажи лучше, чем вы там на танцах занимаетесь?

— Ну, папа, — искренне удивляется ребёнок. — Чем на танцах занимаются? Танцуют.

— Логично, — соглашается Табунцов. — А преподаватели кто у вас? Звать их как?

— Ирина Юрьевна и Александр Викторович.

— Ага... Ну а с тобой кто чаще занимается?

— Александр Викторович.

Папа Володя глубоко заглядывает в ясные глаза ребёнка:

— Так. Ты вчера была на танцах, да?

— Вчера.

— И что вы делали?.. вчера?.. на занятиях?

— Упражнения всякие. Гнулись. Ножки учились ставить.

— Какие ножки?

— Вот эти,— Настя откладывает «Азбуку» и поднимается с дивана.

Ставит ступни во вторую, а затем в пятую позицию. Это у неё легко получается. Детские связки эластичные, а косточки гибкие.

— Здорово...— серьёзно говорит отец.— И что же он делал?.. Александр этот... Викторович?.. Он подходил к тебе? На занятиях? Подходил?

— Да.

— И что делал?

— Показывал, как правильно.

— Да это я понял, понял. Как он показывал, расскажи.

— Ну я же сказала, папа! — дочь удивлена недогадливостью отца.— Показывал, как я должна ножки правильно ставить.

— Интересно. Интересно...— папа изображает на лице живое внимание.— И что он делал?.. Вспомни.

— Брал за ножку и помогал.

— Совсем интересно,— папа Володя садится на диван, напрягает руки и сжимает тяжёлые костистые кулаки.— Он тебя брал за ножку?

— Да.

— Где брал, покажи.

— Вот здесь,— девочка показывает на стопу и голень.

— И другим девочкам тоже показывал?

— Тоже.

— И тоже брал за ножки?

— Брал.

В комнату входит мама.

— Что вы тут обсуждаете, друзья?

— Тема очень интересная,— хмурится отец.— Очень-очень интересная тема.

— Какая?

— Доча...— отец протягивает «Азбуку» ребёнку.— Положи учебник в портфель и можешь заниматься своими делами.

— Пока! — Настя скоренько выходит из комнаты.

— Ну? — настораживается Табунцова.

Муж молча и хмуро играет желваками на худом длинном лице.

— Я, может быть, ничего не понимаю,— начинает он,— но мне всё это уже начинает не нравиться.

— Что именно тебе не нравится?

— Танцۇльки эти ваши. В школе, я имею в виду. Как бы не дотанцеваться, мать!

— Что случилось?
— Сейчас говорил с Настей.
— И?..
— Оказывается, этот балерун трогает девочек за ноги. Всех. И Настю трогал. Она мне рассказала.
— И что это значит?
— Сама подумай.
— У меня неиспорченная фантазия, ничего не могу придумать.
— Нет, если ты скажешь, что это нормально, я тебе поверю. Когда учитель трогает девочку сначала за щиколотки, потом за голень, потом за бёдра, а потом за всё остальное,— вот если это нормально, то танцуйте дальше. Только имей в виду: тогда отвечаешь ты.
— За что?
— За всё!
— Ты в своём уме?
— Я?.. В своём!
— Знаешь что?.. Я тебе с этого дня запрещаю смотреть телевизор.
— Вообще-то я ещё газеты читаю и радио слушаю.

Из сообщений средств массовой информации:

«Чудовищный по степени своего цинизма случай произошёл в городе А. Тридцатилетним педофилом была похищена годовалая девочка. Преступник выхватил её из коляски, стоявшей без присмотра у продуктового магазина, и скрылся. Мать, по её словам, всего на минутку забежавшая за хлебом, не обнаружив своего ребёнка в коляске, немедленно позвонила в полицию. Нашлись люди, которые подтвердили, что видели бежавшего мужчину с маленьким ребёнком на руках. Примерно через час похититель был обнаружен в своей квартире. Там же находился и похищенный ребёнок. К несчастью, насильник уже успел надругаться над девочкой. Даже выдавшие виды служители порядка были шокированы цинизмом произошедшего».

Среда, 26 сентября 2012 года. 13 часов 10 минут

Андрей Васильевич Рузавин преподавал информатику в городском педагогическом колледже. Как к специалисту в самой востребованной на сегодняшний день области, к нему обращались многие коллеги со служебными и личными просьбами. Покладистый Рузавин никому не мог ни в чём отказать. Мягкий характер и неумение сказать «нет» создают человеку в повседневной жизни немало сложностей. Как правило, такие люди, если они ещё и хорошие специалисты, в своё свободное время занимаются решением чужих проблем.

О том, что он размазня, Андрею Рузавину заявила Евгения, ещё задолго до развода. Её тоже можно было понять: она устала от его бесконечной скорой компьютерной помощи там и сям. Ведь он частенько задерживался после работы, торчал у себя в кабинете

или на дому у товарищей. Деньги брать за свой же труд ему было неудобно. Тратить время и силы на чужих людей удобно, а брать хоть какое-то копеечное вознаграждение, видите ли, неудобно! Семье бы столько уделял времени и участия, как другим людям! Они что, ему родственники, что ли?.. Но они тоже молодцы: видят, что дурачок, и ездят на нём. На дурачках всегда ездят. Бывают люди, которые не могут отказать, но совесть-то надо иметь! Не берёт он деньги — значит, плохо даёшь. Дай так, чтобы взял. Умеешь просить, умей и отблагодарить человека.

Рузавин выслушивал жену, поддакивал, оправдывался, соглашался, обещал брать плату за работу, но поделаться с собой ничего не мог. Человек хороший, но бестолковый, — решила жена. Такой — не для жизни. С таким пропадёшь. И Евгения Рузавина, приняв волевое решение, ушла от чужого дяди, на которого батрачила парикмахером. Взяла кредит и открыла собственный салон, взяв в аренду в пятиэтажке у фонтана закрывшийся неприбыльный магазинчик канцтоваров. Спрос на парикмахерские услуги всегда был, есть и будет, поэтому прогореть она не боялась. За день на три корочки хлеба в любом случае зарабатывала. Размазня-муж со своей нищенской зарплатой уже никак не лимитировал её.

Собственная финансовая независимость всегда даёт человеку уверенность в себе и своих силах. Кажется, что сама судьба за тебя, только бери то, что она предлагает.

Рузавиной вскоре судьба предложила одинокого разговорчивого клиента средних лет, с машиной «хонда» и пусть не очень большим, но приличным собственным бизнесом. Евгения, интересная брюнетка, по молодости и глупости вышедшая за тьюфяка Рузавина, хорошо подумав, решила использовать шанс. Использовала. Переехала с дочерью в новое гнездо. Прежняя квартира была её собственностью, и Андрея Рузавина, как не имеющего прав на жильё, без долгих разговоров выселили. Теперь Евгения сдавала свою пустую квартиру в аренду, чем дополнительно приносила денежку в семейный бюджет. В этой истории личных отношений нет виноватых: жизнь одна, и каждый устраивает её так, как считает нужным. Если не складывается с человеком, зачем продолжать обманывать и обманываться? Нужно честно решиться на поступок. Ведь так?.. Ребёнок, конечно, пострадает в семейной ломке, ребёнка, конечно, жаль. Но ведь, в конце концов, и ребёнку будет тяжёлый груз ответственности за разбитую жизнь матери, прожившей из-за дитя с нелюбимым человеком. «Мама, я от тебя не требовала такой жертвы», — скажет потом дочь и будет права. Поэтому надо прежде всего думать о себе. Ребёнок счастлив только тогда, когда счастлива мать. Несчастливая мать ещё никогда не делала счастливыми своих детей.

Итак, весной этого года Рузавины развелись. Бездомного Андрея Васильевича приютили в студенческом общежитии, где на четвёртом

этаже сдавали комнаты молодым преподавателям. Не такому уж молодому Рузавину пришлось смириться со своим новым статусом, так же как с общим коридором и общим туалетом. Ничего не поделаешь: жизнь иногда заставляет человека многое начинать сначала.

Андрей Васильевич начал искать выход. И чем серьезнее задумывался, тем отчётливей понимал: путь в этом направлении только один... Преподавательский состав в колледже — преимущественно женщины. Есть подходящие по возрасту и одинокие. Большинство с жилплощадью. Это важно. И в его ситуации, и вообще. Да, у него есть на примете дама. Преподаватель русского и литературы. Чуть старше его, но это ерунда. Нравится, и уже давно. Сама не догадывается, наверное. А может, и догадывается. Догадывается, конечно. А если всё же нет?.. Сказать?.. Как?.. На четвёртом десятке опять эти проблемы! Красней, как мальчик, признавайся... Как, допустим, к ней обратиться: по имени-отчеству, просто по имени? Ольга Борисовна, вы мне нравитесь... Ольга... Оля... Надо набраться духа и подойти к ней. Повод нужен, а его пока нет. Эх, Ольга... Борисовна... Чего ж делать-то?.. Повод нужен, конечно, — сидя в своём кабинете информатики, размышляет Андрей Васильевич. Нужен повод.

«Педофилия не пройдёт!!!» — надпись на рекламном баннере при въезде в город М-ск, 2012 г.

Понедельник, 1 октября 2012 года. 19 часов 30 минут Владимир Табунцов несколько дней таксует на внутренних линиях и не выезжает на межгород. Сегодня, под окончание смены, отвозит пассажира в райцентр, небольшой городок. Семьдесят километров туда и семьдесят обратно. Доставив по адресу, заруливает на автовокзал. Находит двоих попутчиков. Берёт по цене автобуса. За сорок минут доезжают до М-ска. Всю дорогу молчат. Пассажиры незнакомы, и оба неразговорчивые. Один — постарше, за пятьдесят, второй — парень, немного за двадцать.

В новой части М-ска вдоль улицы Ботанической установлено множество рекламных баннеров. Табунцов мало обращал внимания на изображённые там радостные лица, на эти проценты, кредиты, мегафоны, билайны, миры пластиковых окон, галереи железных дверей и так далее, но глаз уже привык к определённой последовательности определённых картинок.

Переждав красный на первом светофоре при въезде в город, Табунцов трогается на жёлтый. Огибает стоянку автобусов конечной остановки нового города. Здесь с девятиэтажных жилых корпусов начинается улица Ботаническая.

Вдруг взгляд Табунцова притягивает яркое пятно. Отреагировав быстрым движением глаз, он видит на одном из баннеров новое содержание. Багровый фон огромного прямоугольника словно кричит

крупными чёрными буквами: «Педофилия не пройдёт!!!» С тремя восклицательными знаками. Табунцов произвольно задерживает взгляд на баннере. Задерживает всего на секунду. Но впереди пешеходный переход, по которому, не торопясь, идёт полная пожилая женщина. Видя, что приближающееся такси не сбавляет хода, она неловко ускоряет шаг. Табунцов успевает ударить по тормозам. Пассажиры охают и еле удерживаются на заднем сиденье. Испуганная женщина, разглядев сквозь лобовое стекло дурака-водителя, возмущённо крутит пальцем у виска. Табунцов нервно выдыхает короткое хлёсткое слово.

— Засмотрелся не туда, — оправдывается перед пассажирами.

— Аккуратно, не дрова везёшь, — делает замечание тот, что постарше.

— Видали, что написано на щите?.. — Табунцов внимательно ведёт машину дальше. — Ну, как-то это... уже чересчур...

Ему хочется зло поговорить на эту тему, но пассажиры молчат. Им, видимо, наплевать.

Дома Владимир Табунцов явно не в настроении. Он глотает ужин, не чувствуя вкуса пищи. Лариса обращает внимание на состояние мужа.

— На работе что?..

— Нет.

— Что тогда?..

— Поговорить надо.

Входит Настя. Идёт к матери с надутенькими губками.

— Можно я мультики посмотрю?

— Ты уже загоняла видик.

— Нет ещё.

— Он скоро крякнется.

— Не крякнется.

— Ладно, иди. Но недолго. В десять спать.

Девочка убегает к себе в комнату.

— Есть тема, — отвечает Табунцов вопросительному взгляду жены.

— Слушаю.

— Я сегодня в школу подъезжал. Ну, где Настя учится.

— В гимназию?

— В гимназию, да.

— Зачем?

— Учителя вызвал... Хореографа этого... Он как раз там был... Спросил, как Настя... Есть ли способности у девчонки...

— И что он ответил?

— Ответил, что есть.

— Ну вот. Доволен?..

Табунцов пристально смотрит на жену.

— Не за этим я приходил туда.

— А за чем?

— Взглянуть на хмыря этого.

Лариса Табунцова не понимает.

— Не понравился он мне. Патлы, как у бабы, серьга в ухе, манерный. Не понравился.

— Он женат. С ним всё в порядке.

— Не надо мне! Они все прячутся за баб!.. — он ковыряет что-то на крышке стола. — Давай Настюху забирать с танцев.

— Ты что, совсем?! — возмущена до растерянности Лариса.

— Совсем будет, если опоздаем!.. Ты плакат видела на въезде в город?

— Какой ещё плакат?

Табунцов рассказывает.

— В Москве постановили — на местах, как обычно, перестарались, вот и всё, — ничуть не удивляется Табунцова.

— Педофилия не пройдёт... Значит, она проходит. Просто так такое не пишут на обозрение всего города. Есть причина. И есть реальная угроза.

— Хорошо, — сдержанно выдыхает супруга. — Что ты предлагаешь?

— У него на роже написано, что он извращенец. У меня руки чесались дать ему в рыло. Так, для профилактики.

— Ты брось свои пацанские замашки! А то влетишь когда-нибудь!.. И не вылетишь!

— Бить таких надо. Это не люди.

— Ну, заберём её с танцев — чем ребёнок будет заниматься? Ей развиваться надо. Прививать хороший вкус. Она — девочка. А танец — это искусство.

— Давай отдадим в секцию. Хоть на плавание, что ли.

— Ага... Они там вообще в купальниках. А если тренер массаж ей будет делать?.. Как ты к этому отнесёшься?.. Я хочу посмотреть на тебя, когда твоя дочь скажет, что ей на тренировке массировали бёдра и ягодицы.

Табунцов заметно бледнеет:

— Куда деваться от этих выроdkов?!..

— Ну? И чем ей прикажешь заниматься?

— Ничем. Пусть дома сидит и уроки учит.

— Давай уж сразу в монастырь!

Раздражённые родители на минуту замолкают, отвернувшись друг от друга.

— Знаешь, — играя желваками, наконец говорит Табунцов. — Я тут в Интернете заходил на эти сайты... Мне реально захотелось взять автомат.

— Не заходи куда не надо.

— Мы живём в чужом мире, понимаешь? Этот мир не для нас. Он для извращенцев. Для них все условия. Поэтому и плодятся, как тараканы.

— Возьми, возьми автомат... давай!

— Это целая армия. Они вербуют наёмников. Их становится всё больше. И танцор этот — их легионер.

— У тебя точно с головой...

— Не дай Бог тронет мою дочь... Я разорву его... разнесу всю школу!
— Я зачем ребёнка в гимназию отдавала?! Зачем водим в такую даль?! Зачем, я тебя спрашиваю?!.. На танцы чтобы отдать её!.. устроить в этот «Эдельвейс»!.. Туда ещё не каждого берут! Месяц не походила — уже забираем?!
— Лучше перестраховаться.
— Ты сам-то понимаешь, что это идиотизм?..
— Я тебя предупредил.

Из сообщений средств массовой информации:

«В посёлке И. отчим изнасиловал свою малолетнюю дочь».

Вторник, 2 октября 2012 года. 11 часов 40 минут

— Андрей Васильевич, можно к вам? — в кабинет информатики заглядывает Ольга Борисовна, преподаватель русского языка и литературы.

Рузавин в своём компьютерном — один. Сидит за столом и заполняет журнал группы, бывшей у него на прошедшей паре. Услышав голос, чуть вздрагивает от неожиданности и поднимает голову.

— Да, да, пожалуйста. Прошу.

Ольга Борисовна, приятная шатенка с хорошей фигурой, входит в аудиторию. Через пару шагов останавливается и виновато улыбается Рузавину.

— Андрей Васильевич, дорогой вы мой, выручайте.

Рузавин дотрагивается до очков.

— В каком плане? — он чуть растерян. — Да вы проходите.

Она проходит.

— Присаживайтесь.

Она садится на краешек стула.

— Слушаю вас.

— Я не отвлекла?

— Нет. Журнальчик заполняю. Свободная пара.

Ольга Борисовна делает расстроенное лицо.

— Вы знаете, я полный чайник в компьютере. Но учиться же надо. Мы ведь не только учим, но и сами постоянно учимся чему-то... Купила ноутбук недавно. Ну, так... документацию оформлять, и не только. Потихонечку знакомлюсь. Процесс идёт, так сказать. Но вот вчера вечером, видимо, куда-то не туда нажала, и исчезла эта панелька... ну, где полужирный, курсив, интервалы. Линии всякие... вот всё это дело исчезло. Раз! — и не знаю, куда подевалось. А без этого, сами понимаете, ни напечатать, ни схему, ни таблицу, ничего. Куда нажала, сама не поняла.

— Давайте посмотрю.

— Правда?... Вот спасибо. А прямо сейчас сможете?

— Конечно. Бук где?

— У меня в кабинете. Сейчас принесу.

Она поднимается и выходит из класса.

Рузавин тоже встаёт, подходит к окну, опять трогает очки, снимает их, теребит в руках, надевает, ходит от окна к двери и обратно, снова садится. Через минуту входит Ольга Борисовна.

— Вот.

Рузавин раскрывает ноутбук, включает питание.

— Сейчас посмотрим, что у вас тут...— заходит в Word.

— Вот видите...— она указывает изящным накрашенным ногтем на отсутствие нужных знаков в третьей верхней строке.

Рузавин щёлкает мышкой.

— Всё.

— Так просто?

— Ну, в сущности, да.

— Для того, кто знает. А для меня... тёмный лес.

— Ничего, научитесь. Может, ещё что-то где-то?..

— Вроде нет... Спасибо большое. Извините, что беспокою по таким пустякам.

— Ничего. Обращайтесь.

Ноутбук играет отключение, и Рузавин складывает его.

Ольга Борисовна благодарно улыбается и, аккуратно взяв свою вещь, направляется к двери. Андрей Васильевич от волнения даже приподнимается со стула.

— Ольга Борисовна!

— Да?— останавливается она.

— У вас сейчас пара?

— Да.

— Теперь у меня к вам просьба.

— У вас?

— У меня...— в его голосе слышится некоторое напряжение.— Парочка минут свободного времени у вас найдётся?.. не больше.

Ольга Борисовна, не ожидавшая встречной просьбы, на мгновение задумывается.

— Хорошо... Мои сочинение пишут.

Рузавин подходит к ней, отчего она внутренне напрягается.

— Ольга Борисовна... Только не удивляйтесь моей просьбе, она будет... наверное, неожиданная.

— Постараюсь,— осторожно обещает Ольга Борисовна.

— Дело в том,— начинает Рузавин,— что я... как бы это сказать?.. решил взяться за себя. В смысле здоровья.

— Похвально. Это ещё никогда и никому не мешало.

— Лишний вес, так сказать, он никого не красит... я себя имею в виду. А у нас в общежитии, где я живу... я в общежитии живу после развода...

— Я в курсе.

— Вот. В общаге у нас, в подвале, оборудовали спортзал. Тренажёры поставили, штанги, гантели разные... Вот, хочу походить туда, по-заниматься.

Рузавин замолкает, внимательно следя за движением мысли в глазах собеседницы.

—Хочу туда ходить,— повторяет он.

—Очень хорошо. А в чём проблема?

Рузавин снимает очки и, протерев стёкла, снова надевает их.

—Проблема в том, Ольга Борисовна, что мне нужен партнёр по занятиям. Очень нужен. Сам я несобранный в этом плане и... в общем, нужен человек, который бы меня поддерживал, а я его... Вот.

—Так...— пытается сообразить Ольга Борисовна.—И этим партнёром вы предлагаете стать мне?

—Да.

Рузавину становится чуть легче оттого, что самое страшное уже сказано. Он даже слегка приободряется, видя женскую растерянность в её глазах.

—А почему я, Андрей Васильевич?

—Не знаю. Просто вы, и всё.

—Странно, Андрей Васильевич, странно.

—Нет, вы не подумайте, в этом нет ничего такого...

—Да я понимаю... и всё же... как-то оглоушили меня,— она не знает, что ответить.

—Студенты там занимаются в понедельник, среду и пятницу, а преподавательские дни — вторник, четверг, суббота. С шести до восьми вечера. Не обязательно два часа. Можно с полчаса — и уйти. А?... Как вы смотрите?..

—Даже не знаю,— никак не может принять решение Ольга Борисовна.

—Ну давайте разочек сходим. Понравится — пойдём ещё, нет — значит, всё.

—Вы считаете, что я толстая?

—Нет, нет! — испуганно машет руками Рузавин.— Да вы что!.. У вас прекрасная, замечательная фигура. Просто мне надо. Это надо мне. А вы... О!.. у вас всё в порядке.

—Ну, что с вами делать? — вздыхает Ольга Борисовна.— Принимаю предложение. Собственно, почему бы и нет? Тоже уж не девочка, надо следить за собой. Вы правы. Договорились.

—Спасибо,— вспотевший от волнения Рузавин расслабляется.— Вы далеко от нашей общаги живёте?

—Да не очень.

—Сегодня вторник...

—Нет, только не сегодня.

—Хорошо, а в четверг?

—В четверг давайте. Во сколько встречаемся?

—Ну, в шесть устроит?

—Вполне.

—Лады. В четверг, в шесть, в подвале.

—В подвале?

— Да. Это как спускаться в душ. Душ — справа двери, а в зал налево.
— Поняла... Ну, до встречи?.. — она доходит до дверей и останавливается. — Ещё раз спасибо за помощь.
— Не за что. Вам спасибо.

Она выходит. У него опускаются плечи. Ощущение после таких объяснений всегда одно: будто машину угля перетаскал.

ЗАМЕТКА В РАЙОННОЙ ГАЗЕТЕ
ГОРОДА М-СКА ПОД ЗАГОЛОВКОМ «ШОК!»

«В городе М-ске задержали педофила, сообщает следственное управление следственного комитета по К-скому краю. В пятницу, 21 сентября, в одном из районов частного сектора сексуальному насилию со стороны ранее судимого мужчины подверглась восьмилетняя девочка. „Мужчина увидел мальчика и девочку, возвращавшихся из школы. Схватив на руки ученицу второго класса, он затащил её в заброшенный сарай, где совершил в отношении девочки насильственные действия сексуального характера“, — рассказали в управлении. В районе был введён план перехвата, который позволил задержать злоумышленника в тот момент, когда он пытался выехать из города. Сейчас в отношении мужчины возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 132 УК РФ за совершение насильственных действий сексуального характера. Проводится комплекс следственных действий, направленных на установление всех обстоятельств произошедшего. Страшное преступление — повод задуматься для всех взрослых. Не оставляйте без внимания плачущих или кричащих детей. Это может спасти чьё-то здоровье или даже жизнь. Ведь вырвавшийся от педофила мальчик бежал домой за помощью, громко крича...»

СРЕДА, 3 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА. 12 ЧАСОВ 40 МИНУТ

Звенит звонок, отпускающий первоклашек гимназии по домам. Дети, натягивая на себя курточки, выходят из классов в коридор. Здесь их ждут мамы, бабушки, дедушки.

Быстренько одевает и уводит Леночку Рузавину её мать Евгения. Рядом, у соседней двери, ждёт своего ребёнка Лариса Табунцова. — Мама, я уже умею читать. Екатерина Анатольевна меня сегодня похвалила, — говорит Настя, пока мама застёгивает ей курточку. — А мы сейчас покушаем — и на танцы?..

Табунцова молча берёт дочь за руку, и они идут по коридору крыла, отведённого под младшую школу. У лестницы поворачивают налево и выходят в фойе. Вокруг галдят школьники. Впереди то и дело хлопает тяжёлая входная дверь, которую не придерживают бегающие туда-сюда ребяташки. Школьная перемена — маленький, отдельно взятый кошмар. Бедные учителя!..

Из танцевального класса выходит Александр Викторович Мяльдер. Он одет в долгополое чёрное пальто, затянутое поясом в талии,

и чёрную войлочную шляпу. Александр Викторович замыкает класс и идёт к выходу. Здесь он встречается с Настей Табунцовой и её мамой.

— Здравствуйте! — радостно улыбается ему Настя.

Так искренне радоваться встрече со знакомым взрослым может только ребёнок.

— Здравствуйте, — бодро откликается Александр Викторович.

Он приоткрывает дверь и галантно пропускает дам вперёд. Они втроём выходят на широкое крытое школьное крыльцо.

— Мы домой, кушать, — сообщает Настя педагогу.

— Вот и отлично. Покушаете, отдохнёте — и на занятия, — Александр Викторович торопливо отсчитывает каблуками ботинок семь бетонных ступенек и идёт по асфальту двора, ещё влажному от ночного дождя.

— Александр Викторович! — решается окликнуть его Табунцова.

Педагог останавливается и оборачивается.

— Подожди, доченька, меня здесь, — просит Настю мама.

Оставив дочь на крыльце, Лариса спускается и подходит к Мяльдеру.

— Я вас слушаю.

— Александр Викторович... — Табунцова немного смущена. — Я хотела сказать, что мы сегодня не придём на занятия.

— Почему?

— Да как вам сказать?..

— Понимаю. Заболели?

— Нет, не в этом дело, — Табунцова смущается ещё больше.

— Что-то случилось?

— Нет. Не случилось ничего. Просто... Александр Викторович, вы нас извините, но... мы решили забрать Настю из танцевальной студии.

— Вот как? — удивляется Мяльдер. — А причина?

— Причина?.. — Табунцова оглядывается на дочь, стоящую на прежнем месте. — Причина... Даже не знаю, как объяснить... Мы подумали, что рановато ей. Пусть попривыкнет к учебным нагрузкам. А танцевать потом.

— Может, вас испугали материальные обязательства, о которых я говорил вам? Но поверьте, они не так обременительны. Все эти сборы на костюмы, обувь не так часты, и они посильны, честное слово.

— Нет, не в этом дело.

— Тогда в чём?

Табунцова по-прежнему избегает глаз собеседника.

— Вообще-то муж хочет отдать Настю в спортивную секцию.

— В спортивную?

— Да.

— Если не секрет, в какую?

— Окончательно ещё не определились, — через паузу отвечает Табунцова.

— Понятно, — Александр Викторович, задумчиво сжав губы, сообщает. — Я спрашиваю, потому что у вашей девочки есть способности: она высокая, худенькая, гибкая, схватывает всё на лету. На мой взгляд, вы привели её именно туда, куда надо. Мне думается, что и Насте нравится танцевать.

— Да, ей нравится, — с готовностью подтверждает мать.

— У неё есть творческая фантазия. И вообще — она девочка для творчества. А спорт... спорт?... Не знаю.

Табунцова молчит, виновато глядя в сторону.

— Жаль... жаль... У Насти в самом деле способности.

— Да я согласна с вами, но... — у Табунцовой предательски ломается голос. — Но, к сожалению, я не смогла переубедить мужа.

Александр Викторович разводит руками:

— Ну, это дело семейное, я могу только советовать. Решение в любом случае принимают родители. Вы ходите к нам ещё слишком мало, чтобы делать категоричные выводы. Походите ещё с месяц, присмотритесь. Определитесь с видом спорта. Тогда другое дело. А так... в никуда — смысл?... Подумайте ещё.

— Хорошо, мы подумаем, — суетливо обещает Табунцова.

Из телевизионного шоу:

Ведущий: «Вечером девятнадцатого июля Юрий спустился с четвёртого этажа дома, в котором он проживает, во двор, чтобы увести малолетнего сына домой, но среди играющих детей его не обнаружил. Одна из девочек сказала обеспокоенному отцу, что какой-то дядя увёл мальчика в соседний подъезд. Юрий поспешил туда и, поднимаясь по лестнице вверх, увидел на одной из площадок дикую картину. Некий молодой человек совершал сексуальное надругательство над его шестилетним сыном. Будучи кандидатом в мастера спорта по боксу, Юрий нанёс насильнику несколько ударов, отчего тот, ударившись головой о бетонный пол, скончался на месте. Против Юрия возбуждено уголовное дело. Надеемся, что суд будет максимально объективным. Сегодня Юрий — гость нашей программы. Встречаем его...»

Зал аплодирует.

ЧЕТВЕРГ, 4 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА. 18 ЧАСОВ 20 МИНУТ

Тренажёрный зал общежития педколледжа.

Собственно, тренажёров здесь мало, в основном — свободные отягощения. Помещение — восемь метров в длину и четыре в ширину. Маленькое окошко на улицу вровень с тротуаром. Бетонный пол аккуратно застелен полосами тёмно-серого списанного паласа. На стене объявление: «Вход в спортивный зал только в носках или босиком». Стойка для жима штанги лёжа, стойка для приседаний, набор лёгких штанг с прямым и изогнутым грифом, гантели литые и разборные, велотренажёр, тренажёр «беговая дорожка» и, наконец,

универсальный тренажёр с двухсотфунтовым набором отягощений, на котором можно выполнять упражнения почти для всех групп мышц. Здесь же металлическая шведская стенка с перекладиной для подтягиваний, напольные весы для контроля за собственными успехами и старенький музыкальный центр: эмоциональная подзарядка — важный элемент занятий. Отопление в общежитии уже дали, поэтому в зале тепло. На стенах висят надёрганные из спортивных журналов плакаты с фотографиями мастеров бодибилдинга — мужчин и женщин.

Окошечко чуть приоткрыто, так как в зале занимаются несколько человек и воздух помещения пропитан испарениями разгорячённых физической работой тел. Трое мужчин и четверо женщин. На музыкальной волне звучит один из «эфэмов». Сегодня — преподавательский день. Ведёт занятие Олег Николаевич Ким, физрук колледжа, в прошлом спортсмен-тяжелоатлет.

Женщины, молодые педагоги, отдают предпочтение аэробным нагрузкам: беговая дорожка, упражнения на мышцы живота, талии и бёдер. Мужчины налегают на силовой тренинг.

Выжав лёжа последний, десятый, раз тридцатипятикилограммовую штангу, Рузавин с помощью Олега Николаевича, контролирующего новичков, аккуратно укладывает её на сёдла стоек. Глубоко дыша, поднимается на скамейке. Близоруким взглядом ищет и находит Ольгу Борисовну. В паре с другой женщиной она выполняет упражнение на пресс. Отдохнув пару минут, Андрей Васильевич по рекомендации тренера последовательно делает по подходу на мышцы ног, спины, плеч и рук.

— Несколько дней мышцы будут болеть, — говорит Рузавину Олег Николаевич в конце занятия. — Вы заставили их сегодня работать, и они отреагируют на непривычную нагрузку выбросом молочной кислоты. Это хорошая, спортивная боль, не пугайтесь её. Приходите по расписанию, даже если жжение в мышцах не прекратится, — так организм быстрее восстановится. Ну а на сегодня достаточно. Проверили свои силы — уже хорошо. На следующем занятии чуть снизим нагрузку, но выполним больше повторений... У вас близорукость? — Минус три.

— Конечно, лучше бег, плавание, лыжи и велосипед, но, как говорится, если очень хочется, то можно. Рекорды ставить не будем. Заниматься для удовольствия. Не перенапрягаться...

Ольга Борисовна, как новичок, тоже решает, что ей хватит. Остальные педагоги, имеющие большой стаж занятий, продолжают тужиться и потеть. Рузавин, задержавшись у дверей раздевалки вместе с Ольгой Борисовной, легко и непосредственно предлагает:

— Давайте я вас провожу. Уже темнеет.

— Светло ещё, Андрей Васильевич, — так же непосредственно отказывает Ольга Борисовна.

— И всё же, — настаивает Рузавин. — А вдруг на вас нападут? Я отобью. Видите, как накачался?

Он шуточно демонстрирует бицепс правой руки, который совершенно не разглядеть под солидным слоем жира. Ольга Борисовна смеётся:

— Ладно. Если вам скучно и нечего делать...

— Скучно и нечего, — с готовностью подтверждает Рузавин.

Она по-женски очень мило пожимает плечами:

— Хорошо.

— Я быстренько к себе, — радостно суетится Андрей Васильевич. — Оденусь и спущусь. Подожду вас на вахте... Без меня не уходите, — добавляет он, убегая.

— Хорошо, хорошо.

Она заходит в раздевалку и прикрывает за собой дверь...

До дома Ольги Борисовны около двадцати минут ходу. Они идут не торопясь.

— Как вам первое занятие? — спрашивает Рузавин.

— Главное, чтобы хватило моральных сил на следующие.

— Да-а, придётся бороться с ленью, а это серьёзный противник.

В затянувшейся паузе они шагают по угасающей желтизне октябрьских листьев. Последних листьев, осыпавшихся на тротуар.

— Спасибо, что вытащили меня. Я сама ни за что бы не догадалась. Да если бы и догадалась, то не нашла бы силы воли. Спасибо.

Они опять молчат.

— А у моей дочери послезавтра день рождения, — говорит Рузавин.

— Да?.. Поздравляю.

— Семь лет... В школу ходит... В гимназию... Первый «Б».

Ольга Борисовна просто кивает головой.

— Завтра подарок пойду выбирать. Как вы думаете, где лучше игрушку купить?

— Да их везде полно.

— Подскажите.

— Ну... на Ботанической. В центре. Бывший магазин «Кооператор», знаете?

— Конечно.

— Там специализированный отдел. Огромный выбор. Так и называется: «Детские игрушки». Да вы видели вывеску на улице.

— Отлично. Спасибо за совет.

Они какое-то время идут, говоря ни о чём и вместе с тем пытаются нащупать тему для более или менее продолжительного диалога.

— У вас ведь сын? — спрашивает Рузавин.

— Да.

— Большой мальчик?

— Двенадцать лет.

— Уже взрослый.

— Пока ещё нет.

— Дети быстро растут. Моя ещё недавно поперёк столика помещалась, а сейчас уже в школу ходит.

Они переходят на светофоре перекрёсток, идут по Рабочей улице и через квартал поворачивают направо. Здесь, среди частного сектора, гулливерами возвышаются несколько серых панельных пятиэтажек. Кое-где в окнах горит свет. Осенний вечер уже уверенно побеждает день. Огромные тополя стоят без листвы, протянув к октябрьскому небу голые ветви.

— Вам какие листья больше нравятся, — спрашивает Ольга Борисовна, — летние или осенние?

— В смысле? — не понимает Рузавин.

— Какие листья, на ваш взгляд, красивее: жёлтые или зелёные?

— Не знаю... Зелёные, наверное.

— Почему?

— Потому что живые.

— А мне нравятся жёлтые. Они ярче и привлекательнее.

— Может быть, — подумав, соглашается Рузавин.

— Странно... Стареющий человек, по сравнению с собой в молодости, становится морщинистым и безобразным, а умирающая листва, наоборот, пусть ненадолго, но хорошеет. Почему? Как вы считаете?

— Не знаю. Не думал об этом... Но наблюдение интересное.

— Ну вот и пришли, — останавливается Ольга Борисовна. — Я живу вон в том доме на втором этаже... Спасибо, что проводили.

— Приходите в спортзал.

— Обязательно. Всего доброго.

— До свидания... — у Рузавина вдруг начинает колотиться сердце. — Ольга Борисовна!..

Она останавливается и оглядывается:

— Да?..

— Ольга Борисовна... Пригласите меня к себе на чай.

— Что?.. — теряется она.

— На чай... — неуверенно повторяет он.

— Прямо сейчас?..

— Нет, конечно... я говорю — вообще.

— А почему вдруг такое неожиданное пожелание, Андрей Васильевич? Я чем-то спровоцировала его?

— Нет... Простите.

— Ну, согласитесь, я немножко удивлена.

— Ольга Борисовна... вы... мне... нравитесь... Вот что я хотел сказать.

Она смотрит в его испуганные собственной решимостью глаза и понимает, чего стоит Рузавину это признание. Отвечает не сразу, потому что подбирает слова:

— Знаете, Андрей Васильевич... это у вас... от одиночества.

ИЗ СООБЩЕНИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:

«Край захлестнула волна педофилии. С начала года пострадали от насильников семьдесят четыре ребёнка. Причём преступления становятся всё циничнее и страшнее. Люди сами выходят на охоту на педофилов. С точки зрения закона их действия, возможно, и выглядят немного сомнительными, но их можно понять...»

Пятница, 5 октября 2012 года. 11 часов 45 минут

День ясный, тёплый, солнечный. Первоклашки гимназии в своих разноцветных курточках высыпают на школьный двор. Кого-то встречают взрослые, а кто-то, посмелее, уже идёт домой самостоятельно.

Настя Табунцова, не встретив маму в коридоре, выходит на крыльцо. Не видит её и здесь. Такое случается впервые, и девочка обеспокоена. Она оглядывается по сторонам, выискивая глазами кого-нибудь из родителей. Хлопнув дверью, мимо проходит одноклассница Лиза Бондаренко.

— А я сама домой хожу, — чуточку хвастливо говорит она Насте.

Настя с завистью смотрит на самостоятельную Лизу, спускающуюся по ступенькам крыльца. На её не покрытой капюшоном голове при каждом шаге вниз подрагивает большой белый бант.

— А я тоже могу сама пойти, — говорит Настя вслед задаваке. — Если захочу.

Лизин бант, который только и виден из-за ранца на спине, гордо скрывается за углом гимназии. Настя в нерешительности стоит ещё минуту. Вдруг в портфеле звучат детские позывные. Настя торопливо вынимает телефон. Звонит мама.

— Доченька, уроки закончились?

— Да.

— Ты где?

— На крыльце стою.

— Моя хорошая, слушай внимательно. Я сейчас не могу подойти, ну, так получилось. Я позвонила папе, он в городе, сейчас отвезёт пассажира и заедет за тобой. Ему там недалеко. Это совсем недолго, доченька. Подожди папу на школьном дворе. Его машину ты знаешь. Никуда не уходи. Хорошо?

— Мама, а Лиза пошла домой одна.

— Какая Лиза?

— Бондаренко.

— И что дальше?

— Я тоже хочу.

— Не выдумывай. Ты ещё маленькая.

— Лизе ещё шесть лет, а она уже одна ходит. А мне семь. Mamочка, ну пожалуйста! Я ведь уже большая.

— Доча...

Вообще-то это выход. Ребёнок должен когда-то начинать ходить из школы самостоятельно. И когда-то это случится впервые. Почему бы не сейчас?

— Мама... — хнычет Настя, — я хочу пойти одна. Как Лиза. Я помню дорогу. Я уже всё знаю. Ты же сама говорила. Я взрослая. Я не заблужусь.

Мама Лариса нерешительно молчит в трубку.

— Дорогу хорошо помнишь?

— Хорошо! — радуется девочка обещающей маминой интонации. — Хорошо помню!

— Ладно, — строго сдаётся мама. — Иди той дорогой, которой мы всё время ходим. Которую показывали тебе. Никуда с неё не сворачивай. Я перезвоню папе. Поняла?..

— Поняла!.. — кричит в трубку счастливая Настя. — Ну всё, я пошла. Пока.

— Положи телефон в карман курточки, слышишь?.. Сразу отвечай на звонок. Всё, пока...

Настя прячет телефон в карман курточки и сбегает со школьного крыльца. Она проходит мимо стоящих во дворе девочки и её родителей. Девочку Настя знает, она учится в параллельном классе. Папа и мама этой девочки о чём-то раздражённо говорят друг с другом.

Конечно, Настя прекрасно помнит дорогу. Закинув ранец на плечи, она уверенно шагает по переулку вдоль ограды школы № 11, мимо продуктового магазина «Визит», длинной жёлтой пятиэтажки и, наконец, выходит на Ботаническую, к знакомому пешеходному переходу.

Когда они возвращаются из школы с мамой, то мама, держа за руку Настю, смело подходит к «зебре». Водители тут же тормозят и пропускают. Сейчас Настя не доходит до края тротуара и останавливается от первой белой полосы в нескольких шагах. То ли водителям непонятны намерения ребёнка, то ли они просто делают вид, что не понимают... Автомобильное движение продолжается.

Настя стоит пару минут, не зная, как поступить. Решив позвонить маме, она уже нащупывает телефон в кармане курточки, как вдруг позади, совсем рядом, слышит мужской голос:

— Тебе на ту сторону, девочка?..

Настя от неожиданности вздрагивает и оглядывается. В шаге от неё стоит взрослый дядя. Он смотрит на девочку и ласково улыбается ей.

Пятница, 5 октября 2012 года. 11 часов 40 минут

Андрей Рузавин ждёт свою дочь у дверей класса. До звонка Евгения так и не появляется. Леночка выходит в коридор, держа портфель в одной руке, курточку в другой.

— Папа!.. — радостно сверкает глазками ребёнок.

— Здравствуй, моя Ленточка... Давай я подержу.

Он берёт курточку и помогает девочке одеться.

— А где мама?— спрашивает дочь.

— Не знаю, я её ещё не видел. Она обещала тебя встретить?

— Да. Обещала.

— Значит, придёт сейчас. Мне тоже нужно её увидеть.

— Зачем?

— Поговорить.

Леночка надевает ранец на плечи, берёт папу за руку, и они дружно идут по коридору.

— У тебя ведь завтра день рождения?— немного загадочно спрашивает отец.

Девочка счастливо улыбается белой полоской только-только проклюнувшегося верхнего резца.

— Да, день рождения...— говорит она, и Рузавин вспоминает, что для него самого значил этот праздник в далёком детстве. Самый сладкий и долгожданный праздник в году.— А что ты мне подаришь?

— Завтра сама увидишь.

— Игрушку и мультики?

— Увидишь.

— Ты уже купил подарок?

— Нет ещё. Сейчас пойду покупать.

Они выходят на бетонный квадрат школьного крыльца.

— Где будем ждать маму?— спрашивает Леночка.

— Пойдём на солнышко. Сегодня утро такое тёплое. Последние тёплые деньки.

— А потом?

— А потом?... Потом дожди, холод и зима.

Они спускаются по ступенькам, всё так же за ручку, и выходят на солнечный участок двора. Тут появляется Евгения. Она не слишком рада Рузавину и особенно не скрывает этого. Подходит к дочери, берёт её за руку и решительно отрывает ребёнка от отца. Леночка обиженно опускает уголки губ.

— Когда это закончится?— хмуро спрашивает Евгения бывшего мужа.

— Никогда. Она моя дочь, и я имею право её видеть.

— А у меня есть право не видеть тебя.

— Перестань... при ребёнке.

— Что тебе нужно?

— У неё завтра день рождения.

— Ну?

— Я хочу прийти.

— Куда?

— На её праздник.

— К нам, что ли?

— А к кому ещё?

— Ты больше ничего не мог придумать? Давай ещё Серёга приведёт свою бывшую, и будем как дружная шведская семья.

— Глупостей не городи.

— Мне не надо высоких отношений. И видеть тебя в своей семье я не хочу!.. — она перевела дух. — Это просто ни к чему, Андрей. Не обижайся.

— Но у моей дочери день рождения.

— Мама... — дрожит губками девочка.

Мимо проходит школьница из малолеток. Она стояла на крыльце, говорила по телефону, видимо, ждала провожатого, не дождалась и теперь идёт одна. В возникшей напряжённой паузе внимание Рузавина почему-то цепляется за розовый бант этой девочки. Красивый розовый бант с серебристой каймой. Рузавин провожает взглядом этот бант. Провожает просто так, из необходимости спрятать куда-то глаза. — Хорошо. Давай сделаем так, — идёт на компромисс Евгения. — Ты можешь взять её завтра после четырёх, часика на два, на три. К себе, в общежитие. Попьёте там чая, побудешь с ребёнком. Потом приведёшь обратно. Устраивает?

— А тебя?

— Ты — отец.

— Ладно. Завтра в четыре захожу.

— Чкалова, двенадцать, квартира семьдесят пять. Второй дом от фонтана, на этой же стороне.

— Папа, ты придёшь? — чуть не плача спрашивает дочь.

— Конечно, конечно, — успокаивает её отец. — Жди меня завтра. А сейчас я за подарком... Чкалова, двенадцать, семьдесят пять... от фонтана второй, я запомнил.

Евгения ведёт ребёнка домой. Девочка несколько раз оглядывается. Отец смотрит ей вслед.

— Папа, ты придёшь? — почти выкрикивает Леночка, едва поспевая за быстро идущей матерью.

— Приду обязательно! — машет рукой Рузавин.

В последний раз Леночка оглядывается перед тем, как скрыться с мамой за серым углом панельного дома.

Рузавину нужно на Ботаническую, в магазин детских игрушек. Где-то там же можно взять мультфильмы на диске. Вообще-то ему почти по пути с бывшей женой и дочерью, но они повернули налево и пошли к перекрёстку Чкалова — Ботаническая другой дорогой.

Андрей Васильевич выходит за пределы двора гимназии, идёт по проулку вдоль ограды одиннадцатой школы, мимо продуктового магазина «Визит», жёлтой пятиэтажки, и вот он уже на Ботанической. «Детские игрушки» на той стороне, где от сквера с фонтаном начинаются ряды магазинов — главные торговые точки города.

Подходя к пешеходному переходу, Рузавин видит здесь маленькую школьницу. Она явно собирается переходить дорогу, но боится

приблизиться к «зебре». Фыркающие равнодушные автомобили не хотят замечать стоящего в растерянности ребёнка.

Андрей Васильевич узнаёт эту девочку. Узнаёт по розовому банту с серебристой каймой. Это она стояла на крыльце гимназии, а потом прошла мимо нервно беседующей четы Рузавиных. Девочка учится, как и его Лена, в гимназии. Высокая, наверное, класс второй, может, третий, но всё равно ещё совсем крошка. Рузавин решает помочь ей.

— Тебе на ту сторону, девочка?

Настя Табунцова оглядывается.

— Почему ты не переходишь?— спрашивает взрослый, глядя в доверчивые глаза ребёнка.

— Машины не останавливаются.

— Давай ручку...— он протягивает ей открытую ладонь.

Маленькая Настя медлит.

— Не бойся, я хороший дядя.

Она несмело берёт незнакомого взрослого за руку, и он ведёт её через дорогу.

— А я знаю, ты в гимназии учишься.

— Да, в гимназии.

— Во втором классе?

— В первом.

— В первом?— удивляется Рузавин.— А мою дочку ты знаешь? Её зовут Лена. Лена Рузавина.

— Нет у нас такой девочки.

— Ты в первом «Б»?

— Нет. В первом «А».

— Ну, тогда понятно. А Лена в «Б».

— Я ещё не знаю других девочек.

Они перешли улицу. Не выпуская руки ребёнка, Рузавин останавливается.

— Почему ты идёшь одна? Опасно через дорогу. Подрасти маленько. Кто встречает тебя— бабушка?... мама?..

— Мама, но она сейчас не может. Она разрешила мне одной.

— Давай я тебя провожу,— предлагает Рузавин.— Ты где живёшь?

— Там,— взмахивает рукой Настя.

— Ну, давай вместе. До твоего дома. Мне не трудно, правда. Договорились?..

— Договорились,— соглашается девочка.

Тут в кармане её курточки начинает мурлыкать телефон.

— Алло, папа!..— радостно восклицает ребёнок в трубку.

Пятница, 5 октября 2012 года. 12 часов 00 минут

— Ты зачем отпустила её одну?— Табунцов, разговаривая по телефону, одной рукой управляет машиной.— Ну и что, что просила?.. Не такая

уж и большая... Постояла бы у школы, ничего бы не случилось... Пока не могу, у меня пассажир... Хорошо, пусть теперь ждёт у подъезда... Открою ей, да... Минут через пятнадцать... Не надо, я сам ей позволю... Где она сейчас примерно?... У Ботанической... Звоню уже, не переживай... Ладно, всё: отпустила — отпустила... Давай...

Держа вниманием дорогу, он набирает дочь.

— Алло, папа! — звенит в трубке родной голосок.

— Привет, Настюха. Ты где?

— А?... Что ты говоришь?..

Отец тоже плохо слышит ребёнка из-за сильного фонового шума на том конце связи.

— Где ты, спрашиваю? — повышает голос Табунцов.

— Мы перешли дорогу.

— Кто — мы?

— Меня провожает дядя.

— Какой дядя?

— Не знаю. Он сказал, что он хороший дядя.

У Табунцова напрягается рука, держащая руль.

— Настя, скажи мне, кто этот дядя?

— Я не знаю.

— Куда вы идёте?

— Домой.

— Куда — домой? — срывается на крик отец. — К нему?!..

— Что? — не понимает дочь. — Папа, я не слышу, тут машины.

— Настя!.. Алло!.. Ты меня слышишь?.. Никуда не ходи с этим дядей!.. Никуда! Стой там, где стоишь! Я найду тебя! Я сейчас!..

— Что? — пищит дочка в трубке. — Что?... Не слышу.

Длинное жилистое тело Владимира Табунцова заливают горячая волна, ударяет в голову и выходит наружу обильной испариной. Рубаха на спине вмиг становится мокрой и прилипает к телу. В следующую секунду Табунцов едва успевает затормозить в нескольких сантиметрах от заднего бампера пережидающей на перекрёстке светофор чёрной «ауди». Такси встряхивает, и пассажира на заднем сиденье бросает вперёд.

— Аккуратней, командир...

Водитель не слышит. Ни секунды не раздумывая перед красным глазом светофора, он чуть сдаёт назад, рвёт руль влево и огибает «ауди». Не обращая внимания на возмущённо гудящую шоферню, вклинивается в движущийся поток направо. На дороге создаётся аварийная ситуация.

— Э!.. э!.. э!.. мы куда?.. — нервничает пассажир на заднем сиденье.

Не отвечая, водитель яростно гонит машину, опасно маневрируя. Ещё квартал — и Ботаническая. На том перекрёстке горит зелёный. Такси Табунцова, не снижая скорости, жалобно взвизгивает резиной на повороте. Пассажир в салоне испуганно хватается за сиденье.

Впереди, метрах в трёхстах, уже тот самый пешеходный переход... наконец-то... Настя точно где-то здесь, если он не успел увести ребёнка во дворы... это — дорога домой... она здесь, здесь... где же она?... где?..

Табунцов сбрасывает скорость и, прижав машину к правому краю дороги, медленно движется вдоль тротуара, въедаясь глазами в идущих прохожих... — судорожно ищет своего ребёнка... и вот он их увидел!.. да, он видит их!!.. вот они... вот!!!.. Настю ведёт за руку невысокий плотный мужчина в очках. Он что-то говорит ей, она слушает. Что он говорит?.. куда ведёт?.. — не возникает ни тени сомнения. Кровь закипает в жилах взбешённого отца. Поравнявшись с ними, он останавливается тут же, на дороге. Одной рукой распахивает дверцу, второй хватает что-то холодное, лежащее под рукой, и клубком оголённых нервов вываливается из машины. Он напоминает хищника, давно поджидавшего добычу и теперь сделавшего первый шаг в начавшейся охоте.

Споткнувшись о бетонный бордюр, Владимир Табунцов перепрыгивает железную оградку, отделяющую проезжую часть от брусчатки тротуара и, расталкивая прохожих, широкими шагами длинных ног бросается вслед за человеком, уводящим его дочь.

Он помнит только затылок этого человека и то, как беспомощно упали вперёд очки, брызнув разбитым стеклом на камни брусчатки. Дальше — темнота... Сознание блуждает в этой тьме... Блуждает совсем недолго, может, долю секунды... и возвращается... Табунцов стоит, жарко дыша... В руке — тяжёлый разводной ключ... Мужчина с разбитой головой лежит у его ног, не двигаясь... С глаз Владимира Табунцова спадает пелена... Он осматривается по сторонам... Кругом бледные, испуганные лица остановившихся прохожих... В ушах надрывно звенит, он ничего не слышит из-за этого звона... Не слышит плача дочери, видит только её искажённый вздрагивающий рот и переполненные слезами детские глаза... Отбрасывает ключ в сторону и, шатаясь, словно смертельно уставший, подходит к Насте...

опускается на колени...

жадно обнимает ребёнка...

прижимает к своему разгорячённому телу...

отпускает дочь...

садится на камни брусчатки...

в отчаянии обхватывает голову руками...

всё...

Из сообщений средств массовой информации:

«...погибнут миллиарды людей. Поверхность Земли превратится в ад. Наша цивилизация подходит к роковой черте. Когда наступит судный день для человечества — через тысячу лет или уже завтра — не может сказать никто...»

СРЕДА, 21 НОЯБРЯ 2012 ГОДА. 21 ЧАС 21 МИН

За несколько тысяч километров от города М-ска сорокадевятилетний житель одного из мегаполисов, уверовавший в скорый конец света и не видящий пути собственного спасения, решает, что грядущая катастрофа освобождает его от соблюдения Божеских заповедей и человеческих законов. Он берёт свой самозарядный охотничий карабин, предназначенный для охоты на среднего и крупного зверя, отсчитывает двадцать патронов, двадцать первый — для себя, кладёт в карман и выходит на улицу...

Александр Дудин

Там, на Чёрной реке

К 100-летию Гражданской войны в России

Солнце стояло ещё высоко, но уже чувствовалось приближение ночи. В воздух поднялось призрачное марево, которое парило над высокой травой, разнося повсюду терпкий запах цветов. Тонкими, чуть видимыми столбиками кружилась комариная карусель. Это живое подобие смерча то и дело догоняло идущих путников, облепляя лицо и руки, и негде было укрыться от этого назойливого кровопьющего гнуса. Неопределённость угнетала мысли путников, которые совсем отчаялись и не знали, дойдут ли до своей цели или сгинут среди этой суровой тайги, полной жизни и полной смертельной опасности. Третий день был на исходе. Сколько их ещё впереди — не знал никто.

Путников было трое. Заросшие густой щетиной лица шелушились, опалённые жарким солнцем. У двоих одежда, отдалённо напоминавшая военную амуницию, выцвела и отдавала белизной, поблёскивая чуть видимыми кристалликами соли. У каждого за плечами было по довольно вместительному мешку, перетянутому кожаными сыромятными ремнями, а короткоствольные казацкии карабины и широкие ножи, висевшие на поясе, придавали путешественникам воинственный вид.

Дойдя до высокой разлапистой ели, стоявшей на краю густого чёрного леса, они сбросили на землю поклажу и устало повалились в траву, не в силах продолжать свой путь.

Стойкий, средних лет человек тихим, скрипучим от жажды голосом прохрипел:

— Чёртова жара... Как назло, ни одной посуды нет, тащимся, словно верблюды по безводью. Хоть бы в болоте каком напиться...

— И то правда,— прошипел рыжебородый детина, расплывшись в лукавой улыбке.— Бывало, пашенку боронишь, пройдёшь полосочку — рубаху хоть выжимай. Водицы бы испить... Ан нет... Попьёшь разок, разохотишься и будешь потом весь день хлебать.

— Полноте юродствовать, ротмистр. Папаша ваш, помещик, сам что ли, земельку пахал? Сидел, небось, в гостиной с рюмочкой шустовского да барыши подсчитывал. Земли-то сколько имел, Бог ты мой! А какой дом в Первопрестольной!

— Ан нет, Николай Валерьевич, я и пашенку пробовал попахать, и сена покосил вдоволь. Любопытство, знаете ли, юношеское. Хотелось самому вкусить солёного крестьянского хлебушка.

— Господа! — вздрогнув, прошептал самый юный из них. — Там, за кустами, кто-то есть!

Все насторожились. Через мгновение рыжебородый рассмеялся и ловко бросил палку в стоявшие неподалёку кусты. Из густого смо-родника вылетела небольшая сова и, испуганно хлопая крыльями, скрылась за ближайшими деревьями.

Все рассмеялись, и этот громкий смех эхом прокатился по дикому лесу.

I.

Преследователи

Всю ночь накрапывал мелкий дождик. Он шёл уже несколько часов, но так и не смог напоить влагой землю, иссушенную палящим двух-недельным зноем. Село дремало в предраассветной мгле, не думая просыпаться, хоть и прокричали уже хриплым тенором петухи. Безмятежный сон жителей прервал дробный перестук конских копыт. На центральную улицу влетел всадник и промчался, разбрасывая в стороны шматки сырой глины. Он остановился у большого, с резными ставнями, дома и нервно забарабанил нагайкой в окно.

— Товарищ Воронцов! Товарищ Воронцов!

В окно выглянуло взлохмаченное небритое лицо, затем исчезло, и через мгновение окно открылось.

— Чё те надо? — прогнусавил невысокого роста коренастый мужик, часто моргая заспанными глазами.

— Воронцова давай! Живо, мать твою, — закричал всадник, разма-хивая нагайкой.

Человек отпрянул от окна.

На крыльцо вышел командир отряда особого назначения Воронцов, на ходу заправляя под ремень линияющую гимнастёрку.

— Чего раскричались?

— Товарищ командир! От Петровича я. Мальчонка прискакал из Раздольного. Белые там нынче заночевали, человек двести конных. Неровён час, сюда двинут. Уходить вам надо.

Воронцов перекинул через плечо деревянную кобуру с маузером. — Сенька! Быстро всех сюда, — и, увидев, что тот замешкался, при-крикнул: — Шевелись же, ядрёна вошь!

Сенька с разбегу сиганул через плетень и помчался к соседнему дому. Через несколько минут все были в сборе. Красноармейцы вхо-дили в «апартаменты» командира, на ходу занимаясь своими делами: кто застёгивал пуговицы и поправлял гимнастёрку, кто приглаживал взъерошенные после сна волосы.

Воронцов осмотрел всех укоряющим взглядом и встал.

— В Раздольном белые, — сказал он надтреснутым от волнения го-лосом. — Сами знаете, бой принять мы не можем, надо уходить. Имеются два предложения. Первое — идти через тайгу до перевала

Сары́ч, а там свернуть на Березняки. В Березняках стоит наш полк. Второе — загрузиться на баржу и сплавиться по Чёрной к Каменску. Это всё. Какие будут соображения?

Первым встал пожилой седоволосый мужчина с пышными, закрученными сверху усами:

— Через тайгу никак нельзя, догонят. Да и наверняка больше их будет, чем нас, к тому же на лошадях. На барже лучше будет; однако вода нынче здорово упала, не застрять бы в порогах.

Красноармейцы, до сих пор молчавшие, начали высказывать свои мнения, громко перебивая друг друга. Голоса их слились в невообразимый гвалт, в котором ничего невозможно было разобрать.

— Да тише вы! — возмущённо прокричал Воронцов.

Все замолчали.

— Решено. Грузимся на баржу — и точка. Погрузку начать немедленно. На всё даю вам не более получаса. Не дай Бог — насыдут.

Все встали и, торопясь, вывалили на улицу. Погрузка началась. По широким сходам на баржу завели лошадей, запряжённых в телеги, на которых валом лежали мешки с провиантом, скатки шинелей, оружие и брезентовые сумки, опломбированные тяжёлыми свинцовыми пломбами. В сумках находился валютный запас небольшого коммерческого банка, реквизируемый уездным ревкомом. На телегах сидели красноармейцы, держа наизготовку трёхлинейки. Группа охраны состояла из двенадцати человек и была вооружена до зубов: каждый боец имел винтовку, три-четыре гранаты. На второй телеге стоял станковый пулемёт, ощерив своё чёрное, несущее смерть дуло.

Колчаковцы наступали. В уездный комитет пришла срочная телеграмма комиссариата финансов, предписывающая экстренно эвакуировать деньги и золотой запас, хранящийся в городском банке. Близлежащая железнодорожная станция уже была занята белыми, и красноармейское командование приняло решение отправить ценный груз подальше от фронтовой полосы под охраной небольшого вооружённого отряда. Основные силы красных приготовились к защите уездного центра.

Рано утром отряд особого назначения двинулся в глубь тайги, а к вечеру того же дня колчаковцы взяли Раздольный. В погоню за беглецами был послан хорошо вооружённый конный отряд.

Всего через четверть часа после того, как баржа, гружённая красноармейцами, отошла от причала, в деревню влетели всадники. Наспех расспросив местных жителей, они бойким аллюром понеслись вдоль заросшего тальником берега. Не прошло и часа, как беглецы были настигнуты. Баржа медленно двигалась вдоль противоположного берега реки. Каких-нибудь триста метров отделяло её от преследователей. Попытки приблизиться к барже вплавь не приносили успеха. Лишь только казаки направляли своих лошадей ближе к воде, красные открывали шквальный огонь, заставляя противника отказаться

от этой дерзкой затеи. Весь день конники двигались вдоль берега, не пытаясь предпринимать более решительных действий.

К вечеру, утомлённые длинным переходом, преследователи остановились на привал.

— Спешиться, — раздалась долгожданная команда, и люди, измождённые долгой дорогой, сваливались с коней, медленно прохаживаясь, разминая затёкшие конечности.

Штабс-капитан Дорожинский, командир отряда, всё ещё сидел на своём сером от пыли коне и следил в бинокль за медленно удаляющейся баржей. Казаки разбрелись по берегу, занимаясь каждый своим делом. Одни, стоя по пояс в воде, смывали с лошадей дорожную грязь, другие — разводили костёр. Некоторые лежали, не в силах преодолеть усталость.

Штабс-капитан остановился возле невысокой раскидистой сосны, перед которой на упавшем дереве сидел ротмистр Потапов, слез с коня и достал из потёртой кожаной сумки карту.

— Что будем делать, Андрей Игнатьевич? Этак можно и упустить, а время не терпит. До Каменска вёрст сто, а там — красные.

Ротмистр не ответил. Он безучастным взглядом смотрел куда-то в надвигающуюся темень, жадно курил, со свистом выдыхая ароматный табачный дым, и постукивал гибким ивовым прутиком по голенищу сапога. Через некоторое время ротмистр бросил папиросу, придавив её каблуком, и стал медленно ходить взад-вперёд, думая о чём-то своём.

— Не маячьте, Потапов! Поберегите нервы, они вам ещё пригодятся. Ложитесь-ка лучше да вздремните часок-другой. С рассветом двинемся.

Ротмистр с остервенением сломал прут и швырнул обломки на остывающий прибрежный песок.

— Чёрт бы их подрал. Успей на полчаса раньше — всех бы взяли, прямо в тёплых постельках. А теперь...

Но Дорожинский его уже не слышал, он спал, привалившись к тёплому стволу дерева. Ротмистр подошёл к казакам и, сев у затухающего костра, стал сгребать в кучу полуистлевшие головешки. Снопы ярких искр рванулись к чёрному небу и смешались со звёздами, рассыпавшимися по всему небосклону. Костёр разгорелся с новой силой. Казаки похрапывали, развалившись у тлеющих кострищ. Усталость свалила их, и, казалось, нет на всём белом свете силы, которая смогла бы поднять этих людей и двинуть дальше.

За спиной ротмистра кто-то зашевелился. Потапов оглянулся. Из-под короткой казацкой шинели на него глядели немигающие глаза, в которых сквозило чисто детское любопытство.

— Что, Лёша, не спится? — промолвил он с нежностью в голосе и потрепал юношу по вихрастой голове.

— Не спится, Андрей Игнатьевич, что-то беспокойно на душе. Всё думается о доме, об отце и маме.

— Спи, Лёшенька, спи, всё будет хорошо. Тебя всегда будут ждать: сейчас родители, потом — любимая женщина, а для меня всё это ушло безвозвратно. Гол как сокол: ни родных, ни близких.

Ротмистр тяжело вздохнул и отвернулся. Юноша укрылся с головой шинелью и мирно засопел, предавшись мечтательному детскому сну. Потапов ещё раз пошевелил угли костра, бросил в него несколько сухих веток и при свете вспыхнувшего пламени принялся чертить на песке какие-то замысловатые фигуры. Он то перечёркивал их, разравнивая песок подошвой сапога, то принимался чертить снова.

Неподалёку зафыркали лошади, рядом с которыми виднелся чёрный силуэт часового. Ротмистра осенила мысль. Он резко поднялся и направился к казаку, охраняющему тихий сон уставших однополчан. — Послушайте, Вавилов. Ведь вы, кажется, из местных? — обратился он к часовому.

— Так точно, ваше благородие, — ответил тот, вытянувшись во фрунт. — Здесь рукой подать — вёрст тридцать, не более.

— А что, любезный, можем мы обогнать большевичков? Здесь ведь, кажется, неподалёку пороги на реке?

Казаки, задумавшись на минуту, ответили:

— Через тайгу часа три пути. Место болотистое, но я края эти хорошо знаю, охотничали здесь с дядькой, соболька промышляли, белку. Провести могу, только вот с лошадьми не пробраться: уж больно буреломов много да трясына местами. Баржа-то до порогов не раньше обеда доплывёт, уж больно река извилистая в этих местах.

Ротмистр одобрительно похлопал часового по плечу и ушёл, довольный своей находчивостью. Как только забрезжил рассвет, он разбудил штабс-капитана и рассказал о своём плане.

2.

Лёша Паничев

В двухэтажном особняке, стоящем на самой широкой в городе улице, весь вечер царило веселье. Виновником торжества был Лёша Паничев, сын местного золотопромышленника, только что окончивший гимназию. Молодые люди, одетые в строгие чёрные костюмы, с юношеской лихостью приглашали дам и подолгу кружили с ними по залу. Вальсы и мазурки сменяли друг друга, то увеличивая, то уменьшая темп грациозного кружения юных партнёров. Весь вечер громко играла музыка, гулко взрывались бутылки шампанского под взвизгивание нарочитого девичьего испуга. Лёша стоял в стороне и смотрел на всё это безучастным взглядом. Он был человеком сдержанным, хотя время от времени глаза и еле заметная улыбка выдавали его прекрасное настроение. Радость переполняла его через край, и всё в этой жизни казалось изумительным, а мечты, которыми всегда наполнены мальчишеские сердца, приобретали всё более явственные очертания.

Отец Алексея хоть и вынужден был уехать по неотложным делам, всё же успел организовать празднество наилучшим образом. Это было первое, после многолетнего траура, настоящее семейное торжество. Старший брат Алёши — Константин, любимец семейства, — был убит на германском фронте, и после этого все праздники Паничевы встречали скромно, не приглашая гостей. Лёша, как самый младший в семье, был всеобщим любимцем, хоть и не слыл баловнем. От своего отца он унаследовал все самые лучшие качества: аккуратность, бережливость, добродушие, — и всегда ставился в пример своим одноклассникам.

Быстро пролетали дни. Алексей стал студентом университета, но грянули революции, пронёсшиеся губительным смерчем по человеческим судьбам, и молодой человек вынужден был вернуться домой, навсегда распрощавшись с надеждой стать дипломированным юристом. В родном городе для него не нашлось достойного занятия, и юноша предавался праздности и ничегонеделанью, изредка вспоминая об учебниках, всё ещё надеясь когда-нибудь продолжить учёбу.

Ещё один день начался как обычно, не предвещая ничего особенного. Но неожиданно события развернулись с такой стремительностью, словно какая-то сверхъестественная сила собрала, соединила в этом дне самые скверные понятия о жизни.

Красные, стоявшие в городе, реквизировали банковские счета и вклады, большую долю которых составляли капиталы Паничева-старшего. Алексей, узнав об этом, пришёл в уком выяснить обстоятельства этого дела. Он довольно долго просидел в приёмной председателя совдепа, в кабинете которого шло совещание, и с нетерпением поглядывал на часы, не решаясь заговорить с высокомерной, внушительного вида секретаршей. Та сидела, насупив брови, и двумя пальцами неуклюже стучала по клавишам выдавшей виды печатной машинки. Через некоторое время из председательского кабинета вышел представительный мужчина, затянутый в кожаную куртку. Алексей догнал его в коридоре и, представившись, спросил: — Извините, гражданин! Я здесь по делу, не терпящему отлагательств. Меня интересует вопрос об изъятии из банка денежных средств и аресте всех счетов моего отца. Дело в том...

— Вот вам мой совет, — перебил его человек, — ступайте домой, здесь и без вас разберутся. И вот ещё: не суйте свой нос во взрослые дела. Весь капитал, который ваш папаша нажил на поте и крови трудящихся, будет возвращён тому, кому принадлежит.

С этими словами он резко повернулся и уверенной походкой вышел на улицу, хлопнув дверью. Только несколько дней спустя юноша узнал, что человек в кожанке был не кто иной, как председатель уездной ЧК. Алексей, опешив, остался стоять в коридоре. Он, студент юридического факультета, не мог понять, почему стало возможным такое беззаконие, этот грабёж среди бела дня, как могут люди совать руки в чужой карман, не испытывая при этом ни малейшего угрызения

совести. Молодой человек вышел на улицу и побрёл к своему дому, снедаемый чувством беспомощности и отчаяния.

После пережитых потрясений юный Паничев затаил злобу на власть, которая, в его понимании, только и могла, что насаждать насилие и разбой в отношении имущих граждан.

Минуло несколько дней. Случайно Лёша познакомился с молодыми людьми — студентами, гимназистами, — которые разделяли его взгляды на деяния новой власти. Вскоре ими была создана тайная молодёжная организация, которая вела агитационную работу среди местного населения. В городе стали появляться листовки с контрреволюционными воззваниями и призывами оказывать сопротивление действиям Советов. Организация просуществовала недолго. Уже через полгода многие её члены были арестованы, сам же Паничев вынужден был укрыться у дальних родственников, живущих в небольшой деревеньке. Здесь юношу никто не знал, а наиболее любопытным родственники представляли его студентом, приехавшим отдохнуть на каникулы.

Началось долгожданное лето. И вот в самый его разгар в деревню вступил отряд казаков. В это утро Алёша был разбужен ржанием лошадей и зычным гиканьем всадников. Он вышел на крыльцо и увидел невдалеке верховых, с гордой осанкой сидящих на своих скакунах.

Подойдя поближе, юноша с нескрываемым любопытством принялся их рассматривать.

— Лёшка! Паничев! Какими судьбами? — услышал он за спиной весёлый знакомый голос.

Оглянувшись, юноша увидел офицера, который улыбался, обнажив ровные ряды ослепительно белых зубов.

Это был Дорожинский — однокашник старшего брата. Они с Константином были неразлучными друзьями, и только суровые фронтовые дороги Первой мировой войны развели их.

— Николай Валерьевич? — выдавил Алексей, немея от неожиданности и в одночасье забыв о существовании каких-либо других слов.

— Он... Он, дорогой ты мой! Рад тебя видеть. Но почему ты здесь, не дома? Что случилось?

Дорожинский крепко обнял его, дружески похлопывая по плечу. — Сколько лет-то не виделся? Возмужал! Настоящий гвардеец! А ведь я только из уезда. Жаль, времени не было забежать к твоим. Как там они?

Ещё не оправившись от внезапного потрясения, Алексей несвязно лепетал что-то дрожащим от волнения голосом. Казаки, сидя на лошадях, улыбались, с интересом наблюдая за этой неожиданной встречей двух близких людей.

К штабс-капитану подошёл ротмистр Потапов и шепнул что-то на ухо. Дорожинский ласково потрепал юношу по взерошенной голове и ловко вскочил на своего коня.

—Пора, брат, пора...

Алексей ухватился за стремя и умоляюще поглядел на штабс-капитана:

—Николай Валерьевич, возьмите меня с собой, мне никак нельзя оставаться!

Офицер улыбнулся и обратился к своему спутнику:

—А что, ротмистр, возьмём юного гусара? Видите, в нём так и кипит страсть к опасным путешествиям.

—Конечно, почему бы не взять? Пусть хлебнёт солёного солдатского пота, разомнётся, а то засиделся, небось, зажил на мамкиных харчах. И лошадёнка найдётся.

Радостный Паничев сломя голову влетел в дом, сунул в сумку кое-что из попавшихся под руку вещей и выскочил на улицу. Казаки были уже готовы и сидели в сёдлах, сдерживая твёрдой рукой рвущихся в путь лошадей. Через минуту отряд стрелой летел вдоль извиляющейся, с песчаными берегами, реки.

3.

На барже

Вечерело. Тёмная гладь реки поблёскивала местами, отражая тусклый свет луны. Речка хоть и была неглубокой, но дна не видно, ведь не зря с незапамятных времён прозвали её Чёрной.

Баржа прибилась к заросшему густым тальником берегу и словно слилась с ним в единое целое. Из-за предосторожности огонь не разжигали, даже закуренных сигарок, умело спрятанных в рукава шинелей, не было видно. Красноармейцы тихо, вполголоса, переговаривались, коротая тревожную бессонную ночь.

—Эх, похлебать бы чего тёпленького, а то от сухарей этих под ложечкой сосёт и сытости никакой.

—Да-а,— вторил другой голос, шутливо подначивая,— борщеца со сметаной, винца два стакана, да с пухлой Катериной на мягкую перину...

Бойцы тихо захихикали, потешаясь над нерадивостью красноармейца и его мечтой о сытой жратве. Ненадолго воцарилось молчание, и только слышно было, как шуршат волны, перекатывая мелкую прибрежную гальку. Воронцов сидел на краю телеги и шёпотом переговаривался со своим заместителем:

—Я думаю Пантелеева с сыном оставить в засаде. Офицеров снимут, а без них казачки наверняка дальше не пойдут. Место только нужно подобрать удобное, чтобы смогли уйти. Только так, думаю, сможем оторваться. Ответственность, сам понимаешь, огромная. Пантелеев — знатный охотник, не смотри, что в годах, другому молодому фору даст, да и сынок его, Васька, тоже малый не промах, весь в папашу. —Правда твоя, командир. Я Терентия ой с каких пор знаю. Это от деда в ихней родове страсть к охоте пошла. Тот-то, сказывают, за

зиму столь соболей настреливал — на всю деревню можно было шуб нашить, а тайгу знал лучше собственной избы. Здесь неподалёку берег обрывистый, там их и надо оставить. Казаки вплавь не пойдут, течение там быстрое, да и берег высокий, на лошадях не взобраться. — На том и порешили, — ответил Воронцов и, поднявшись, пошёл поближе к красноармейцам.

Те сидели крúгом. Один из них, видимо, человек бывалый, травил молодняку фронтовые байки:

— Сидим мы, значит, братцы, в засаде. Кругом... хоть глаз коли. Глядь, идёт себе, как по своему подворью, — здорове-е-енный такой. В темноте-то даже сучок оглоблей кажется. Видать, нужда его на холодок-то потянула. Приноровился я — хватя его прикладом по загривку, рукавицу в рот засунул, а он и не брыкается. Всю ночь волок до своей позиции. Приташил. Докладываю: так мол и так — языка вот взял. Хватились тут все его развязывать, а он окоченел уже — знать, лишка я его пристукнул. Как посветлело — тьфу ты: ерманец то, хлопенький такой, росточком — мне под подбородок будет, не боле. Вся рота так и покатила. С тех пор и прозвали меня Язычком.

— Ох и трепло ты, Сенька, — сказал Пантелеев, лукаво улыбаясь. — Я думал, за помело Языком тебя прозвали. Трещишь, как сорока на суку, даром что ботало без костей. Ты и сам-то росточком не вышел, под телегами ходишь не пригибаясь, а германец какой же тогда? Что у них, карлов, что ли, на войну мобилизуют?

Все красноармейцы грохнули оглушительным смехом, схватившись за животы и катаясь по дощатому настилу палубы. При виде командира они урезонились и встали. Воронцов глянул на весельчаков, делано хмуря брови и шутиливо поругиваясь, сам еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть от смеха.

— Что ж вы галдёж устроили? Всё зверьё в округе пораспугали. А как белые услышат? Дохохочетесь мне...

Вскоре начало светать. Все засобирались, складывая свои нехитрые пожитки, чтобы с первым лучом восходящего солнца двинуться дальше. Солнце не заставило себя долго ждать. Оно медленно выползло из-за леса, позолотив своими тёплыми ласковыми лучами верхушки кудлатых деревьев. Баржа отчалила от берега и не спеша поплыла вниз по течению, подталкиваемая слабым водяным потоком.

Красноармейцы были готовы к любым неожиданностям. Они укрылись за телегами, и только видно было, как один человек, стоя во весь рост, медленно поворачивал веслом, направляя утлую посудину в нужное русло.

Спустя пару часов баржа снова причалила к берегу. Река в этом месте была узкой, камнем перебросишь, но высокий крутой берег, отвесный, словно крепостная стена, возвышался на противоположной стороне. Здесь и решил командир оставить засаду.

Пантелеев с сыном сбросили на берег свою амуницию, наскоро попрощались с товарищами и стали взбираться наверх, цепляясь за редкий колючий кустарник. Место они облюбовали на самом краю обрыва, за давно упавшей сухой осиной, которая, в случае необходимости, могла послужить хорошей защитой от пуль неприятеля. Здесь же, неподалёку, наломали свежих пихтовых веток и устроили себе мягкую, удобную лежанку, опьяняюще пахнущую хвоей. Готовились основательно. Вещи и боеприпасы разложили в таком порядке, чтобы в нужный момент были под рукой.

День разгорался с невероятной быстротой. Роса на траве быстро высохла и уже не освежала упоительной прохладой. Зоркие глаза охотников пристально вглядывались вдаль в ожидании отряда преследователей. Однако младшему Пантелееву это скоро надоело, и он, улёгшись удобней на спину, закрыл картузом лицо от палящих лучей и затих.

4.

Через тайгу

Казаки собрались в один миг. С детских лет подготовленные к строгой воинской службе, они делали всё быстро, без лишней суетливости. Взяв с собой только оружие, отряд двинулся в глубь тайги. Лошадей в этот трудный таёжный переход решено было не брать. Двое казаков, назначенные для охраны лошадей, собрали оставшиеся вещи, навьючили их на спины скакунов и, связав их поводьями, двинулись вдоль берега.

Путь через тайгу оказался действительно нелёгким. Густые заросли кустарника то и дело сменялись глухими распадками, вдоль которых бежали прохладные лесные ручейки. Временами зыбкие торфяные болотца преграждали путь, и чтобы не тратить время, приходилось идти напрямую по качающемуся и хлюпающему зелёному ковру, в котором местами пугающе открывали свою пасть чёрные дыры бездонной трясины.

Привыкшие к верховой езде казаки не были готовы к длительным пешим переходам, и к исходу третьего часа пути многие уже плелись, еле переставляя ноги.

Дорожинский, то и дело останавливаясь, поторапливал отставших казаков. Впереди всех мягкой походкой охотника ступал Вавилов. Исходивший тайгу вдоль и поперёк, он и теперь не чувствовал усталости, давно привыкнув к нелёгкому труду промысловика-соболятника. — Глядя на вас, Вавилов, не скажешь, что столько отмахали по бездорожью, — отпыхиваясь, выдал ротмистр. — А я без своего иноходца даже до нужника не доберусь. С четырнадцатого года из седла не вылезая.

Он остервенело отломил разлапистую ветку и стал отмахиваться от наседавших комаров. Вскоре отряд выбрался из ещё одного болота. Впереди идущие остановились, поджидая отставших.

Штабс-капитан сел на мокрую траву и, сняв сапоги, принялся выжимать сырые, серые от грязной болотной жижи портянки:

— Успеем? Нет? — спросил он подошедшего Потапова.

— Надо успеть во что бы то ни стало. Иначе — дело швах, — ответил тот, похлёстывая веткой по лицу и шее. — Чёртово племя. Создал же Господь этаких тварей, искушали до невозможности.

— Любят они вас, Андрей Игнатьевич, — ухмыльнулся Дорожинский и, поднявшись, двинулся дальше, подбадривая уставших подчинённых.

Время неумолимо приближалось к полудню. Ротмистр часто поглядывал на часы и удручённо покачивал головой. Нужно было торопиться.

Вскоре лес значительно поредел, и вдалеке блеснула тонкая полоска воды. Всё явственней доносился шум потока, перекатывающегося через небольшие валуны, почти полностью перегородившие реку. Отряд вышел на усыпанный камнями берег и остановился. Казаки, раздевшись по пояс, жадно пили и плескали прохладной водой на разгорячённые тела. На противоположной стороне, между камнями, был небольшой проход — единственное место, где могло проскользнуть небольшое судёнышко. Вода в этом месте была спокойней и лишь в некоторых местах бурлила, вырываясь из каменного плена и закручиваясь в воронки. Высокие сосны стояли на самом краю небольшого, но крутого обрыва, как будто охраняя от незваных пришельцев это Богом забытое место.

Казаки с трудом перебрались на другой берег, срубили и сбросили в реку несколько больших лесин. В одно мгновение поток подхватил стволы и прибил их к камням, полностью перегородив проход. Дело было сделано.

Все молча взобрались на обрыв и приготовились к встрече беглецов, которые вот-вот должны были появиться из-за поворота. Однако ждать пришлось довольно долго. Изнурительный полуденный зной сморил казаков. Измученные длительным переходом, они лежали на пожухлой траве и вяло переговаривались.

Все разговоры сводились к одному: наступала пора травостоя. В суровую военную годину встали под ружьё мужчины, без которых невозможно было тянуть крестьянское хозяйство. Многие семьи, живущие когда-то в полном достатке, теперь перебивались с хлеба на квас. Кто продал коровёнку-кормилицу, кто от нужды расстался с лошадью, без которой ни вспахать, ни сено поставить. Поэтому пробавлялись казачьи семейства с небольших приусадебных огородиков да лесных даров: ягод, грибов, орехов.

Вот и сидели они, перемалывая нужду, истосковавшись по тяжёлой крестьянской работе, проклиная войну, принёсшую славу, а вместе с ней смерть и опустошение.

Те, что помоложе, сидели в сторонке, как бы организовав свою компанию, и жарко спорили о чём-то своём. В их разговоре был свой интерес. В молодые годы всегда хочется вольности, и она была им дадена войной, на которой и удаль молодецкую показать можно, и

храбрость, и азарт, а придёт нужда — и голову свою сложить за Веру и Отечество.

Эх, разговоры, разговоры: сколько ни говори, а всё есть о чём.

К командиру отряда, пригибаясь, подбежал молодой казак, стоявший на карауле. Он спустился было к реке, чтобы набрать воды в котелок, но, увидев вынырнувшую из-за поворота баржу, бросился назад. — Ваше благородие! Показались, — прошептал он тихо, как будто его могли услышать красные.

Казак засуетился и быстро занял свои места. Они, прижавшись к земле и передёрнув затворы винтовок, стали ждать, чутко прислушиваясь к посторонним звукам.

— Стрелять по команде, — вполголоса предупредил Дорожинский и, укрывшись за колючим кустарником дикого шиповника, достал из кобуры наган.

5.

В засаде

Солнце медленно, но уверенно двигалось к зениту, совершая свой ежедневный и только ему одному известный нелёгкий небесный путь. Пантелеев с тревогой вглядывался вдаль в надежде, что вот-вот заколышутся верхушки прибрежных тальников и выйдут к реке десятка два вооружённых до зубов белоказаков. Васька всё так же лежал рядом, раскинув руки. Из-под картуза, натянутого на лицо, раздавалось мерное, еле слышное посапывание.

«Эх, молодость, молодость, — подумал Терентий. — Своя-то ещё не забылась... Давно ли короткоштаннами пацанами носились по окрестным угорам, разоряя стрижиные гнёзда? А теперь вот свои детишки вояками стали. Ваське вон осьмнадцатый годок только-только пошёл, а он настрелялся уже, навоевался».

Рядом, раздвигая гибким телом подсушенное палящим солнцем разнотравье, юркнула зеленобокая ящерка. Пантелеев отпрянул: — Фу ты, шельма! Напугала совсем.

Вдалеке слышались голоса. Еле уловимые звуки пронеслись вдоль реки, но слух бывалого охотника, натренированный многолетними охотничьими походами, уловил их лёгкое звучание.

— Васька, просыпайся! Кажись, идут, — прошептал Терентий, толкая локтем сына.

Васька нехотя повернулся на живот и с равнодушным видом, позёвывая, спросил:

— Чё, батя? Много их, нет ли?

— Да отколь я знаю? Далече ещё... не показались.

Голоса еле уловимо раздавались из-за поворота реки, скрытого густым, местами подходящим к самой воде тальником. Пантелеев-отец передёрнул затвор винтовки, проверяя наличие заряда в патроннике, а Васька ловким движением достал из холщовой сумы своё любимое,

испытанное в деле оружие. Это был маузер, подаренный ему командиром Воронцовым за выполнение ответственного боевого задания.

Через какое-то время из-за речного изгиба показался казак, держащий за уздцы лошадь, на лбу которой тонкой линией красовалась ровная, как натянутая струна, проточина¹. За ним появился другой. Правой рукой он держал за повод коня, вслед за которым вереницей шли другие, привязанные друг к другу.

— А где отряд-то? — спросил Васька, протирая кулаком заспанные глаза.

— Да леший их знает, — ответил отец, в недоумении почёсывая загорелый лоб. — Однако надо что-то решать! Сделаем так: ты снимешь переднего, да смотри не промахнись, нам здесь перестрелка ни к чему. А я второго положу. Отряд-то, видно, через тайгу ушёл. Коли возьмём лошадей да другим берегом уведём, то останутся казачки пешими, а безлошадными не больно-то повоюют. Стреляем, как скажу... Да приклад к маузеру приладь, без него — никак. Не приведи Господь — рука дрогнет.

Терентий лёг удобней, расставив широко ноги, и плотно прижался щекой к деревянному прикладу.

Через две-три минуты он молча посмотрел на сына и легонько подмигнул обоими глазами, словно говоря: «Пора!»

Хлёсткий, как первый весенний гром, залп пронзил скучающую таёжную тишь. Два выстрела слились в единый звук и покатались эхом вдоль речной глади. Из ближайшего ельника вылетела испуганная стайка птиц и разлетелась врассыпную, прячась в густых зарослях чернолесья.

Впереди идущий казак опустил поводья и, ступив несколько шагов к реке, упал лицом вниз. Тело его задёргалось в предсмертных конвульсиях, словно не хотело расставаться с молодой жизнью. Второй, присев на коленки, свалился на бок.

Выждав несколько минут и удостоверившись, что тела казаков лежат недвижимо, старший Пантелеев встал и, оглядевшись, промолвил: — Сейчас переправимся и поведём лошадей в обратную сторону. Там, насколько я помню, в двух верстах отсюда брод есть. Переберёмся на другую сторону — и ходу. Болот там мало, да и тайга плешивей будет. Суток за двое, дай Бог, доберёмся до своих. А ты, Василий, в баулах поройся, может, съестного чего отыщешь.

6.

Западня

Выплыв из-за поворота на ровный отрезок реки, баржа быстро двигалась к порогам. Стоящий впереди красноармеец первым увидел стволы деревьев, перегородившие узкую её горловину:

1. Отметина в виде полосы белой шерсти, проходящей по переносице лошади.

— Командир, командир, там залом в порогах, к берегу поворачивай!

Но было уже поздно. Раздалась частая трескотня винтовочных выстрелов. Большая часть красноармейцев погибла сразу, не успев даже осознать случившееся. Два бойца, прыгнувшие в воду, чтобы добраться до берега вплавь, не сделали и нескольких взмахов. Их спины были мгновенно изрешечены меткими казачьими выстрелами. С высокого берега баржа, да и вся речная гладь были видны как на ладони. Несколькими пулями был перебит ручной румпель, и баржа, потеряв управление, боченясь, уткнулась в противоположный пологий берег, не доплыв до порогов нескольких десятков метров. Молодой красноармеец попытался развернуть пулемёт, стоящий на телеге, но тут же упал, сражённый казачьей пулей.

Всё закончилось в одночасье. Успевший соскочить с палубы на прибрежный песок Воронцов лежал на спине. В широко открытых глазах его отражались редкие облака, плывущие по воле ветра в чужие края. Бурое пятно расплылось по выцветшей, побелевшей от солнца гимнастёрке командира. Смерть пришла мгновенно. Рядом с командиром распластался, широко раскинув руки, молодой красноармеец. Уголки губ подёрнулись кверху, и было не понять, то ли ужас смерти, то ли улыбка оставили свою отметину на юном, совсем ещё безусом лице.

Спустя пару десятков минут казаки перебрались на противоположный берег и с нескрываемым любопытством стали разбирать пожитки красноармейцев, по-хозяйски уложенные на корме.

— Смотрите, ротмистр, — воскликнул штабс-капитан Дорожинский, — мешки-то целы, и пломбы сохранились. Видно, красные не больно-то интересовались содержимым.

Пломбы действительно были целы. На лицевой и обратной их стороне чётко прорисовывались реквизиты Раздолинского банка. Приподняв один из мешков, ротмистр Потапов тихо заметил:

— Да! По полпуда будет, не менее... Эко привалило! Удачливый вы, Николай Валерьевич. Однако, наших с лошадьми ожидать придётся. Казаки устали, пешком не пойдут.

— Так и поступим, — ответил Дорожинский, — дождёмся утра. Провиант есть, переночуем, а там и в путь-дорожку. С этими-то что делать? — продолжил он и многозначительно посмотрел в сторону убитых красноармейцев. — Так, что ли, оставим?

— Не по-христиански как-то! — укоризненно заметил ротмистр. — Пойду распоряжусь.

Ротмистр уверенной походкой двинулся в сторону казаков, которые сидели на песке, выливая из сапог и выжимая из штанов и гимнастёрок воду. Лопат на барже не оказалось. Дюжина казаков принялась стаскивать тела убитых красноармейцев в ближайший кустарник. Они сложили их в один ряд и забросали наломанными недалеко разлапистыми пихтовыми ветками.

Близился вечер. Оторвав от палубы баржи несколько сухих досок, служивые разожгли костёр и принялись варить суп из найденных продуктов. Квашеная капуста, лук, два десятка картофелин, небольшой кусок солёного, но уже пожелтевшего сала — всё пошло в это незатейливое, без кулинарных изысков, варево. Отужинав, казаки улеглись поближе к костру, подложив под свои тела красноармейские шинели. После длительного таёжного перехода и хоть и короткого, но нервного боя они тихо разговаривали, дымя цигарками, делились впечатлениями и событиями уходящего дня.

Только одному из отряда было беспокойно. Не имеющий боевого опыта, изнеженный мамками и няньками, Алёша Паничев сидел на небольшом валуне у самого края воды и, бросая в воду мелкие камешки, о чём-то размышлял. Время от времени плечи его нервно подёргивались. Страх после увиденного не покидал его юношеский, не приспособленный к трагедиям и жизненным невзгодам ум.

— Ну что, Алексей, как тебе наша казачья служба? — услышал он тихий, по-отечески мягкий голос.

Паничев вздрогнул от неожиданности, но быстро пришёл в себя, увидев Вавилова. Тот стоял, подбоченясь, и смотрел на него ласковыми, лукаво улыбающимися глазами.

— Ничего, дяденька, свыкнусь, — ответил он.

Разговор не клеился, и Вавилов, постояв пяток минут, ушёл, направившись к сидящим неподалёку офицерам.

Командиры сидели на коряге и о чём-то разговаривали.

— Я вот о чём думаю, — произнёс Вавилов неуверенно. — Наши-то с лошадьми, должно быть, задерживаются. Может, навстречу кого отправить? А то я и сам могу... Возьму кого-нибудь в напарники, да пройдемся. Ночи нынче светлые, да и где плутать? Вдоль по берегу и пойдём.

Офицеры переглянулись. Дорожинский согласно кивнул головой: — Пройдитесь, пройдитесь, милейший! Если какие непредвиденные обстоятельства — назад без задержек.

Вавилов ушёл. Будучи бывалым охотником, он наскоро собрал всё необходимое и, взяв с собой ещё одного молодого, но опытного казака, двинулся вверх вдоль реки.

Шли долго. Наступила светлая северная ночь. Вся водная гладь и берег просматривались до следующего крутого поворота. Река в этих таёжных местах была извилистой. Она петляла между таёжными гривами, густо поросшими высокими соснами и редким кедром. Мерное журчание речки да редкое всхлипывание далёкой выпи нарушали ночную таёжную тишину. Шли молча. Начало светать. Вскоре Вавилов с сотоварищем вышли на небольшую береговую отмель. Прибрежный песок весь был истоптан лошадиными копытами. Местами лежал незасохший конский навоз, и сразу было видно, что лошади стояли здесь недавно.

— Странно как-то! Волнительно, — промолвил Вавилов. — Давай-ка, друже, пошукаем в кустах. Сдаётся мне, что братьёв наших здесь положили, а коней увели.

Через несколько минут обоих казаков, сопровождавших лошадей, нашли в кустах, наспех засыпанными песком и прикрытыми ветками талины.

С рассветом Вавилов вернулся. Скорбная весть поразила казаков. Терять товарищей в бою — дело привычное, а вот остаться без коня, без этого боевого друга, который и грудью прикроет от вражеской пули, и раненого с поля боя вынесет, было нестерпимо больно.

К обеду, молча собравшись и наскоро перекусив остатками вчерашней пищи, казаки двинулись пешком вверх по Чёрной.

7.

На Березняки

Пантелеевы, перебравшись через реку с трофейными лошадьми, двинулись на север, в сторону Березняков. Шли весь остаток дня и всю ночь, украдкой обходя открытые места, боясь нарваться на казачий разъезд. Начало светать. Старший Пантелеев направил своего коня в неширокую ложбинку, густо заросшую таёжным разнотравьем, и вся лошадиная ватага двинулась за ним.

— Стой! Стрелять буду! — услышал он устрашающий оклик.

Пантелеев отпустил поводья и резко скинул с плеча трёхлинейку...

— Не шали, дядя! — окликнул его молодой голос, раздавшийся с противоположной стороны.

Из кустов смородника высунулась голова молодого человека, державшего наизготовку короткий казачий карабин. Большой кудрявый чуб выбивался из-под видавшей виды фуражки, на околыше которой красовалась красная, с потрескавшейся эмалью, звёздочка.

— Здорово, односельчане, — воскликнул он. — А я вас не сразу признал. Сначала засумлевался: Васька, думаю, нет ли?

Василий соскочил с коня:

— Санька, здорово!

Они обнялись, по-братски похлопывая друг друга по спине.

Старший Пантелеев слез с коня и сдержанно поздоровался. Пешком, ведя лошадей за узды, Пантелеевы двинулись за Санькой. Здесь неподалёку, в берёзовой рощице, заночевал отряд, двигавшийся к Раздольному. Сводным отряд назывался потому, что в состав его входили бойцы регулярных частей Красной Армии и добровольцы, основную часть которых составляли местные крестьяне, партизанившие в этих местах.

Отряд возглавлял Пётр Васильевич Черемисов — старый большевик, отбывавший ссылку в соседнем уезде и после известных октябрьских событий собравший боевой отряд, состоявший из сочувствующих крестьян и деповских рабочих, обслуживающих Северо-Восточную железную дорогу.

— Ну, излагайте! Желательно — обстоятельней. Нам любые, самые незначительные подробности в деле пригодятся, — сказал Черемисов, усаживая обоих Пантелеевых перед собой на постеленные солдатские шинели.

Старший Пантелеев, по-мальчишечьи пошмыгивая носом, пробурчал что-то невнятное. Скромный от рождения, он всегда был неразговорчив, а уж рассказывать какие-нибудь истории и вовсе не умел. В любых, даже бытовых, разговорах он постоянно путался, зачастую теряя ход и последовательность событий.

Наступила неловкая пауза. Командир отряда хитро улыбнулся и, подкручивая пышные рыжеватые кончики усов, промолвил:

— Давай, Василий, докладывай!

Младший Пантелеев начал свой рассказ, украшая его множеством порой совсем неуместных, надуманных подробностей.

— Дело ясное! — не дослушав Василия, подвёл черту начальник штаба.

Он, как кадровый военный, уже простроил все возможные действия. — Если казаки обошли Воронцова и первые оказались у порогов, — продолжил он, — то дело плохо! Я предлагаю изменить наш маршрут. Конечно, день мы потеряем, но у Воронцова груз ценный, утрата которого будет невозполнимой.

— Другие предложения будут? — спросил Черемисов, обращаясь к рядом сидящим бойцам.

Предложений не последовало. Не прошло и часа, как отряд двинулся в нужном направлении, выслав вперёд конную разведку в составе Саньки, Василия Пантелеева и ещё двух местных крестьян, хорошо знавших здешние места.

Конный отряд красных двигался быстро, временами переходя с шага на рысь. К трём-четырёх часам пополудни отряд вышел к речке Чёрной.

Пантелеев-старший с двумя бойцами из местных охотников-промысловиков, перебравшись на противоположный берег, обследовали его и близлежащие кусты, придя к выводу, что казаки вверх по реке не проходили. Командир принял решение переправиться и организовать засаду, оставив на этом крутом берегу наблюдателей.

Время тянулось утомительно долго. Бойцы, спешившись, укрылись в овраге, обнаруженном Пантелеевым. Они сидели на его некрутых склонах и тихо, еле слышно перешёптывались. Курить и разговаривать начальник штаба запретил категорически.

Прошёл час, второй, третий... Солнце уже готово было скрыться за лесом. Вдруг над оврагом раздвинулись ветки, и вниз по склону скатился молодой боец. Прижимая ладонью исцарапанную кустарником щёку, он вполголоса прошипел:

— Наблюдатели знак подали! Идут!

Бойцы молча, почти беззвучно вскочили в сёдла и выстроились друг за другом вдоль оврага.

— Подпустим поближе и — галопом с шашками наголо, — промолвил Черемисов.

— Эх, покрошим казачков! — раздался за его спиной выкрик.

Командир повернулся и молча погрозил кулаком.

Вернулся Санька — главный отрядный разведчик. Он отвёл командира в сторону и зашептал на ухо:

— Остановились казачки, обувь сбросили — видать, на ночлег устраиваются. Караул пока не выставили.

Командир подозвал начальника штаба:

— Казаки встали на ночёвку. Вот-вот засумеречит, атаковать конными нет резона, разбегутся казаки по кустам — где их потом искать?

Решили нападать пешими, обойдя казачий отряд со стороны леса. Расчёт был такой, что отступить противник сможет только к реке, на чистый, со всех сторон просматриваемый берег.

8.

На реке

Казаки шли, не останавливаясь, весь день. И лишь когда стало вечереть, они расположились в тени разлапистой вековой ели, сбросив сапоги, расслабляя натруженные длинным переходом ноги.

Дорожинский с Потаповым остановились поодаль. Рядом с ними лежал Алексей Паничев, не в силах поднять руки, чтобы отогнать назойливых паутов. Ботинок с его левой ноги лежал рядом. На некогда белом, а теперь сером носке зияла бесформенная дыра, обрамлённая багровыми кровавыми разводами.

Ротмистр подозвал Вавилова. Тот, глядя на содранные кровавые мозоли, розовевшие на Лёшкиной ноге, укоризненно покачал головой:

— Эко вас угораздило, молодой человек! Раньше не додумался посмотреть? Терпел, небось?

Вавилов принёс скатку трофейной красноармейской шинели и, оторвав от неё рукав, промолвил:

— Сейчас вот их благородия папироску докурят, пеплом ранку присыпем да замотаем чистым бинтом, через день-два затянется.

Сделав эту незатейливую процедуру, он натянул на Лёшину ногу рукав шинели, подогнув нижний край под стопу и крепко перетянул бечёвкой. Получилось нечто наподобие валенка.

— Вот теперь мягче ступать будет, — заметил Вавилов, довольный своей работой.

Он угостился папиросой, предложенной ему штабс-капитаном, и пошёл к своим.

Однако не прошло и пары минут, как Вавилов вернулся:

— Ваше благородие! Только от вас отошёл за те деревца, смотрю: блеснуло что-то вдали на другом берегу. Как раз на краю обрыва. Сдаётся мне, следят за нами. Здесь-то солнца уже не видно, а там,

на верхотуре, оно ещё светит, да, видно, стёклышко у бинокля и сверкнуло.

Ротмистр нервно передёрнул плечами.

— То-то мне тревожно стало под вечер. Интуиция, мать её! — выругался ротмистр.

— Груз надо бы спрятать, — бросил в ответ Дорожинский. — За ним, видать, и устроили охоту большевички.

Вавилов, не мешкая, принёс опломбированные мешки и три короткоствольных казачьих карабина. И они, подхватив под руки Лёшу Паничева, углубились в лес.

Отойдя от берега в глубь тайги метров на триста, беглецы услышали частые винтовочные и револьверные выстрелы.

— Началось, — сказал Дорожинский. — Ускорим шаг, господа!

Тем временем на берегу разгорелся бой. Казаки, разутые, отступали к реке, отстреливаясь из карабинов. Некоторые из них вообще были без оружия, не успев взять его в суматохе. Берег был ровным, без единого валуна и коряжины. Укрыться было негде, и бойцы Черемисова, словно загонщики на охоте, расстреливали «загнанного зверя», укрывшись в густом прибрежном кустарнике. Выстрелы становились всё реже и реже.

Беглецы уходили в глубь тайги. Вавилов шёл впереди. Он знал, как никто другой, направление, в котором нужно было продвигаться. Выстрелов уже не было слышно. Пройдя чуть более получаса, путники остановились.

— Вы тут, в ложбинке, отдохните, а я вернусь чуток, погляжу, нет ли погони, — тихо промолвил Вавилов.

Он, повесив на плечо карабин стволом вниз, тихой, по-лиси беззвучной походкой удалился в чащу леса.

Ходил Вавилов долго. Хотя и светлые ночи, но в лесной чаще было темно и сыро. Вот уже и птицы замолчали, устраиваясь на ночлег, и только издалека долетало еле слышное гулкое уханье серой неясги. — Неприятненькое местечко, — пробурчал Паничев, — век бы сюда не хаживал.

— О чём раньше-то думали, юноша, когда в попутчики набивались? — огрызнулся ротмистр. — Понимали, небось, что не на прогулку с барышнями едем. Сидели бы дома, так нет, понесло... Путешественничек!

— Не ругайтесь, господа, — примирительно произнёс штабс-капитан, — нам вместе предстоит отсюда выбираться. Так давайте оставаться друзьями.

Вавилов вернулся только под утро. Он подошёл так же тихо, как и уходил. И путники невольно вздрогнули, увидев неожиданно возникшую рядом фигуру казака.

Отойдя от попутчиков примерно на версту, Вавилов спрятался за недавно упавшей, но ещё пушистой лесиной и прождал до рассвета, прислушиваясь к звукам тайги. Погони не было.

9.

Втроём

Утро было прохладным. От земли поднялся туман, который с восходом солнца упал на траву обильной росой, предвещая жаркий погожий день. Путники двигались неспешно. Ход их задерживал Лёша Паничев, нога которого от длительного перехода опухла и кровоточила. Вавилов время от времени разматывал бинт на его ноге и прикладывал какую-то только ему знакомую травку.

Ближе к полудню остановились. Вавилов не спеша снял с себя мешок и тихо, будто самому себе, промолвил:

— Тут, верстах в пяти, деревенька моя. Думаю, сходить надо, разведать. К вечеру вернусь. Ежели всё тихо, то остановимся ненадолго. Юношу подлечим, да и самим отдых требуется.

— Ну, коли так, ступайте, — ответил Дорожинский.

Вавилов встал, забросив на плечо карабин.

— Пойдите, Вавилов, — продолжил штабс-капитан.

Он, не вставая, подтянул к себе один из мешков и срезал ножом пломбу. Немного пошарив внутри, Дорожинский вынул небольшой мешочек, из которого высыпал в ладонь золотые червонцы. Отсчитав десять штук, он передал их казаку.

— Возьмите вот на всякий случай, — промолвил он.

Вавилов взял деньги, с почтением наклонив голову:

— Благодарствуйте, ваше благородие!

К вечеру Вавилов не вернулся. Не вернулся он и на следующий день. Делать нечего — надо идти. И путники двинулись дальше, не зная направления своего маршрута. Тайга бескрайняя. На север ли, на юг — всё едино. Везде те же деревья, та же трава, да и птицы поют те же замысловатые одинаковые песни.

Под вечер путники вышли к высокому утору. Взобравшись на него, они увидели бескрайнюю таёжную даль. Тайга простиралась во все стороны, от края до края, и только вдалеке виднелись пролысины смешанного редколесья. Заночевали...

Время как будто остановилось. И хотя утро сменялось полднем, а полдень — вечером и ночью, время, казалось, оставалось недвижимым, как будто неведомые силы замедлили движение Земли в бескрайнем космическом пространстве.

На исходе третьего дня путники встали на ночлег. Из последних сил наломав пихтовых веток, они соорудили лежанку и развели костёр. — Однако, господа, двигаться становится всё труднее, — промолвил ротмистр и, закуривая последнюю папиросу, продолжил: — Думается

мне, что поклажу нашу необходимо спрятать. Место вот только нужно найти узнаваемое.

— Да уж, с такой ношей нам далеко не уйти, да и у Алексея с ногой полный «капут». Как бы и его нести не пришлось,— продолжил мысль штабс-капитан Дорожинский.

К утру основательно выспавшись и отдохнув, путники двинулись в путь. За последние сутки им ни разу не довелось вдоволь напиться. Никаких водоёмов на пути не встречалось, кроме мелких, кишачих комариными личинками болот. Шли до полудня. Лес становился реже, стали появляться достаточно большие поляны, заросшие иссушенной палящим солнцем некошеной травой. Алексей остановился, навалившись всем телом на берёзовый посох, срубленный ротмистром в небольшой рощице, встреченной на пути.

— Больше идти не могу,— промолвил он еле слышно высохшими и потрескавшимися губами.

Они остановились на небольшой возвышенности, с которой была видна берёзовая роща, а за ней тонкой полоской поблёскивала неширокая речка, манящая путников полуденной прохладой.

— Сделаем последние усилия, господа. Река впереди. Умоемся. Напьемся вдоволь,— промолвил ротмистр.

Дорожинский с Паничевым молчали.

— Николай Валерьевич,— продолжил ротмистр,— видите, неподалёку сосна обгоревшая? Никак молния спалила. Чем не примета? Может, мешки здесь и зароем? Ведь неизвестно, сколько ещё блуждать, а груз с каждым часом становится всё тяжелей.

Дорожинский молча махнул рукой: делайте, мол, как хотите.

Полежав с полчаса, Потапов достал свой походный нож и, сняв дёрн, стал углублять яму, разрыхляя почву заточенным берёзовым колышком. Почва была песчаной и на удивление мягкой и податливой. Вскоре под деревом образовалась довольно внушительная яма. Достав из мешка с сорванной пломбой несколько золотых монет, ротмистр засунул их глубоко в карман, предварительно завернув в носовой платок: вдруг пригодятся? Сложив мешки в яму, Потапов уложил сверху карабины и, прикрыв всё это богатство наломанными ветками, засыпал землёй. Аккуратно прикрыв яму дёрном, он встал и, осмотрев результат своего труда, причмокнул от удовольствия.

Через два часа путники, освободившись от груза, налегке продолжили свой путь. Их манила уже не далёкая, но и не близкая речка, обещающая прохладу и долгожданный полноценный отдых.

К вечеру, вдоволь напившись и наплескавшись в реке, путники уснули, развалившись на тёплом, прогретом дневным солнцем песке, под монотонное журчание воды и усыпляющее пение лесных разноголосых пернатых теноров.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Потапов спал лицом кверху, по-детски подложив руки под голову. Сон был крепок. Казалось, никакие силы не могут разбудить этого жизнестойкого, но измотанного длинной и трудной дорогой человека.

10.

Исход

Что-то большое и тяжёлое навалилось на спящего ротмистра. Будто гора упала и придавила лежащего на земле человека. Эта тяжесть сдавила грудь, не давая вдохнуть отрезвляющий, придающий силы воздух.

Потапов открыл глаза. Три красноармейца лежали на нём. Один держал ноги, а двое других, придавив коленями грудь, пытались связать руки. Ротмистр, человек недюжинной силы и не робкого десятка, высвободившейся ногой ударил в грудь бойца. Тот, ойкнув, отлетел в сторону. Сбросив с груди двух остальных, Потапов попытался достать из кармана наган, но оглушительный выстрел отбросил его назад, повалив на землю. Пуля пробила лёгкое. Ротмистр лежал с открытыми глазами, кровь забулькала, заклокотала в горле и тонкой струйкой потекла по его небритой щеке. Неподалёку сидели Паничев и Дорожинский, руки их были скручены за спиной оружейными ремнями.

Красноармейцы являлись бойцами отряда Черемисова. В ходе боя на речке Чёрной несколько казаков сдались в плен. Они-то и рассказали, что четверо из отряда во главе с офицерами ушли в тайгу, унеся с собой ценный груз. Позже возле таёжной деревни был пойман Вавилов. По найденному у него золоту красные сделали вывод, что остальные скрываются недалеко, где-то в тайге, но рано или поздно должны выйти к какой-нибудь речке. Отряд разбился на группы по пять-шесть конников, которые и разъехались по окрестным лесам в поиске беглецов.

Группу, вышедшую на след тройки, возглавлял Санька, дружок Васьки Пантелеева. Красноармейцы наспех обыскали пленных и убитого. Вывернув карманы ротмистра, боец обнаружил завернутые в носовой платок червонцы.

— Эка невидаль! — воскликнул он. — Сколько лет живу, а такого богатства сроду не видывал!

— И не увидишь больше, — иронично заметил Санька, вырывая платок из рук нерадивого красноармейца.

— Пленных усаживайте на лошадей, пешком не дойдут. У малюго нога вообще сгнила. До фельдшера какого ни есть довести бы, — продолжил он.

К концу следующего дня группа вместе с пленниками прибыла в Березняки. Лёшу Паничева определили в местный лазарет, под постоянный присмотр вооружённого берданкой немолодого крестьянина. Алексей был одет в университетский китель, и вопросов к нему, как к человеку невоенному, не возникало. Дорожинского определили

в арестантскую, временно оборудованную в амбаре местного богатея. Амбар был построен основательно. Стены его были сложены из толстых листвяжных брёвен, дверь обита двухмиллиметровыми железными листами.

Алексея бросало то в жар, то в холод. Временами он вообще впадал в забытё, теряя сознание. Местный фельдшер, бывший на войне простым санитаром, определил у больного гангрену, но ампутировать ногу не осмелился, решив дожидаться более опытного товарища.

Штабс-капитана Дорожинского допрашивали два дня, но он отказывался отвечать, где были спрятаны банковские мешки, ссылаясь на то, что не видел, когда ротмистр их закапывал. Дело, мол, проходило ночью, местность не запомнил, примет никаких не было...

Не добившись от офицера необходимых сведений, местное начальство решило препроводить его с конвоем в губернскую ЧК.

В течение трёх дней были собраны охотники-промысловики со всех близлежащих деревень. Получив задание, они разошлись по ближнему таёжному краю. Каждый из них знал местную тайгу как свои пять пальцев, но и они, обшарив лес, не нашли и следов запрятанных ротмистром сокровищ.

Сопроводив штабс-капитана в губернию, Санька вернулся в Березняки. Проходя мимо дома, где располагался лазарет, он увидел в окне старого фельдшера.

— Как там студент? — спросил боец, ловко скручивая козью ножку, набивая её местным самосадам.

Фельдшер буркнул что-то бессвязно, посмотрев на Саньку поверх очков, молча закрыл окно и задвинул белые больничные занавески.

Альбина Мамаева

БАБА ФИСА

—Эй, есь хто дома? Баба Фиса, у тебя чё изба-то по́ла стоит? Ты куды девалась?—Маринка у порогу обмела голикóм катанки, сбросила полushалок.—Долго спишь. С тобой всё ли ладны?

—Дак счас уж какó ладны? Годá-то давят, лешак их поведи́. Вечёр ково-то занемогла, дак Аннушка отправила ко мне меньшо́во: мол, воды тебе свежей натаскат, печь истопит, да и переночевать останетца,—всё веселе. А он, проклято́й, в кинé просидел, потом с девками по улице проходил, явился уж в какú пору? В полно́чь! Ему чё, молодой ишшо, толька до подушки—и уснул. Да храпит на всю ивановску. А мне какой товды сон? Так всю ночь и провертелась с боку на бок. Да кака-то нёмочь к ногам привязалась, коленки крутит не на белай свет... места не изберу, куды их полóжить! Леву-то ногу разбарабанило, никаки обутки не вохóдят. Алёшка в школу убежал, вот и прилегла... А ты, родима, почево пришла?—Анфисья убрала со стулу фартук, смахнула рукой крошки.—Садись поближе, да по-разговаривам...

—Меня мамка отправила. Сёдни у нас мягки были. Уташши, говорит, Анфисье, она любит горéчи-то. Тут шаньги налёвны да картошешны. Счас я тебе живо чаю налью. Завтрикай, докуль не простыли...

—Ох ты, моя родна, я уж ваши горéчи-то люблю... Учись у матери, у ней тесто-то хорóше выходит.

Руки у старухи дрожали от слабости. Кое-как разломилa шаньгу.

—Я ране-то маминьке всё говорéла, штоб калачик мне подсушила на подú... До смерти любила, штоб корочка подгорела... нико́во нету слашше!.. А счас ись нечем, зубишек-то не остаётца... мяки́ш и тот в чаю́ размачиваю.

—Ты сиди, баба Фиса, а я посудёнку ополосну да в избе подберусь. Потом ишо снег разгребу—дорожки-то ко крыльцу несколь не знатко, кое-как по субóю пробрела. К вечеру опроведаю тебя. Тятя пошёл уды проверять. Налим свежай попадёт, дак ухи приташшу. А ты отдыхай...

—Беги-беги, родима, Христы тебе в рот! Ково со мной насидишь?

Проводила Маринку глазами, погоняла языком по беззубым дёснам корочку.

—До чево любúшша дефка у Наталли выросла... Эта уж мать-отца под старось на произвол не бросит...

КАК Я ВОДИЛАСЬ СО ВНУЧКОЙ...

Баушничала вчерась, со мнучкой водилась. Я издива вышла, до чево тодельна челядь пошла!

Приташили при ней мою пензию, дак она живо смикитила:

— Баба, пошли в лавку! Мне чёчку нады нову, у тебя играть нечем.

Мы-то, бывать, небогато росли, шибко играть нечем было. Хорошо, еслив у баушки выпросишь прёсницу, да самопряху покрутить. А так девки-то боле тряпичками играли да из глины пряники стряпали. Подшипники мне тятя стары из гаражу таскал, да тюрючки из-под ниток мама отдавала. Вот и все чечки!

— Тебе ишшо каки-таки чечки нады? Ково тебе не хватат?

Счас взяли моду челядь повадить. Родни у нас полно, а малиньких боле ни у ково нету. Вот оне и изгаляютца друг перед дружкой — хто дороже да башше лопатину каку али чечку ей возьмёт...

Всё ж-ки сомустила она меня. Взяли гумажник да и пошли. А куды деватца?

Я в ребячьих магазинах-ту сроду не бывавала, дак издивовалась! Всё есть, однех кúричьих титек нету! Дак как можно в эко место челядёнка водить?

Она как всё-то увидала, глазёнки выпучила, руки расшеперила и давай бегать, всё с полок сбрасывать! Согрешила я с ней и в ад ушла! Ей хоть всё чохом возьми — мало будет. Дак у них дома-то этово шумутья што на складу — пятерым не износить. Я товар отбрасываю, а она опеть ташшит! Ревёт лихоматом, как бы родимчик не хватил, думаю. Хоть говори, хоть нет — одно што ревёт!!!

Ну, пришлось всё же порядошно взять... Рашшиталась. Слава Бох, хватило пензии. Осталась одна пятитка, сколь-то серебрушек да медяк.

Не успели домой затти, яички шшиколадны все раскурочила, игрушки сбросала под лавку. Взялась за книгу со сказками. Я еких дорогушших книг в глаза не видывала... Ну, думаю, пушай глядит — картинки-то што живы наресованы. Сама пошла в куть, варить ужну.

А она, желуніца, схватала карандаш да все-то картинки исчертила! А которы шибко поглянулись — ножницáми выстригла да пластином на заборку прилепила... Сама как ни в чём не бывало сляла телевизер глядеть...

Почево бытто нахватала эсколь товару-то?!

Вот и попрошсалась я с пензией... На ково хлеб брать буду? Да ишо нова забота прибавилась: от пластилину пятна-то ничем не выведешь... Пензию дождусь, да нады в лавку идти, обоишки какинть брать...

МАМИНА ПОМОЩНИЦА

— Вальтя, ты не лешака ли там делаешь? Не уснула в кутё-то? Три чашки два часа музóлишь...

— Мне куды торопитца-то? Вымою...

— Ну дак конешно... куды торопитца? Скоро-то вымоешь, дак ишо ково-нить делать заставят... А едак-ту весь день в куте проши́рися... Нет, как подружки в клуб зовут, дак не двáдни собирайся, не успеешь катанки одеть — дверь уж хлопнула.

— Ты пошто меня опеть лентяйкой-то выставляешь? И никуды я не собираюся... Помогу сѣдни тебе управитца да баню пойду чередить.

— Н-н-но, паря, ишшо не башше! С тобой всё ли ладны?

— Ладны-ладны... Тебя жалко — на работе пристаёшь, и в избе делов полным-полно...

Мать оболока́сь, выскочила на улицу. Смела с крылечка снег, расчистила дорожку. Воротилась с берёмем дров.

— Забыла тебе сказать: я в па́ужну Райку видела, от самолёту шла. В город, бывать, скаталася. Вынарядилась — мамы родимы, в етой лопотине самый раз по морозу-ту бегать... Ране-то увидел бы меня тятя в её обдергайке — наклал бы взашей! Глядеть-ту га́дко-на́гадко! Каки-то ботинчишки на клабучишшах напялила, што на ходулях шагат. На самой-ту не знаю уж хто одето, теплушка — не теплушка и на пальто не находит. Вижу толька, што никово не прикрыват. Змея, в экай-от мороз в одних фильдипёрсовых чулках лешак ведёт, все голяшки голы! На руках перстяточки. Рукавицы счас одеть никово не заставишь, а в них вить красота — руки в тепле. А тут все пальцы на́разно: как не отшшипало? Бежит врыссю, зад отклячила — догнать неможнó! Докуль до дому добежала, однако, всё озноби́ла.

— Да она сроду никово ишшо не ознобила. Какой лешак возмёт эту толстожопу? Ой, мама! Райка-то обешшалась катётку цветисту привезти. Промешкаю, дак кто-нить перехватит... — Вальтя выскочила из кути, на ходу сдёрнула фартук, вытерла об нево руки. — Ну ладны, я побежала ли, чё ли?

— Ты куды нагишом-ту да голоу́шем направи́лась? Та́ма-ка снежок пробрасыват да низовка потянула...

— Черезь улицу-то долго ли перебежать? Не простыну.

— Чево, што недалёко? Ишь, разжарило ей. Давно ли кахыкала?! Жакетку неохота одевать, дак хочь полушалком окинься, он не задавит. Долго простыть-то? Опеть осопáтешь.

Вальтя дёрнула плечиком:

— Вечно ты со мной как с челядёнком!..

— Я тебе пофыркаю!!! Вся в баушку — хочь кол на голове теши!

Докуль мать всё это выговаривала, Вальтя уж воротáми хлопнула.

— Ну вот... опеть и помогла управитца... Помощница мамина...

Лишний банный день

Анна вошкалась в куте, а Мишка с Толькой на полу играли машинками. Время уж было дивно, пора ужну на стол ставить, а у ней ничем ничево.

— Ну, ребята, погодите ишшо маленько, мамка тесто завела. Печь протопелась. Счас уголья замету, сковородку накалю и стряпатца

буду. Отец ижир выжил, уж неделю трóстит, блинов ему охота. Всю плешь проел...

— Н-н-но, паря, и житуха пошла!.. У своёй бабы блинов не выпросишь! Раз добился, дак хоть бы поперёк горла не стали...

Анна охнула, выглянула из-за занавески:

— Ты откуль подкрался? Нихто не слышал, как в избу зашёл,— она вытерла фартуком руки, оправила косынку.— Теплушшóнку-то с катанками сбрось да беги в баню. Я тебе и бельё направила, эвон на яшшике с рушником лежит. Как знала, што рано придёшь...

— Ишшо не башше! Это што за нова мода? По два раз на неделе будете намыватца — на вас хто дров напáшетца...

Аннушка заоправдывалась:

— Я сёдни рано с работы прибежала, подтопила каменку да постиралась. Воды-то допóлна натаскала — куды её счас девать? Мы с ребятами намылися, дак красотишша! Я слышала, в городах-ту народ утро-вечер моютца...

— Оне в городах ишшо не то тебе придумают! Хозяйства нету. Имья там ково делать-то? Мойся да мойся!

Анна вышла нá избу, сунула самому свётрок с бельишком:

— Иди-иди! Тебе после трактору неуж неохота маленько мазуту ополоснуть? Ни рубахи, ни постёлю отпарить неможнó. Ну-ка, постирайся на всех на вас — без рук останешься! Докуль моется, как раз и блины поспеют...

Алексей поскрёб затылок:

— Однако, вправду сходить ли, ково ли? А то сёдни весь день в носу гомозит. Народ-от весь сподóдимо хворот — видать, повертуха ходит.

Помолчал, потом махнул рукой:

— А, ладно! Налъёшь после бани стопочку, дак схожу погреюсь...

Марат Валеев

Северные были

БОЛЬШОЙ КРАСИВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Этот трагикомичный случай произошёл в сороковые годы прошлого века в тунгусском посёлке Чиринда.

Где-то далеко-далеко гремела война, а здесь, на границе тунгусской тайги и лесотундры, шла тихая размеренная жизнь. Эвенки месяцами пропадали в заснеженных лесах, на реках и озёрах, добывая для нужд фронта пушнину, мясо дикого северного оленя, рыбу.

Изредка появляясь в посёлке, чтобы сдать трофеи и запастись необходимыми припасами для дальнейшего автономного существования в своих стойбищах и зимовьях, они тут же попадали в сферу массово-политического воздействия на их умы.

Работу эту вели немногочисленные местные, а порой и заезжие агитаторы, пропагандисты, прочие политкультурмассовые работники. Обычно население собирали в красном чуме (сиречь красном уголке), читали ему здесь сводки Совинформбюро, лекции, политинформации.

Красный чум в Чиринде специального помещения не имел. Его разместили в бывшей церкви. Она была построена для обращённых в христианство тунгусов незадолго до революции из листовничных брёвен, которым, как известно, практически нет износу, и представляла собой ещё довольно прочное и просторное помещение.

Заведующим красным чумом назначили деятеля из местных кадров с распространённой здесь фамилией (ну, скажем, Ёлдогир) и несколькими классами образования. Впрочем, недостаток образования у Ёлдогира с лихвой компенсировался рвением и святой верой в неизбежную победу социализма, а там и коммунизма.

И вот, накануне очередной, не то двадцать пятой, не то двадцать шестой годовщины Великого Октября, в Чиринду из Туры пришла радиограмма с распоряжением как можно лучше украсить красный чум всеми имеющимися средствами наглядной агитации, так как на празднование седьмого ноября сюда первым же оленным обозом прибудет инструктор крайкома партии в сопровождении секретаря окружкома.

Парторг прочитал эту радиограмму красночумовцу Ёлдогиру и с лёгким сердцем отправился объезжать близлежащие стойбища и зимовья с целью вытащить на торжественный митинг как можно больше промысловиков.

Ёлдогир же с присущим ему рвением принялся украшать красный чум всеми имеющимися ресурсами. И когда шестого ноября в Чиринду

втянулся, весь заснеженный, оленный обоз из Туры, Ёлдогир, приплясывая от нетерпения, потащил за рукав иззябшего и смертельно уставшего секретаря окружкома в красный чум:

— Пойдём, бойе, там тепло и очень красиво! Всё сделал, однако, как ты велел!

— Хорошо, хорошо! — благосклонно кивал постепенно оттаивающий секретарь, осматривая разукрашенные стены. — Молодец, постарался.

Но, подойдя ближе к сцене, впился глазами в самый яркий и большой портрет в золочёной раме, по бокам которого пристроились красочные картины поменьше и вовсе невзрачные картонки с фотографиями партийных вождей типа Ленина, Сталина, Маркса, и стал медленно наливать краской.

— Ты где это взял, контра?! — наконец прохрипел секретарь, тыча пальцем в центр композиции.

— Которую? Вот эту? В чулане нашёл, — весело сказал Ёлдогир. — Там ещё много чего лежит. Только уже некуда вешать!

— Это тебя надо повесить! — заревел секретарь. — Ты хоть знаешь, кто это?

— Я думал, самый большой начальник, однако, — простодушно и в то же время уже испуганно сказал Ёлдогир. — Она какой красивый, медалей много. Тяжёлый, еле-еле прибил к стене.

Секретарь и крайкомовский инструктор, похоже, окончательно лишились дара речи и молча пучили глаза на портрет «самого большого начальника» и его окружение. На них во всём своём великолепии отечески взирал император всея Руси Николай II, рядом с которым пристроились ещё какие-то царедворцы, золочёные церковные образа, непонятно как уцелевшие в этой глуши и теперь вот торжественно водружённые на стены красного чума в честь приближающейся годовщины Великого Октября...

Спрашивается, откуда всё это здесь взялось? Когда на тунгусскую землю пришла советская власть, она устанавливалась здесь мягко, практически бесконфликтно. И вся присутствующая в Чиринде атрибутика царского времени (здесь нёс свою службу волостной старшина из местных князьков) была просто собрана и спрятана в один из закутков церкви. Десятилетия назад, когда портрет Николая II законно висел на своём месте, будущий красночумовец Ёлдогир был ещё маленький и не видел его. А когда заканчивал четырёхлетку, там портретов царя не проходили. Так что нет ничего удивительного в том, что простодушный культработник принял императора за большого начальника и повесил его на главное место в красном чуме.

Но это для нас с вами. А вот руководство Эвенкии того времени так не считало. И влепило Ёлдогиру строгий выговор с формулировкой: «За политическую безграмотность и близорукость». Оказывается, он к тому же ещё был и партийным!

И это было ещё одним чудом: в любом другом месте СССР любого другого партийного культработника за такое преступное простодушие просто бы сгноили в лагерях, а то и расстреляли. А Ёлдогир вот отделался выговором, что лишний раз свидетельствовало о бережном отношении советской власти к малочисленным коренным народам Севера...

КУЛЬТУРУ НЕ ЗАПЛЮЁШЬ!

В семидесятые годы культура в Эвенкии переживала необыкновенный подъём (впрочем, это относилось и ко многим другим отраслям и сферам жизни: строительству, геологоразведке, оленеводству, пушному промыслу).

Особенно хорошо это было заметно в окружном и районных центрах, в чьих Домах культуры жизнь буквально была ключом. Что ни неделя, то концерт, разнообразные праздничные программы, регулярные выезды агитбригад в оленеводческие бригады, к буровикам «в поле».

Время от времени наезжающие в округ комиссии из края, а то и из Москвы, оставались очень довольными. Но вот одна из таких комиссий, возглавляемая высоким чином не то из министерства культуры, не то из крайисполкома, возжелала посетить какой-нибудь сельский клуб, резонно рассудив, что большой районный очаг культуры — это одно, здесь нетрудно обеспечить «показуху», и совсем другое — маленький сельский «очажок». Уж здесь-то истинная ситуация с развитием культуры должна быть как на ладони.

Порешили так и сообщили о своём желании в округ.

В окружном управлении культуры долго не размышляли, куда везти высоких гостей. В Нидым, что в двадцати пяти километрах от Туру. И добираться удобно — на водомётном катере-«каэске» по красавице Нижней Тунгуске плыть всего минут сорок, и село средней руки, не большое и не маленькое.

Завклубом там был Василий Э., опытный местный кадр: и певец, и балагур, и художник. Большой, между прочим, энтузиаст культурного фронта. Возглавляемый им клуб неоднократно становился победителем районного и окружного смотров, всегда был разукрашен самыми разнообразными средствами наглядной агитации, как долговременного применения, так и к конкретным датам и событиям.

Но была лишь одна закавыка: Василий Э. слыл также страстным поклонником Бахуса и периодически отправлялся «в Бухару». Председатель Нидымского исполкома, маленькая, но очень волевая женщина (её в селе не просто уважали, но и побаивались), клятвенно заверила заведующего управлением культуры, что глаз не спустит с Василия и не позволит ему выпить ни грамма спиртного — как за несколько дней до приезда комиссии, так и во время пребывания оной в селе.

Сказано — сделано. Когда высокая комиссия прибыла в Туру (а было в ней человека четыре), её посадили на катер и повезли по Тунгуске

в Нидым. Надо ли говорить, что никто из гостей не захотел спускаться в каюту — все стояли на палубе и только тихо ахали, разглядывая проплывающие за бортом рокошущего судёнышка живописные, сплошь покрытые изумрудной лиственничной тайгой высокие берега.

В Нидыме всё прошло великолепно. Василий Э. был трезв как стёклышко, красноречив и предупредителен. Комиссии понравились и сам клуб, и его содержимое, и особенно — заведующий. Председательша Нидымского исполкома вся светилась от удовольствия, благосклонно принимая поздравления.

— Ну, зайдёте ко мне, чаю выпьем, — предложила она гостям.

— Разве что на пять минут, — согласились те. — Нам сегодня надо ещё к секретарю окружкома попасть.

— Василий, пойдём и ты с нами, — доброжелательно сказала председательша.

— Нет, спасибо, — скромно отказался он. — Мне тут надо ещё один плакатик дорисовать.

Члены комиссии погостили у председателя сельисполкома пять не пять, но минут тридцать — это точно. Вышли они вместе с хозяйкой оживлённые, порозовевшие — наверное, попили не только чаю, — и направились к берегу Тунгуски, где их ждал катер.

А накануне прошёл сильный дождь, и на улицах Нидыма стояли лужи. Особенно большая образовалась как раз напротив клуба. И, острожно огибая её, члены комиссии увидели, что посреди водной преграды кто-то барахтается: пытается встать — и тут же валится набок, сопровождая все эти свои телодвижения отборными ругательствами.

К своему ужасу, председательша узнала в этом «пловце» завклубом Василия Э. Да когда же он успел, а главное — где? Ведь она строгонастроено наказала не только продавщице магазина, но и всему ближайшему окружению Василия не отпускать и не наливать ему водки. И вот он — во всей красе. И это после недавнего триумфа (председательша уже прикинула в уме тот прок, который удастся извлечь для сельского очага культуры после сегодняшнего визита высоких гостей)!

Узнали Василия и члены комиссии. С их лиц медленно сползло выражение удовлетворённости, тут же заменяемое разочарованием и растерянностью.

Что оставалось делать председательше? Она была в резиновых сапогах, а потому решительно прошлёпала к обитателю лужи, остановилась около него и начала стыдить:

— Эх, Василий, Василий! Ну как же так можно? Что про тебя, про нас подумают в министерстве культуры? Ведь как всё было хорошо, хотели тебя на Доску почёта повесить, а клуб выдвинуть на победителя краевого соревнования. А теперь что? Ты всё сам испортил! Говорят же: свинья грязь найдёт. Вот ты и нашёл её. А ещё работник культуры! Тьфу на тебя!

Раздосадованная председательша плюнула в лужу рядом с Василием (или на него?) и побрела к берегу. Василий, всё это время смиренно лежавший на спине и молча глядевший в безоблачное синее небо, внезапно оживился. Из лужи поднялась его рука с вытянутым к этому самому синему небу указательным грязным пальцем.

— Культуру не заплюёшь, женщина! — оскорблённо пробулькал он вслед удаляющейся председательше.

Комиссия зашла в истерическом хохоте. Это и спасло Василия. Конечно, ни на какую Доску его не повесили, но зато и не сняли с должности: высокие гости здраво рассудили, что такие преданные культуре люди на дороге не валяются. Разве что только иногда...

ФИННЫ ЗА УГЛОМ

В начале девяностых финские кинодокументалисты сняли в совхозе «Полигусовский» прекрасный фильм о жителях этого таёжного села, об оленеводах. Съёмочная бригада как приклеилась к одной молодой эвенкийской семье, кочующей вместе со своим стадом по тайге, так и не отставала от неё в течение нескольких месяцев.

Камера неотступно следовала за оленеводами, фиксируя каждый их шаг, каждую мельчайшую деталь несложного таёжного быта, и люди, привыкшие к оператору, уже не обращали внимания на него и жили своей обычной жизнью, отчего потом у зрителя, смотревшего этот фильм, создавался эффект собственного присутствия в оленеводческом стойбище.

Когда лента была отснята и смонтирована, творческая бригада сочла нужным привезти её из своего далёкого Хельсинки на премьерный показ к персонажам фильма, в эвенкийский посёлок Полигус.

Оттуда в Туру финские киношники вернулись, опьянённые успехом (стены сельского Дома культуры во время демонстрации фильма никогда ещё не видели такого количества зрителей, не дрожали так от аплодисментов), и не только.

Когда я напросился на интервью с финнами и пришёл ближе к обеду в гостиницу, то нашёл их, и особенно режиссёра, заросшего чёрной роскошной бородой, явно «повреждёнными» вчерашним. Тем не менее разговор у нас получился, материал обещал быть интересным, оставалось задать ещё пару уточняющих вопросов. И тут сопровождающая финнов переводчица, молодая разбитная девчонка, сообщила, что им пора на обед, а потом и в порт, на самолёт.

— А можно я пойду с вами? — попросил я. — Надо бы договорить...

Переводчица коротко переговорила с киношниками. Те согласно закивали головами.

Я сказал, что подожду их в холле гостиницы. Только вышел из номера, как услышал характерный звон стекла, бульканье...

На обед мы пошли в ресторан (днём — обычная столовая) «Орон». Все были нормальными, а вот режиссёра уже начинало заносить на

ходу. «Ты смотри,— ещё подумал я,— глушат-то водку они по-нашему, по-русски. Значит, правду говорят и пишут о финнах, что они специально мотаются на выходные в Питер попойнствовать, поскольку спиртное у них очень дорогое».

В полупустой столовой финнам предложили гороховый суп, на второе — котлеты из оленины, были ещё какие-то салаты. Я включил и поставил на стол диктофон, и пока киношники хлебали суп, продолжал «добивать» их вопросами. Бородатый режиссёр после каждой отправленной в рот ложки супа как-то странно гримасничал и всё больше хмурился. Было видно, что его совершенно развезло, и на мои вопросы за него уже всюю отвечал сценарист.

Внезапно режиссёр что-то проворчал, залез себе в рот и... вытащил оттуда сначала нижнюю, а потом и верхнюю вставные челюсти. Все сидящие за столом остолбенели, а потом нервно захихикали. Режиссёр, продолжая что-то сердито шамкать, носовым платком счищал со своих пластмассовых запчастей налипшие горошины. Меня же при этом поразил не столько сам этот скотский поступок пьяного, хотя и именитого, финна, сколько то, что он в таком возрасте — ему было не более сорока — оказался совершенно беззубым.

Переводчица, с трудом удержав рвотный позыв (признаться, и мне, повидавшему всякое, было также не по себе), извинилась за своего подопечного, в том числе и от имени его соотечественников. — Да ладно, чего там, бывает, — успокоил я её.

Уже можно было раскланиваться. Но вот так сразу уйти было как-то неловко. Ещё подумают, что обиделся. Финны между тем допивали жидкий чай. Сценарист купил переводчице «сникерс». Так ловко разделила шоколадно-ореховый батончик ложкой прямо на фантике на несколько частей и, довольно жмурясь, по очереди стала отправлять их себе в рот.

Наконец обед закончился, и мы все пошли к выходу. Тут бородач снова забеспокоился и о чём-то спросил переводчицу. Она сердито ответила ему. Финн, упрямо выставив свою бороду, повторил вопрос более настойчиво.

— Где тут туалет, не подскажете? — вздохнув, спросила меня переводчица.

— Кажется, за углом, — вспомнил я. — Пусть идёт прямо по коробу теплотрассы. Только поосторожнее, там может быть... ну, скользко.

Дело было зимой. Пьяного режиссёра в такое рискованное путешествие одного не отпустили. Его вызвался сопроводить оператор. Взяв бородача под локоток, он помог ему забраться на заснеженный короб теплотрассы и, бережно подталкивая сзади в спину, повёл в сторону дощатой будки. Туда они шли медленно. Оттуда вылетели пулей. Глаза у обоих были испуганные. Ещё минуту назад пошатающийся режиссёр выглядел совершенно трезвым.

Здесь же, у столовой, мы распрощались. Финны отправились в гостиницу — собираться в дорогу. Я хотел было идти к себе в редакцию, но сначала решил заглянуть в ту самую скромную будку, которая так напугала финнов.

То, что увидел я, ошеломило даже меня.

Во-первых, дощатые двери сортира на две персоны были открыты настежь и не закрывались, поскольку были вмёрзшими в лёд, происхождение которого не вызывало лишних вопросов. Во-вторых, в самих кабинках покоились полуметровой высоты пирамиды. Не верилось, что это мог «создать» человек, существо думающее. Но примёрзшие окурки, смятые газетные клочья выдавали, что сортир регулярно посещают люди и карабкаются на эти самые пирамиды, чтобы сделать их ещё выше...

А фильм тот об эвенкийских оленеводах на каком-то международном кинофестивале получил престижную премию. Бородатый же режиссёр вскоре умер у себя там, в Хельсинки. Остаётся лишь надеяться, что не от полученного в Туре потрясения.

Пирожки

Эта история случилась в выборную президентскую кампанию в середине девяностых годов. Понятно, какая при этом ответственность ложилась на избирательные комиссии на местах. В том числе и на избирком одного из северных автономных округов (далее вы поймёте, почему я не привожу название этой территории, как и подлинное имя героини данной истории).

Задача стояла в обеспечении если не стопроцентной, то максимальной явки избирателей. Выборы прошли просто замечательно. Округ дал один из самых высоких процентов явки не только в крае, но и в стране. Ну а одна из самых высоких явок была обеспечена электоратом национального поселения У, где председателем участковой избирательной комиссии была весьма уважаемая односельчанками мастерица на все руки, местный кадр Аглая Павлиновна. Здесь на избирательный участок явились чуть ли не все сто процентов избирателей, и почти столько же из них отдали свои голоса за Ельцина.

Но прежде чем вкусить сладость победы, Аглае Павлиновне надо было сдать в окрибирком все до одного использованные бюллетени, протоколы участковой избирательной комиссии, ну и отчитаться за расходование определённой суммы денег, выделенных на организацию и проведение выборов.

Принимая пакеты с бюллетенями, председатель окружной избирательной комиссии с лёгким недоумением обратил внимание на то, что они были немного, как бы это сказать помягче, жирноватые и от них исходил необъяснимо пряный запах. А когда он прочитал в авансовом отчёте, что значительная часть выделенных средств

была потрачена на приобретение... мешка муки, председатель стал мучительно тереть лоб, пытаясь что-либо понять.

Но внешний вид использованных в У. бюллетеней и купленный членами избирательной комиссии на выборные деньги мешок муки никак у него там, в черепной коробке, не срастались. И тогда он с недоумением спросил у Аглаи Павлиновны:

— А зачем вам там нужен был мешок муки?

— Так стряпались! — простодушно ответила та.

— Как это — стряпались?

— Ну, пирожки же пекли. . .

— С чем? — ещё ничего не понимая, спросил председатель избиркома.

— Ну, какие с картошкой, какие с мясом. С мясом лучше получились.

— Это сколько же у вас пирожков получилось, и зачем вам их столько нужно было? — поразился председатель избиркома. — Что, есть в посёлке нечего было?

— Как это нечего? — оскорбилась за своих земляков Аглая Павлиновна. — Сами же знаете, у них у каждого и рыбы, и оленины хоть завались. А пирожки мы напекли для избирателей. Ну и для себя немножко.

— А вот с этого места подробней! — попросил председатель, чувствуя, что находится при зарождении сенсации, пусть и негласной.

— Ну, мои земляки очень любят пирожки, а вот печь их не любят, да и не умеют, — терпеливо стала рассказывать Аглая Павлиновна. — Вот я и решила им сделать приятное в день выборов. . .

Вообще-то на языке закона то, что сделала Аглая Павлиновна, называется «подкуп избирателей». На Севере иные недобросовестные кандидаты в депутаты и их сторонники нередко прибегают к привлечению электората на свою сторону самым отвратительным способом, призывая их проголосовать «за кого надо» путём раздачи водки до и после выборов. Впрочем, этот путь не только опасный (при уличении наказание может последовать самое строгое), но и малопродуктивный. Пьяные избиратели частенько просто забывают явиться к урне.

Аглая Павлиновна, зная об этом, решила пойти нетривиальным путём. За день до выборов она пустила среди односельчан слух, что на избирательном участке будут угощать горячими пирожками. И сама же с членами участковой избирательной комиссии и добровольными помощницами из числа односельчанок всю ночь пекла эти пирожки в нескольких домах. Получилось несколько сотен!

И когда ранним утром они, взявшись с обеих сторон за ручки, несли две огромные тяжёлые кастрюли с этими ещё горячими пирожками к месту проведения выборов, от окутавшего посёлок аромата с ума сошли все собаки. А у ещё запертого избирательного участка, расположившегося в сельском клубе, их уже ждала нетерпеливо гомонящая толпа местного электората.

Надо ли говорить, что все до одного выборные бюллетени уже к полдню разлетелись, как горячие пирожки! Вернее, пирожки с бюллетенями: один пирожок вручался перед голосованием, а второй — после. Иные избиратели норовили подойти повторно, но были позорно изгнаны строгой Аглаей Павлиновной со словами: «Вот теперь домой иди и сама (сам) себе их напеки!» Электорат покидал избирательный участок с довольным блеском в глазах и с маслянистыми пальцами и губами. А главное — трезвым и честно выполнившим свой гражданский долг!

История умалчивает, были ли применены к находчивой Аглае Павлиновне какие-либо санкции за столь необычный метод привлечения избирателей к урнам для голосования. Но результаты выборов в У. были признаны действительными и самыми высокими.

А эти замечательные истории мне рассказал работавший в начале девяностых годов главой администрации Илимпийского района Эвенкии, а задолго до этого — зоотехником в совхозах «Байкитский», «Нидымский», эвенк Анатолий Александрович Яковлев (ныне, увы, покойный). С удовольствием перескажу их вам.

ОСИНОВОЕ СЕНО

Когда меня в шестидесятые годы направили в совхоз «Байкитский» главным зоотехником, в самом хозяйстве не было ни одной коровёнки, их держали отдельные частники, и перебивались люди, а что самое обидное — детишки, сухим молоком. И вот задумали мы у себя в совхозе завести молочно-товарную ферму. Сказано — сделано. Я лично ездил на «материк», отобрал там шесть десятков коров. И поплыли осенью наши бурёнки на баржах сначала по Енисею, потом по Подкаменной Тунгуске к нам в Байкит.

Встретили их здесь как родных. В совхозе для бурёнок уже подготовлено было скотопомещение, подобраны доярки, скотники, заготовлены корма. Но вот сена, с учётом предстоящей восьмимесячной зимы, было совсем мало. Ну, может, на месяц-другой хватит. А дальше? Ведь на одних комбикормах корова не проживёт, ей обязательно нужна жвачка.

И получалось, что привёз я бурёнок на Север, за тридевять земель, на верную гибель.

Я ночами перестал спать, похудел, что делать — не знаю. И никто подсказать не может, как тут быть. Спасение пришло с неожиданной стороны. Как-то зашёл в контору опытный таёжник Михаил Петрович Гаюльский (ныне покойный). Сидим, курим. И тут он мне говорит:

— А чем сохатый отличается от коровы?

Задумался я, припоминая. Да вроде та же самая скотина, даже биологическое и физиологическое устройства бурёнки и лося принципиальных различий не имеют.

— Так вот, — продолжает Михаил Петрович, — сохатый-то зимой прекрасно обходится без сена. И знаешь, за счёт чего? Осину гложет.

Меня как током ударило. А ведь верно: есть у нас неподалёку гряда, вся поросшая осинником, так там сохатые чуть ли не стадами бродят, и весь осинник к концу зимы остаётся погложен крепкими лосиными зубами. Ай да старик, ай да голова! Надо же — додумался. Но радоваться было ещё рано. Во-первых, в каком виде подавать нашим бурёнкам эту осину, во-вторых, примут ли они её вместо сена? Не поленьями же кормить. И тут грамотный таёжник подсказал: надо наделать из осины стружек потоньше.

И мы, в большой тайне от односельчан (узнают — засмеют!), для пробы приволокли с той самой гряды ствол осинового дерева к совхозной столярке, распилили его на чурбаки метра по два и попросили столяра Михеича все их перевести на стружку.

Михеич было заартачился: мол, что мне, заняться больше нечем? Но мы его убедили, что так нужно. И начал стругать столяр рубанком — ширк да ширк. А осина — дерево мягкое, податливое, стружка так и вьётся. И запах от неё — неповторимый.

Набили мы этой стружкой мешок и быстренько его — на ферму. Облюбовали одну коровку и разложили перед ней три кучки: в одной — сено, во второй — комбикорм, в третьей — осиновая стружка, — и затаили дыхание. Корова шумно вздохнула и сначала взялась за сено.

Похрупала им, а потом, минуя комбикорм, ткнулась мордой в осиновую стружку. Мы тут и вовсе обмерли, ждём. А бурёнка (как будто делала это всю свою коровью жизнь) без малейшей заминки захватила полным ртом пахучие стружки и ну давай их нажёвывать. Ура! Мы спасены!

Потом мы открыли столяру, зачем нужна была стружка, специально подсчитали, сколько за день он может настругать осины (выходило что-то около трёхсот килограммов), да и поручили ему важнейшую работу на всю долгую зиму. За неплохую — до четырнадцати рублей в день — по тем временам зарплату.

Стружку смешивали с комбикормом, так и выходили наших коровок. Ни одна не пала. Мало того, они у нас поправились, а молоко давали с жирностью намного выше базисной.

На этом можно бы и закончить. Но наша затея с кормлением коров осиновой стружкой получила в округе неожиданный резонанс. Я в то время оставался за директора совхоза и, как руководитель, поехал в Туру на очередную сессию окрсовета.

В своём отчётном докладе председатель окрисполкома вдруг обрушился на Байкит: мол, там докатились до того, что коров стали кормить дровами! Зал взорвался хохотом. Я этого стерпеть не мог, попросил слова и всё обстоятельно рассказал. Аплодисменты!

И осиновое «сено» ещё не раз выручало нас в трудную пору...

БЫВШИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ ЧЕЛОВЕКИ

На Север раньше заносило немало неустроенных в этой жизни людей, которых с чьей-то лёгкой руки называли бичами, то есть — бывшими интеллигентными человеками. Разные были среди них, в том числе и вконец опустившиеся. Но были и такие, что сохранили в себе человеческое начало, не утратили опыта и навыка в некогда любимом деле. Впрочем, всё по порядку.

Директор совхоза ушёл в отпуск, приказом оставив меня за себя. А отпускá на Севере долгие. А раз я за директора, то и стали меня за него вытаскивать то на пленум райкома, то на сессию райсовета.

Недостатков, проблем на селе всегда было много. Вот на этих форумах и «чесали» руководителей вдоль и поперёк буквально за всё. Не стал исключением и я.

Никого не интересовало, что я замещаю директора временно, выдавали на полную катушку: за то, что нет дров у населения, за то, что вода людям подвозится не вовремя, за плохой ремонт и т. д. и т. п.

Так у меня появилось сразу несколько выговоров, хотя как к зоотехнику у районного руководства ко мне претензий не было.

Особенно доставалось мне за ремонт школы и детского сада в оленхозьястве «Суриндинский». Ну нечем, а главное, некому было его ремонтировать.

Вот так сию я как-то в конторе после очередной взбучки, обхватив голову руками, проклиная всё на свете. И вдруг кто-то стучится в дверь.

Вошли двое мужчин, рослые, но такие мятые, в такой одежонке... Одно слово — бичи. Стоят, переминаются с ноги на ногу.

— Вам чего?

— Нам бы работёнку какую, начальник.

— А что вы, — спрашиваю, — можете?

Мужики, оказалось, могут многое. Один — бывший прораб, второй — геолог с высшим образованием. Оба работали простыми рабочими в геологической партии. Та, сделав своё дело, перебралась куда-то подальше, а мужики запили на расчётные деньги и застряли в Байките, выбраться не могут, и жить здесь не на что.

— Мне, — говорю, — кровь из носу школу и детсад надо отремонтировать. Сможете?

Прораб сказал, что надо бы посмотреть на месте, что и как, смету составить, договор заключить. Вижу, что они, похоже, в самом деле соображают в этом деле.

Отвёз их в Суринду и сразу — на объекты. Походили мужики, посмотрели.

— Возьмёмся, — говорят.

Устроил я их, продуктов выписал и всё такое. Прораб тут же засел за смету. Наутро отдаёт её мне.

—Надо,— говорит,— утвердить её в районе, а в ПМК пусть заверят подлинность расчётов, тогда деньги пойдут на ремонт...

Он всё подробно объяснял мне потому, что я-то в этих строительных делах мало что тогда смыслил. Поехал я в райцентр Байкит, зашёл в ПМК.

А там посмотрели на смету и уважительно спрашивают, где это я себе такого отличного строителя нашёл. Не помню уже, что я сказал в ответ, но уяснил: мужики мне попались толковые, даром что бичи. Утвердил смету — и обратно в Суринду.

Работа закипела. Поскольку сами мои нечаянные ремонтники вдвоём не справились бы, дал им ещё несколько человек в помощь... И через несколько недель всё было готово.

Поблагодарил я Прораба и Геолога (так я их называл про себя), выдал им зарплату, на том мы расстались. А через несколько дней мне звонят из милиции:

—Мы тут подобрали двух алкашей. Говорят, что ваши рабочие. Забирайте!

Пропились, оказывается, вдрызг Прораб с Геологом. Они всё же собрались вылететь в Красноярск, но не могли добраться до аэропорта — по дороге из гостиницы набирались «под завязку».

Короче, выпустили их из милиции, и они снова заявляются ко мне:

—Выручай, Анатолий Александрович, дай какую-нибудь работу, иначе подохнем с голоду. Да и на «материк» надо выбираться, пора.

Меня и зло взяло на мужиков: ну что это за дела такие? — и жалко их: действительно пропасть могут. Какую же им работу дать? А у нас уже несколько лет стояла без дела новенькая пилорама. Завезти-то её в совхоз завезли, а вот смонтировать не нашлось кому.

—Возьмётесь?

—Что за вопрос! — отвечают, повеселев, мужики. — Вот только смотреть надо...

—Смету составить,— подсказываю я.

—Во-во.

Походили они вокруг пилорамы, почесали в больных затылках: —Лександрыч, за сметой дело не станет. Вот только поправиться бы нам самую малость, а то ручка в руках держаться не будет, да и мозги в оцепенении.

«Чёрт с вами,— думаю,— опохмеляйтесь, только пилораму сделайте». Купил за свои деньги пол-литра, опять же устроил их с жильём, продуктов подбросил.

Составили они смету, я утвердил её в ПМК, где мне ещё раз позавидовали насчёт классного специалиста. И работа пошла. Прораб с Геологом мало того что смонтировали пилораму, так ещё по моей просьбе заготовили столько пиломатериала — на год хватит.

Пришло время расставаться. Явились мужики за расчётом.

— Нет, — говорю, — так дело не пойдёт. Вы себе не хозяева, опять запыёте, а работы для вас у меня больше нет.

Купил им билеты, проводил до самолёта, а деньги отдал перед самой посадкой. Вот только так мужики и улетели в Красноярск.

Директор вернулся из отпуска — у него глаза на лоб:

— Как ты умудрился столько работы повернуть?

— Да проезжали тут мимо специалисты высокого класса, — говорю. — Еле уговорил их подсобить...

Александр Ёлтышев

РВАННЫЕ ШТАНЫ

Лучи закатные длинны,
по лужам блики кувыркались,
с восторгом рваные штаны
мне, как видение, являлись.

Моё бесцельное шатанье
бульваром, где асфальт истёрт,
торжественное рваноштанье
сопровождало, как эскорт.

А если мыслить эпохально,
то идеалам мы верны
и элегантно-актуальны,
как нынче рваные штаны.

ПАУТИНА

Я вытряхнут из паутины,
прости, дружище Интернет.
На побережье кряк утиный,
и шлют лесистые вершины
цивилизации привет.

А меж закатом и восходом
расслабленная тишина,
морской залив врачует йодом,
ни маяка, ни парохода,
и даже ругань не слышна.

И жаждешь чуда из пучины,
когда волшебница-вода
бросает к небесам дельфина.
Я вытряхнут из паутины
и счастлив, что не навсегда.

ЛЮДОЕД

Людоед сожрал интеллигента —
с голодухи, а не по злобе,
не было печальней инцидента
в сложной людоедовой судьбе.

Нравственные муки одолели,
присосалась совесть, как вампир,
замаячил путь к заветной цели,
появилась боль за целый мир.

На душе тревожно и надрывно.
Кабы знал, кого ты поедал,
беззащитный, нежный и наивный,
не познавший жизни каннибал!

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

История весьма банальная,
хрестоматийная, увы:
у входа в площадь Театральную
сидят задумчивые львы.

Посланцы дружественной прерии
без экзотических затей,
один глядит чуть выше мэрии,
другой взирает в Енисей.

У первого упёрся взгляд
В гигантский круглый циферблат,
где дни и ночи напролёт
минуты кружат хоровод.

Другой же видит, как река
через пороги, сквозь века,
красу таёжную минуя,
несётся в вечность ледяную.

И не воротят головы
в величье замершие львы.

Царям звериным суждено
вовек осмысливать одно,
вбирая правду половинную...
Вот ты какая, доля львиная.

* * *

Юность шальная, эпоха невнятная,
в вечном смятении первая треть.
Как нам хотелось объять необъятное
и непонятное уразуметь...

Мозг в полудрёме, и чувства не бесятся,
не закипает от взгляда вода.
Вечно распахнута пропасть небесная,
но почему-то не манит туда.

ДЫМ

Сухая летняя беда:
в густой хвое пожары мечутся,
и дым таёжного отечества
угрюмо душит города.

За горизонтом спят дожди,
а может, вовсе похоронены.
И чуешь горлом горечь родины,
и суховей гудит в груди.

КРЕСЛО-КАЧАЛКА

Подошла нахально старость,
поседела борода.
Злость прошла, а грусть осталась,—
неужели навсегда?

В крес-качалку брошу кости,
плеер к уху подключу,
не пуская злости в гости,
с наслажденьем погрущу.

Ничего уже не жалко,
в перспективе — небеса...
Шевелись, моя качалка,
все четыре колеса!

Дмитрий Житенёв

Охота

Венок сонетов

1.

Рог Артемиды нас зовёт в леса!
 За ним! За ним — из сутолоки буден
 В страну, где каждый словно воскресал,
 Дыша в её просторах полной грудью.

Там журавлей осенних голоса
 Притихшие поля и доли будят,
 Февральская метель сугробы грудит,
 И прострочила чистый снег лиса.

Там пламенеет вешняя заря.
 В ней шёпот-заклинанье глухаря,
 И селезень в разливе страстно жвачит.

Кто скажет — счастье это иль беда,
 Что постоянно тянет нас туда
 Вослед за птицей, зверем и удачей?

2.

Вослед за птицей, зверем и удачей
 Стремимся мы, забросив все дела —
 Ремонт квартиры, огород и дачу.
 И тут всегда охотник — как скала.

Между кино, охотой или матчем
 Коль выбирать, когда нужда пришла,
 Наш выбор — сталь ружейного ствола!
 И выбор абсолютно однозначен!

Не подвела бы только нас погода —
 И сбудется, что ждём порой полгода.
 Наступит срок, и ты увидишь сам,

Как тает над рекой туман-завеса,
 Ярило поднимается над лесом,
 Как поутру в траве блестит роса.

3.

Как поутру в траве блестит роса!
На ней тетеревиные наброды.
Красавец пойнтер не попал впросак —
Почуяв дичь, на стойке замер с хода.

Заводчиков и гордость, и краса,
Старинная английская порода,
Чьи стати шлифовались год от года —
Колодка, прут и карие глаза!

Пиль! Трепет крыльев и сухой дуплет!
И солнца восходящего отсвет!
Как славно этот день сегодня начат!

Потом привал, в газете бутерброд,
Дым костерка, огромный небосвод,
И кроншнеп над болотом где-то плачет!

4.

И кроншнеп над болотом где-то плачет!
Он душу выворачивает, рвёт,
Прощаясь с летом! В воздухе прозрачном
Кружится лист, и вдаль зовёт Нимрод!

Ледком простор озёрный будет схвачен,
В ежеосенний двинутся исход
Армады птиц, верша круговорот,
Что им навеки свыше предназначен.

Проходит всё. И эта ночь истает —
У горизонта Сириус блистает,
Неугасимый знак Большого Пса.

Чу! Еле слышно, где-то там, над нами,
Среди созвездий, зашумев крылами,
Косяк гусиный режет небеса.

5.

Косяк гусиный режет небеса.
Уже светает. Зеленеет озимь.
Вокруг скрадка приманки разбросав,
Застыл охотник в неудобной позе.

Следит за стаей, глядя искоса,
Мечтает о презренной вроде прозе —
Чтоб с поднебесья грянулся бы оземь
Гусак-гуменник, словно куль овса.

В патронники заложены нули,
А в мыслях бьётся — только б не ушли! —
И сердце, будто мяч, стучит и скачет!

Они — уж вот! Планируют, лощат!
Краснеют лапы, и глаза блестят!
Приклад в плечо — и выстрела отдача!

6.

Приклад в плечо — и выстрела отдача!
Эх, мимо! Лишь кружение пера...
Ну, ничего, что выстрел неудачен,
Ведь ждёт нас зверь. Огромный, как гора.

Тот самый, что в снегу берлогу прячет.
Винтарь — за плечи, ножны — у бедра!
Уже собаки рвутся со двора
В тайгу, где бродит он, лохмат и мрачен.

Щелчок затвора — и в стволе патрон!
Держи прицел! Хозяин разъярён —
Две лайки у него висят на гачах.

Удар! Медведь ползёт, кровава снег,
Но лёг. Гото-о-ов! Стрелка чуть нервный смех.
Трофея тяжесть! Ну а как иначе?

7.

Трофея тяжесть! Ну а как иначе?!
В охоте без него и смысла нет.
Пусть иногда он должен нам маячить,
Хоть и далёкий, но надежды свет.

Лукавят, что добыча мало значит.
На это у меня один ответ:
Охотнику награды лучше нет,
Когда не зря патрон его истрачен.

А ну-ка! Чей глухарь потяжелее?!
Поздравь приятеля, чуть-чуть жалея,
Что чувства не измерить на весах.

Да впереди охот так много разных!
На улице и нашей будет праздник!
Всегда охотник верит в чудеса.

8.

Всегда охотник верит в чудеса,
В приметы, знаки, древние преданья,
Но больше в то, далось что от отца,
В наследственное дедовское знанье.

Как древние тунгус или масай,
Заплатим мы за фарт особой данью,
И сбудутся все наши ожидания,
Когда пойдёт везенья полоса.

И в наше время, как это ни странно,
Мы свято верим в силу талисмана,
В особенную над охотой власть.

В огонь костра кусочек хлеба бросим,
У добрых духов милости испросим,
Чтоб утолить языческую страсть.

9.

Чтоб утолить языческую страсть,
Коль дома ты, достань свою двустволку.
Проверь стволы: там ржавь не завелась?
Прикинь ружьё к щеке — курком не щёлкай!

Сотри несуществующую грязь.
Всё делай с расстановкой, с чувством, с толком.
Не торопись вернуть ружьё на полку,
А в одиночестве любуйся властью

Отливом вороненья чёрно-синим,
Изыществом и женственностью линий
И знай — мужского это дела часть.

Не может быть мужчина безоружен!
Однако понимать любому нужно,
К какому надо роднику припасть.

10.

К какому надо роднику припасть,
Чтобы ожили образы былого?
Как сделать, чтоб душа не осеклась?
К старинным книгам обратиться! К слову!

Борзые скачут там, стернёй стелясь.
Улю-лю-лю! В намёт! Стучат подковы!
Вот-вот борзятник примет матерого,
И на кровях поднимет чарку князь!..

Расскажут альманах или журнал,
О чём ты знал, а может, и не знал.
Листаешь их, наверно, раз уж в сотый.

Шуршат страницы, словно камыши...
Всё это — как лекарство для души,
Когда ты суетой мирской измотан.

11.

Когда ты суетой мирской измотан,
Не веришь ни в победу, ни в успех,
Когда не радуют друзья, работа,
На жизнь нам всё же обижаться грех.

Чем в бедах обвинять своих кого-то,
Подумай: ведь, в отличие от всех,
Тебе дана утеха из утех!
Утеха настоящая — Охота!

Забудешь с ней упрёки, и терзанья,
И поиски основы мирозданья,
И жизнь пойдёт совсем не абы как.

Твой кречет сядет на руке святого!..
Во исполненье чаянья простого
Возьми ружьё и собери рюкзак.

12.

Возьми ружьё и собери рюкзак.
Но где же твой товарищ настоящий,
Кто знает, что охота — не пустяк,
Кого в Сибири называют: связчик?

Любое дело ладить он мастак —
С тобою вместе нарту с грузом тащит,
Торит тропу в непроходимой чаще,
Поможет молча на крутых местах.

С ним не страшны тайга и рёв порогов,
Опасности и беды, коих много,
Мороз и ночи непроглядный мрак.

И если даже нынче не с тобой он,
Душой вы вместе. Будь всегда спокоен,
Скажи пароль и смело сделай шаг.

13.

Скажи пароль и смело сделай шаг.
Пароль наш поколениями проверен.
Ни пуха ни пера! Не сглазь, земляк!
Ни пуха ни пера! И — настезь двери!

Волшебные слова! Они — как знак,
Что дух отцов и дедов не утерян,
Что мы принадлежим к единой вере
Стрелков, романтиков, лесных бродяг.

И вот мы там уже! Шагнёшь едва,
Закружится знакомо голова
От сфагнового запаха болота.

Бекас метнётся, дупель прокряхтит,
Как будто приглашая нас войти
В страну, что называется *охота*.

14.

В страну, что называется *охота*,
Для посвящённого свободен вход.
Но помни каждый: есть ещё забота!
Не забывайте, кто туда войдёт,

Как уязвима и хрупка биота,
Как незаметен этот переход
От жизни к смерти и наоборот,
И *кто* потребует у нас отчёта!

Да, смертны мы, но Жизни нет предела.
Смотри! Луна, страж ночи, побледнела,
Её сменяет Солнце на часах,

И расцветает золотое утро,
Трубит охотник в островах, как будто
Рог Артемиды нас зовёт в леса!

15.

Рог Артемиды нас зовёт в леса
Вослед за птицей, зверем и удачей!
Как поутру в траве блестит роса,
И кроншнеп над болотом где-то плачет!

Косяк гусиный режет небеса.
Приклад в плечо, и выстрела отдача!
Трофея тяжесть! Ну а как иначе?
Всегда охотник верит в чудеса.

Чтоб утолить языческую страсть,
К какому надо роднику припасть,
Когда ты суетой мирской измотан?

Возьми ружьё и собери рюкзак,
Скажи пароль и смело сделай шаг
В страну, что называется *охота!*

Ольга Гуляева

* * *

От страха жизни и прочих нелепых культов
У азиата в лавке — мешок цукатов.
А мне милее Сократ и его цикута,
А я, выходит, милее ему — Сократу.

Поют цикады, будучи в полном праве.
Да всё равно — агностик ты, гностик, мистик.
А я живу и знаю: друзей не травят —
Друзья дороже разных нелепых истин.

Твоя ли правда, моя ли важнее правда,
А разбираться в этом — такая скука.
Но ты привычно видишь во мне Сократа
И не желаешь видеть во мне цикуту.

* * *

Поют вороны, солнце, гуано тает.
Маршрут трамвая вечно лежит на рынок.
Стою со всеми, надо филе минтая,
И понимаю чётко, что тьма накрыла.

Набрать пирожных, слизывать крем с пирожных,
Накапать масла в редьку, сидеть поститься.
Но здесь пока из постного — только рожки.
Ах, извиняюсь: это, конечно, лица.

И даже шлюхи ходят привычно в сером.
Никто не станет их побивать камнями —
Сейчас для этой радости есть соцсети
И много чётких добрых иных понятий.

И тает вера маслом в народных массах,
Распространяя тёплый приятный запах.
И мать Иуды вновь покупает масло,
И варит кашу с маслом ему на завтрак.

МАНГО

Тепло, темно, устало, полусонно;
Закреть глаза — и ничего не страшно:
Я становлюсь малюткой удивлённой,
Нашедшей под подушкой Чебурашку.

Да кто его туда подбросил? Может, мама?
Для Дед Мороза вроде рановато.
Да вот же мама, мама чистит манго,
Даёт кусочек мне, кусочек брату.

Отрывки снов, клочки воспоминаний —
Нейтральных, нежных, бледных, ярких, грустных —
И каждый мой уже большой племянник
Становится малюткой Иисусом,

И звук летит, сплетаясь с ароматом,
И Санты к детям на оленях мчатся,
И чья-то мама где-то чистит манго,
И полночь в Петропавловске-Камчатском.

ВАЛЯ

Александр на лавочке выпивает,
Всё спешит куда-то соседка Валя,
И стремятся навстречу ей
Воробьи, трясущие головами,
И Красраб, и люди внутри трамваев,
И трамваи внутри людей.
А соседи сверху, Тамара с Гогой,
Завели неделю назад бульдога
И гуляют по парку с ним.
Дома лает, справиться с ним не могут.
Неизвестно, верит ли Валя в Бога,
Но у Вали — нимб.
А под нимбом у Вали платок в горошек.
Валя любит собак, и, конечно, кошек,
И людей в трамвае, и сам трамвай.
Днём поспит, подумает о хорошем,
А потом батон воробьям раскрошит —
Клевать.

* * *

Ледяная шаманка своё одеяло латает.
Прилепилась луна к небосклону латунной заклёпкой.
Без меня отправляются все самолёты в Паттайю,
Без меня полетели в Колумбию все самолёты.

Растворившись в ладони, погасла большая снежинка —
Вознесётся до неба, воскреснет в Нью-Йорке в июне.
Эти виды не кажутся больше такими чужими.
Эти слёзы не станут уже раскалённой латуною.

Удаляются с миром хромые мои обезьяны,
Удаляются прочь и обратно приходят внезапно.
Ледяная шаманка латает своё одеяло.
Самолёты находят причины для мягкой посадки.

* * *

Гранит изгрызен, сжёвана ботва,
А пересдачи будут автоматом.
И сообщает: «Ты такая тварь», —
Подвыпивший не детский аниматор.

И смотрит продавщица, щас, кажись,
Я упаду под гусеницу танка,
И измеряет — удалась ли жизнь —
Балансом карты некоего банка.

А за окном всё так же что-то есть —
Шумит и стонет, дышит, ждёт морозов.
Я не боец, я так себе боец,
Но ведь иду, выдумываю лозунг;

И страшен каждый встречный человек —
Сейчас, потом, и те, что были раньше.
Я ни хрена не заяц-экстраверт
И даже вряд ли заяц-барабанщик.

Иду, хочу читать «Москва Ква-Ква»,
Бумажную, цветную, не с экрана.
Я тварь. Сегодня я такая тварь.
А значит, я на всё имею право.

КОРАБЛИ СПАСАТЕЛЕЙ

Настоящее есть, у кого его выторговывать,
Как его испытывать по касательной?
Свиристыли летят, хохлатые, бестолковые —
Притворяются свиристылями корабли спасателей.

А любое небытие противно и унизительно,
Даже если верить в землю обетованную,
И, себе придумав крошечного спасителя,
Научиться про это себя обманывать,

И оправдывать жизнь, для чего-то всегда оправдывать;
Улыбаться чужим, называть их своими братьями,
Не испытывать радость, доказывать всем обратное
И носить в кармане крошечного карателя.

Можно плакать, паниковать, но это не обязательно,
Ни к чему сейчас рыдания и истерики —
Потому что летят корабли спасателей,
Притворившись толстыми свиристылями.

* * *

Лето в разгаре, стоят проститутки на трассе,
Неподалёку от них о своём завывает койот,
А никого не топивший красивый мужчина Герасим
Для проституток весёлую песню поёт.

Он не андрей, не романович, не чикатило —
Завтра весёлую песню споют и ему;
Рядом с Герасимом ходит нечистая сила.
В вальсе кружатся енот и собака Муму.

Воздух наполнен теплом и предчувствием страсти,
Страсти сгущаются, как в кульминации Бах,
А никого до сих пор не убивший Герасим
Лучшие чувства свои воплощает в стихах;

Он исполняет их громко и харизматично,
А чикатило поёт, подавляя паскудный инстинкт.
В розовой пачке Муму, и чирикают птички.
Все абоненты сегодняшней ночью в сети.

ФИЗИКА

Где батюшка? Где, на худой конец, раввин?
Сбежать в Тибет, сбежать на Южный полюс —
Есть этот парень, жаждущий любви,
Как астероид, развязавший пояс.

И в ход идут произведенья масс,
Парсеки, мили, ньютонь, инь-яни,
Трактаты «Как бы не сойти с ума»,
Квадраты слов, квадраты расстояний.

Не станет ни тектоники, ни плит,
Ни кратеров, ни мыслей и ни монстров,
И от моей малюсенькой Земли
Останется апокриф ли, апостроф.

Разулыбаться всей Обской губой,
Расхотаться с неприступным видом...
В его глазах колеблется любовь,
Затягиваясь поясом шахида.

* * *

А воздух виден и содержит триггеры,
И считываю триггеры на раз.
Хочу плясать и весело подпрыгивать,
Хочу взорвать чего-нибудь. И КраЗ;

Всех мужиков подвесить за тестикулы —
В моём дворе не очень белый снег,
Но я же не какая-нибудь дикая,
К тому же это двадцать первый век.

А люди ходят нервные, но мирные,
И хочется заехать всем с ноги,
Но я иду и бурно имитирую
Большой петровский матерный загиб.

И полдень, и идёт бичок, качается,
Он любит выпить, но не мизантроп;
А маленькая девочка, как чаечка,
Глядит на мир и открывает рот.

* * *

Всё неправда. Всё вымысел чистой воды.
Кот Чеширский осыпался блохами с вечного дуба.
Осень давит улыбки и долбит с улыбкой под дых,
Подставляя для ласки пожухлые жёлтые губы.

Всё не так. Желторотая девочка-смерть
Пеппи Длинныйчулок заплетает тугие косички.
Каин падает Каем в объятия дюжины Герд.
В сентябре эта Пеппи особенно фотогенична.

Серо-бурые пятна расходятся в рыжих мазках.
Не финал, но финал-то всегда одинаков.
Ей не надо ни откуп, ни жертву прицельно искать.
Для компании хватит красивого мальчика Страха.

* * *

Трамваи едут прочь, смерзаясь с рельсами,
И нету здесь ни братьев, ни сестёр.
Я вижу это. Уровень агрессии
В моей крови стремительно растёт.

Из снежных баб никак не слепишь ромовых,
А снеговик глядит как боевик,
И ветер завывает, как юродивый,
О формах безусловности любви.

А завтра ветер стихнет обязательно
И станет лёгок, сдержан, деловит.
Я вижу это. Уровень эмпатии
Стремительно снижается в крови.

Софья Григорьева

* * *

Находка лучшая моя,
не окупившая потери,
сияет фраза, как маяк:
«Я в скуку дальних мест не верю!»

Какая ты громада, Русь!
Я подняла твою перчатку
и с той поры живу-стремлюсь
в нескуку, в дали, на Камчатку.

Маршрутов пёстрые лучи
бегут по карте от порога.
Для грусти вроде нет причин,
но лучше б не было зарока.

Ох, в жизни столько якорей...
И где, и в чём мои ошибки?
Всё не достигну я морей,
всё не уеду дальше Шилки.

Желают мне друзья мои
путей-дорог с весёлой песней...
Полувсерьёз пишу я им:
«Боюсь, ребята, не успеть мне.

Но коль в заоблачном аду
откроют мне иные двери,
я в них бестрепетно войду—
я в скуку дальних мест не верю!»

* * *

Привет, зима! Гляжусь в тебя опять,
в печальный лес входя морозным утром...
Твои снега сверкают перламутром,
и тихим светом жемчуга спелят.

Серёжек цвет червонно-золотой
вокруг берёзы вспыхнет ореолом,
и жёлтый лист, один на древе голом, —
янтарь январный, солнцем залитой.

А иглы сосен, зимне-зелены,
сродни по виду камням-гроссулярам —
гранатам тем, что, счастье суля нам,
воспеты так щемяще Куприным!

Вдруг спохвачусь: о чём же я пишу?
На снизку рифм, послушных мне и смирных,
сравнений столько вкралось ювелирных...
Я ж украшений сроду не ношу,

дышу к ним ровно. Равно и слова
не украшаю в жизненных сюжетах.
Поди ж, не зря в кругу друзей-поэтов
безобразной особой прослыла...

Но с настоящим прошлое сплелось:
весна, любовь, профессии начало —
гранаты... Жизнь, ты столько обещала,
и вот зима, а что-то не сбылось!

...И словно вдруг прольётся яркий свет.
Я несчастливей стану, стану чутче
и разгадаю, что мне душу мучит, —
ах да... ну да... гранатовый браслет.

ДИАЛОГ

Что ищу, не умею сказать.

Я пройду транссибирский состав
повагонно — вперёд и назад,
круто голову кверху задрав.

Преддорожную грусть затая,
в сотый раз окунусь в непокой...
И наивная девочка Я
с третьей полки махнёт мне рукой.

Ветер, время ль шумит за окном?
Листья падают или года?
.. Никому не заметны, начнём
диалог Я и Я, Нет и Да.

«Всё попробовать мне удалось,
как мечталось, — на ощупь, на вкус?»
«Нет, петляла судьба вкривь и вкось.
Я, как щепка, потоком влекусь».

«Покорю Эверест?» — «Не пришлось!»
«Ордена?» — «Э-э-э... прости, не герой!»
«Даст рекорд мне спортивная злость?»
«Нет. Разряды. Предельно второй».

«Стих напишется, чтоб навсегда?»
«Недостанет полёта души».
«Ну а подвиг?» — «Ой, где? И когда?
Просто случая нет совершить».

«А любовь будет вечною?» — «Нет».
«Как алмазная трубка?» — «Никак».
«Но останется памятный след
от меня... хоть в ближайших веках?»

«Нет, малышка!» Всмотрюсь Я в года,
в дым грядущего, в прошлого свет —
очарованной девочкой *Да*
и усталую женщиной *Нет*.

Мне в окне усмехнётся звезда,
что мертва уже тысячу лет...
Стук колёс — как вопрос «Да? Да? Да?»
Стук колёс — как ответ «Нет! Нет! Нет!»

* * *

Всё правда, или только показалось?—
я стала тяжелее на подъём.
Ни разу от тропы не отказалась —
мне лишь рюкзак да взмах руки: «Пойдём!» —

командировку и билет на поезд,
Полярных звёзд сияние в ночи...
Ах, я пойду, поеду, успокоюсь:
дорога — дом, а память — помолчи,

как дочка в губы мне дышала жарко:
«Опять летишь надолго, далеко?»
Я ж про гостинцы, я ей про подарки —
и оттолкнула девочку легко...

И вот укор по капле цедит память.
Свой образ жизни вижу без прикрас...
Достаться б, дети, вам оседлой маме!
Но как же я? Куда же мне без вас?!

* * *

Уходили... уходили... уходили,
как от сердца рвали по куску...
Всех с полуулыбкой проводила
и в такси нырнула, как в тоску.

На перроне было незаметно.
Стало больно — только разошлись:
непростые наши километры,
как петля, вокруг горла обвились.

Целый месяц — мы, тайга и лыжи,
Смех, и горы, и тепло костра...
Невозможно быть родней и ближе:
вы как братья, я вам — как сестра!..

Это было. Было — и не стало.
Нынче всем отдельная «лыжня»...
Я боюсь, что в городских кварталах
мы уже друг другу не родня.

* * *

Дом родной, как небыль, далеко-далёко!
Что придумать мне бы, горько-одинокой?
Я геолог. Очень чту свою работу,
да растёт сыночек без моей заботы...

Вот что, в воскресенье «оседлаю» лыжи.
Под таёжной сенью веселее выжить.
Убегу я в сопки, от себя спасая...
Но в кристаллах соли — красота лесная.

Мне с деревьев ветер сыплет соль на рану.
А лыжня под вечер выйдет на поляну,
где костёрчик брошен возле мягкой пихты.
Словно скину ношу — отдышусь, притихну.

Растревожу душу, растревожу угли,
буду нежно думать о мальчишке смуглом,
что с отцом и с мамой у костра резвился
(на снегу упрямо след от лыжек вился)...

Улыбнусь пострелу: что ж, давай прощаться.
Вот и я погрелась у чужого счастья!

Владимир Жабин

В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ

В этом возрасте
 как-то всё больше собак
 Начинаешь любить, а не кошек...
 И легко переходишь
 на медленный шаг.
 И не лезешь — успеть — вон из кожи.
 Избывая когда-то не выбранный путь,
 Не торопишься и не рискуешь.
 И приветствуешь боль —
 хоть какую-нибудь! —
 Чтобы чувствовать, что существуешь.
 Но, исследуя опыт кошачьих побед,
 Равновесие ищешь повсюду!
 Зная, что на Земле равновесия нет
 И в ближайшее время — не будет...

В этом возрасте
 выключить свет, уходя,
 Не всегда успеваешь... И надо ль
 Свет оставить какой-нибудь после себя,
 Если жизнь завершается адом?

Если завтра волною накроет тебя
 Или пеплом засыплет навеки...
 Что тогда, на исходе последнего дня,
 Станет памятью о человеке?

С кем дружил, что любил
 и куда уходил,
 Забывая, что возраста нету...
 С кем боролся, за что
 и кого победил,
 Отрицая борьбу и победу...

При раскладе таком остаётся собак
Доброглазых любить... напоследок.
В этом возрасте свет —
 пусть хотя бы и так! —
Не является выбранным светом...

Потому что последние те времена
Наступили, нахлынули, смяли
Категорий и ценностей бремя, и на-
ступит новая эра едва ли...

В этом возрасте я ещё не пребывал.
Да и, подлость кошачью прощая,
Я бы так не сказал...
 Ну а то, что сказал,—
Что ж, пожалуй, ошибка большая.

* * *

И жалко всех, кто был причастен —
Не к разрушению, а к власти
Над миром форм и разрушений
И к обнулению — отчасти.
Теперь в пространстве разрешений
Бушуют выходные страсти.

Но выход там, где входа нет!
И свет не там, где брезжит свет!
Когда душа направит тему,
Тогда увидим, что́ мы, где мы...

А так... в январской темноте
Мы натываемся на те
Ориентиры, что когда-то
Установили для возврата
Себя себе — из плена плоти.
И рады зеркалам на входе.

Но жалок призрачный успех.
И жаль себя, и жалко всех...

Владимир Полухин

* * *

Я не успевал за своими пальцами,
Они неслись ошалелыми зайцами
По бёдрам, ключицам, груди,
Стучали морзянкой: не уходи.

Сегодня не уходи, и завтра, и никогда.
Мотаёт солнце круги, вырастают в базальт города.
Слова разучусь рифмовать, забуду большой септ-аккорд.
«Не уходи» — этой фразой загнуло Word.

Это будет не предательство, а гораздо хуже,
Все мы когда-нибудь встретимся с адептами стужи.
Не будет посмертия, лишь холод вселенский внутри.
Не доводи до этого —
Не уходи.

* * *

Трава колет спину. Бутылка вина
И плед украшают прибрежный песок.
Четырнадцать мне. Она не юна.
Хотел бы забыть. Не смог.

Дымится «Родопи», в стакане «Агдам»,
Вспотевшие руки, заело замок
На юбке одной из отзывчивых дам.
Хотел бы забыть. Не смог.

На выдохе долгом затянет корсет.
Каблук совершенствует линию ног.
Картинка из прошлого. Ей много лет.
Хотел бы забыть. Не смог.

Комочек в руках, жалобный плач.
Всю ночь. Не хватает ни нервов, ни сил.
Вот дочь, дай ей в жизни побольше удач.
Казалось, запомню навечно...
Забыл.

* * *

Стало раньше темнеть
В этом вытканном сумраком мире,
Стало глуше болеть,
Значит, к боли мой разум привык.
Как всегда, не хватило
Шесть граммов, пол-литра, недели.
Гриф сломался — не жалко,
Всё равно больше не о чем петь.
Красок мало в палитре,
И яркие мне не достались,
Извели на буклеты,
В избытке лишь серый и беж.
На далёких камнях имена
Не написаны нами остались,
И в грамматике главным
Винительный сделан падеж.

* * *

Хотелось выпить и уйти
Или уйти и выпить —
Филологически всегда
Извилисты пути.
Мой незаконченный гештальт
Резвится в Интернете,
Недолюблённая любовь —
Морковкой впереди.
Скользят ботинки на тропе,
Тенистые аллеи,
Но с каждой каплею дождя
Стекает злость в ничто.
Подумал:
Выпить и прийти?
Или прийти и выпить?
Подумал:
Кто, если не я,
Подаст тебе пальто?

* * *

Причудливо тасуется колода,
Гротескно-невесёлые расклады.
Ждал мизера — вернулась непогода,
Целуют вроде жарко, но не рады.

Навеки прогоняют прочь, мечтая,
Что ты вернёшься через два удара сердца.
Засада. Вот в грудь картечь литая.
Метаться поздно. Никуда не деться.

Вот страсть. Твоя кровать. Одежда
Разбросана небрежно по паркету.
Защемит сердце, как ни разу прежде:
Твоей одежды в этой куче нету.

Причудливо тусуется вся рать,
От короля до распоследней двойки.
С похмелья утром королеву — в поломойки,
Шестёрке ушлой — до туза рукой подать.

— Твою же мать! — на стол кидаю карты.
Мне не хватает воздуха для вдоха,
Мне надо мало, скромно, как в плацкарте,
Банально — как во времена царя Гороха.

Всё просто: баба, дети, двор с приглядом,
Да холмик — прашурова домовина
Ухожена. Кусточки стали садом.

Я лягу там. Дай Бог, чтоб раньше сына,
Чтоб дети с домом не порвали пуповину,
Чтоб баба за руку,
И в тот же час,
И рядом...

Ты скажешь: очень примитивная картина?
Не буду спорить, но другую мне не надо.

* * *

Ты пишешь степным разнотравьем и запахом леса.
Я тоже пишу... Только жёлчью, борясь с перманентным удушьем.
Игра не на деньги — на видимость интереса.
Ты скажешь: «Послушай!» Я слушаю... Даже местами послушен.

Ты рано встаёшь. Ты пишешь, рисуешь, решаешь:
Проблемы, вопросы — чужие, свои, мировые.
Я поздно ложусь и встаю, когда ты уезжаешь.
Мы видимся редко, и строки рождаются злые.

А ты пишешь грустью, сентябрьским палевым небом.
Извечная мудрость до края наполнила строфы.
Меня называли когда-то сияющим Фебом.
Я бункер достроить спешу и жду катастрофы.

* * *

Ты в группе из таких же пассажиров,
А впереди досмотр, рентген и турникет.
Ты и при жизни редко был транжирой:
Класс-эконом, со скидкой билет.

Класс-эконом. Ты в зале ожидания
Веков пять-шесть, без права на диван.
Перемножая время с расстоянием,
«Переведи меня через майдан»

Тебе уже не спеть, не до застоля.
Иных уж нет, другие здесь, в толпе.
А кто-то там остался — и ещё играет — в поле
В футбол, в любовь, на нервах, на трубе.

* * *

Просквозило жарким летом,
Прострелило печень, душу.
Там, где нужно, я не слушал,
Не к тем бегал за советом.
И не там гулял под вечер
Мимо белых теплоходов.
Есть статистика уходов,
А от встреч остался пепел.
Пепел соберу просеять,
Сделать на спирту лекарство,
Сплавать в тридесято царство
И, проснувшись, снова верить.

Наталья Калеменова

Осторожно — Бабушка!

В ноябре 1912 года из Киренска совершила побег политкаторжанка, приговорённая к ссылке за принадлежность к партии эсеров. Женщине было шестьдесят восемь лет. Бежать с каторги ей удалось, несмотря на установленный за ней строжайший надзор. Через два дня беглянку задержали и отправили в иркутскую тюрьму в сопровождении конвоя из пятидесяти (!) человек. По всему пути следования конвоя вдоль тракта была расставлена стража. Когда кто-либо из стражников приближался к кибитке с пойманной женщиной, его останавливали грозным окриком: «Не подходи, стрелять буду!» Однажды лошади, напуганные этими громкими криками, понесли и опрокинули повозку. Из неё выпали политкаторжанка, ящик и двое провожатых. «Беглянка так умиралась, что, приведённая в тюрьме на допрос, уснула на стуле и не смогла дать показания», — писала газета «Сибирская мысль».

Кто была эта узница? И почему власти так опасались её, что предприняли чрезвычайные меры предосторожности, словно речь шла о банде головорезов, а не о слабой женщине, к тому же весьма преклонного возраста?

Её звали Екатериной Константиновной Брешко-Брешковской. Она была первой в России женщиной-политкаторжанкой. В историю вошла под именем Бабушки русской революции.

Почему же Бабушка внушала такой страх?

КОСАЯ ВЗЫВАЕТ К ТЕРРОРУ

Екатерина родилась в 1844 году в Витебской губернии, в семье богатого помещика Константина Михайловича Вериго. Ей было семнадцать лет, когда отменили крепостное право. Она с увлечением помогала отцу готовить документы об освобождении принадлежавших семье крестьян. Екатерина открыла школу для крестьянских детей и сама преподавала там. Организовала ссудо-сберегательные кассы, общества взаимопомощи. Однако в её действиях была усмотрена противоправительственная пропаганда. Школа и другие её начинания, направленные на просвещение и облегчение жизни крестьян, были запрещены.

Возможно, именно этот запрет породил у Екатерины сначала протест против существовавшего строя, а затем и увлечение революционными

идеями. В семье это заметили не сразу, поскольку у девушки был сложный характер. Она постоянно подвергала резкой критике всё и всех. Когда Катя вышла замуж за соседа, мирового судью Николая Брешко-Брешковского, родные успокоились, полагая, что спокойная семейная жизнь погасит бури, постоянно бушевавшие в её душе.

Но ни замужество, ни рождение сына не изменили её решения уйти в революцию. В биографии Брешко-Брешковской есть потрясающий факт. В начале 1874 года у неё рождается сын Николай, а уже летом она предпринимает попытку «хождения в народ». Под именем солдатки Фёклы Косой, переодевшись в крестьянскую одежду, она ходила по сёлам и призывала крестьян убивать помещиков: «Бейтесь с ними до тех пор, пока ни единого не оставите в живых!» В сентябре её арестовали. Сыну не было и года. Мальчика будет воспитывать жена брата, которую он считал своей матерью.

Молодость, семью, материнство — всю свою жизнь Екатерина принесла в жертву на алтарь революции. Отдавая всё революционной борьбе, она ставила задачу крайне радикальную — физическое уничтожение всех, на ком держится несправедливый строй. Главным средством революционной борьбы считала политический террор. Причём он должен стать массовым. Это убеждение, зародившееся в юности, с годами только крепло. Нет, сама она никого не убила за годы своей революционной деятельности. Но умела убедить, что террористический акт — это подвиг во имя счастья народа. Брешко-Брешковская стала идейной крёстной матерью многих российских революционеров, которых вдохновила и благословила на террористические акты, сотрясавшие в те годы Россию. Она — одна из самых авторитетных идеологов терроризма в России.

После ареста и трёхлетнего заточения в тюрьме её приговаривают к каторге на Карийских рудниках. Находилась там год, после чего была переведена в Баргузин. Совершила оттуда отчаянный побег в группе с другими политкаторжанами. Но беглецы были пойманы.

Потом будут снова побег, аресты, тюрьмы, каторга. В 1896 году Екатерина попала под амнистию по случаю коронации Николая Второго. Возвращение из ссылки. Знакомство с сыном, которому было уже двадцать два года. Николай не воспринимает её как мать. Зло и едко высмеивает революционные идеи, которые были для неё смыслом жизни.

Разлад с сыном не помешал ей продолжить борьбу. Вместе с Г. А. Гершуни Екатерина Константиновна участвовала в организации Рабочей партии политического освобождения России, которая в 1902 году влилась в партию социал-революционеров (эсеров). Для справки: Гершуни создал Боевую организацию партии, лично организовал убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина, уфимского губернатора Н. М. Богдановича.

Брешко-Брешковская приняла деятельное участие в революционных событиях 1905–1907 годов. Её выбрали в состав центрального

комитета партии эсеров. Вскоре опять последовал арест — соратник по партии сдал её охранке. Нет, не просто соратник, а один из организаторов и лидеров партии, руководитель Боевой организации эсеров и одновременно провокатор Евгений (Евно) Азеф.

И вновь всё пошло по уже привычному кругу: арест, тюрьма, ссылка, очередной побег, снова арест... Этот круг разомкнулся в 1917 году, когда произошла Февральская революция, заставшая её в Минусинске — маленьком уездном городке Енисейской губернии, куда она была водворена, как сказано в архивных документах, 16 мая 1916 года под строгий контроль за принадлежность к партии эсеров.

ОСВОБОДИТЕЛЬ КЕРЕНСКИЙ

В то время в Минусинске отбывала ссылку довольно многочисленная группа эсеров. Они с восторгом и огромным почтением приняли в свой круг Бабушку русской революции, как уже давно величали Екатерину Константиновну. Соратники Бабушки уже освоились со здешними условиями, имели значительное влияние на местных жителей.

Эсеры жили сплочённой группой, объединившись вокруг Наума Быховского, с которым в Минусинске жила жена. Каждый четверг у Быховских проходили чаепития по-домашнему. Однако с ссыльными других политических «окрасок» у них были серьёзные политические разногласия, которые нередко перерастали в открытую непримиримую вражду.

Весть о Февральской революции до Минусинска дошла с большой задержкой. Срочные депеши о падении самодержавия поступили своевременно, но местные власти решили не разглашать их содержание, приняв выжидательную позицию. Первой о революции узнала Брешко-Брешковская. Она получила 2 марта телеграмму из Москвы. Какой-то родственник поздравлял её с прошедшими большими событиями и высказывал надежду на скорое свидание. Шила в мешке не утаишь. Узнав о письме, несколько ссыльных сразу, прямо ночью, пошли на почту и потребовали от администрации показать полученные телеграммы. Им отказали. Наутро они вновь пришли на почту с тем же требованием. И добились своего. Телеграммы были выданы. Стало окончательно ясно: самодержавие пало.

Эта новость потрясла всех ссыльных. Никто из них даже в самых смелых мечтах не мог представить такого поворота событий. Они готовили революцию, жертвовали ради её осуществления здоровьем и жизнью. Но все были уверены, что произойдёт она не скоро, в отдалённом будущем. И вдруг — вот она, революция, уже свершилась... Стихийно возник митинг. Люди обнимали друг друга, ликовали и... плакали. У многих за плечами было по десять-пятнадцать лет ссылки, каторги. Они уж и надежду потеряли, что когда-нибудь это закончится. Центром неожиданного митинга стала Екатерина Константиновна.

В тот год ей исполнилось семьдесят три года, из которых сорок три она посвятила беззаветному служению революции.

Радостное известие сплотило всех ссыльных, независимо от партийной принадлежности, побудило их действовать сообща. Уже 3 марта был создан Комитет общественной безопасности (КОБ), куда вошли представители разных партий.

И в тот же день прокурор Минусинского окружного суда получил телеграмму из Петрограда от министра юстиции, члена Государственной думы Александра Керенского. В ней было сказано: «Предписываю лично явиться к Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской, объявить ей от моего имени о полном её освобождении. Передать моё приветствие и оказать полное содействие и помощь в случае, если Брешко-Брешковская пожелает немедленно ехать в Петроград».

Появление этой телеграммы объясняет, что в дни Февральской революции Керенский вступил в партию эсеров. Он счёл своим долгом освободить старшего товарища по партии.

Хотела ли она ехать? Конечно! Ехать, непременно ехать! Завтра же! На другой день, перед отъездом Екатерины Константиновны, к ней нагрянула целая делегация от городской думы Минусинска, выразившая от населения чувства восхищения её стойкостью в защите интересов народа. Со всеми возможными почестями Бабушку проводили в путь. Железная дорога «Ачминдор» тогда ещё не была достроена, поэтому её сначала в повозке доставили до Ачинска, на крупную узловую станцию. Для Брешко-Брешковской был подготовлен персональный вагон. В пути на станциях её встречали торжественно, приветствовали как героиню. Это было поистине триумфальное возвращение.

А в Минусинске после её отъезда состоялось заседание КОБа, в повестке которого был вопрос «Об ознаменовании пребывания в Минусинске Бабушки русской революции Е. К. Брешко-Брешковской». Было принято три решения:

1. Обратиться к городскому управлению с предложением приобрести дом Таланкина, где проживала Бабушка.
2. Поручить М. Н. Кузнецову проект создания в названном доме учреждения имени Бабушки русской революции — Е. К. Брешковской.
3. Обратиться во все демократические общественные организации за ассигнованием средств для указанной цели.

В Минусинске у Таланкина было три дома, в том числе просторный, в котором и проживала Брешко-Брешковская. В этом доме была открыта школа её имени. Она просуществовала с 1917 до 1927 года. Дом не сохранился, его снесли не так давно.

В Минусинском краеведческом музее была открыта особая комната имени Е. К. Брешко-Брешковской.

ЗАСЛУЖЕННАЯ ПОДВИЖНИЦА СВОБОДЫ

Революционный Петроград восторженно встречал Бабушку, приветствуя её как «заслуженную подвижницу свободы» — так писали на транспарантах. Старушка не собиралась почивать на лаврах. Одним из лидеров партии эсеров в то время был Питирим Сорокин. Вместе с ним Брешко-Брешковская редактировала газету «Воля народа». Выступала на бесконечных митингах и собраниях. Она стала старшим другом и наставником Керенского, который с большим уважением относился к ней.

Большевиков Екатерина Константиновна очень не любила. Называла их марксятами. Убеждала Керенского, что с марксятами надо бороться беспощадно — «уничтожать их, как диких зверей». К Октябрьской революции отнеслась крайне враждебно, советскую власть не приняла. Участвовала в создании «Союза возрождения России», целью которого было антибольшевистское вооружённое восстание для свержения советской власти. Когда пленные белочехи подняли мятеж, она направила им послание «Завещание братьям-чехословакам их Бабки Катерины Брешковской», в котором призывала их бороться с большевиками.

В 1919 году Брешко-Брешковская эмигрировала в США. Умерла в Чехословакии в 1934 году. Ей было девяносто лет. До конца жизни оставалась верна своим взглядам на революционную борьбу.

КЕМ ОНА БЫЛА?

Кем была эта женщина? Фанатичкой? Патологически жестоким от природы человеком, осмелившимся именем Бога благословлять тех, кто нарушал главную заповедь — «не убий»? Соратники буквально боготворили её, преклонялись перед самоотверженностью, непоколебимостью идти до конца к намеченной цели. Они называли её «эмблемой торжества свободы и социализма».

Американский журналист Джордж Кеннан, совершивший в 1885 году долгое и трудное путешествие по Сибири для ознакомления с условиями ссылки и каторги, с Брешко-Брешковской познакомился в Селенгинске и написал о ней:

«Это была дама лет 35, с энергичным, умным, но некрасивым лицом, с открытым и свободным обращением. Она показалась мне доброй, тепло и чутко отзывавшейся на каждое явление. Лицо её носило следы пережитых страданий, а в густых чёрных кудрявых волосах, коротко остриженных в каторжной тюрьме, сильно пробивались серебряные нити.

Но ни несчастья, ни ссылка, ни каторга не смогли её победить, не смогли сломить ясности духа и поколебать её убеждения в вопросах чести и долга. Я скоро узнал, что она получила тщательное воспитание в Цюрихе; она говорила по-французски, по-немецки и по-английски, была очень музыкальна и производила на меня впечатление человека во всех отношениях привлекательного и интересного».

Просто непостижимо, как в этой женщине уживались «человек во всех отношениях привлекательный и интересный» и яростный пропагандист жесточайшего политического террора, с каким Россия раньше не сталкивалась.

Феномен российского терроризма до сих пор остаётся необъяснимым явлением. Время было такое? Люди?

Сын Екатерины Константиновны Николай Николаевич Брешко-Брешковский стал литератором. До революции его романы пользовались большой популярностью. Как писал Александр Куприн, он был любимцем широкой публики. Наиболее известен роман Брешко-Брешковского «Жуткая сила», в котором повествовалось о Григории Распутине и его окружении. Советскую власть Николай Николаевич, как и мать, не принял. Эмигрировал в Европу. В нескольких публикациях мне встречалась информация о том, что Николай Брешко-Брешковский в фашистской Германии служил в министерстве пропаганды, возглавляемом Геббельсом. Думаю, его привела туда ненависть к советской власти.

Сергей Кузнечихин

Донор доброты

О Гамлете Арутюняне

Я приехал в Красноярск в марте семидесятого, и первые три месяца, пока не освободилось место в пуско-наладке, мне пришлось работать инженером по ТБ в «Горгазе». Должность непыльная, но я её немного стыдился. Однако нравится не нравится, а зарплату надо отрабатывать. И вот приходит ко мне на вводный инструктаж парень моих лет с внешностью, не характерной для развозчика баллонов: на голове шикарный кок, высоте которого позавидовал бы любой стилиста, одет в толстую вязаную рубашку с пластмассовым галстуком на резинке, — интеллигентный слесарь. Держится раскованно, даже нагло, без должного уважения к начальнику. Представляется: Ковязин Валерий Яковлевич.

Я, как бы между прочим, чтобы сбить спесь (или образованность показать), бормочу: дескать, существовал в начале века его полный тезка. Слесарь с удивлением усмехается и, не теряя напористости: — Брюсов, что ли? «О, прикрой свои бледные ноги»? Я его не люблю, мне Саша Чёрный больше нравится.

Вводный инструктаж перерос в беседу о поэзии, Вскоре я уволился, а полгода спустя мы случайно встретились на улице.

— Ты теперь не мой начальник, так что без всяких карьерных помыслов приглашаю в гости. Я в центре живу, на Парижской.

По дороге завернули в гастроном. Валера привёл меня в однокомнатную хрущёвку с маленькой кухней и большим стеллажом. За портвейном выяснилось, что он тоже уходит из «Горгаза» и устраивается в пригородную газету. Я и теперь-то стесняюсь признаваться в сочинительском грехе, но он как-то вычислил «слабое звено», проинформировал, что раз в две недели в редакции «Комсомольца» собираются молодые графоманы, и посоветовал полюбопытствовать, пообещав уточнить расписание. К этому времени у меня начался период долгих командировок, и явился я в «Лукоморье» полгода спустя, если не позднее.

Для знакомства меня попросили прочесть несколько стихотворений. Я, конечно, знал классическое «в круг сойдясь оплёвывать друг друга», но надеялся, что критика будет не столь однозначной. Агрессивнее других был Сергей Федотов. Он к этому времени успел напечатать два стихотворения в вышедшем недавно местном сборнике «День поэзии», поэтому считал себя вправе судить и оценивать. Впрочем,

и те, кто не напечатал ни строки, не отказывали себе в желании потоптаться или хотя бы ущипнуть. Касаемо критики собратьев, молодые всегда агрессивнее стариков, драконят без оглядок на собственное несовершенство, о котором зачастую не догадываются. Федотов безапелляционно громил чужие стихи и получал от этого удовольствие, которое не умел скрыть. Сидящие рядом Олег Корабельников и Шлёнский ограничивались едкими репликами. Четвёртый из этой группы, высокий тонкий паренек в растянутой выцветшей олимпийке, скромно молчал. Но я заметил, что стихи он слушает внимательно. После Федотова ещё кто-то низвергал и советовал почитать Вознесенского, кто-то выискивал «блех». Потом, уже на выходе, подошла Соня Григорьева и сказала, что она геолог и ей мои стихи близки. На мою защиту поднялся единственный человек, студент пединститута Володя Лузгин. Но двигало им не столько желание защитить новичка, сколько потребность противостоять лидеру. Мы договорились о встрече. Когда он предложил кинотеатр «Луч», я полагал, что спустимся к Енисею и на берегу найдём укромное место для тёплой беседы. Но Володя предложил зайти к Гамлету, который живёт поблизости. Обогнули горсад, постучались во флигель частного дома на улице Богграда, и нас встретил тот скромный паренёк из компании Федотова и Корабельникова. Как бы извиняясь, он сразу прояснил, что ему очень понравились мои стихи.

— Надо было на «Лукоморье» об этом сказать, — съехидничал заряженный на постоянное противостояние Лузгин.

— Я пока не умею спорить, знаний не хватает, — оправдывался Гамлет.

Потом пили портвейн и читали. Володины стихи мне казались интереснее моих. Ярче и, главное, естественнее. До сих пор помню его медведя, который не перестанет быть хищником, «пока шестнадцатый калибр жаканом лоб не перекрестит», или «но я узнал: под кожей гладкой — ты азиатка, ты азиатка...». Мы ещё не знали о Павле Васильеве, но предчувствие этого открытия бродило в нас. Гамлет в этот день почти ничего не читал, стеснялся робких ученических текстов. Он находился под влиянием Олега Корабельникова, который в те годы был увлечён испанской поэзией. Но и к нам его тянуло. Ему, выросшему в енисейской глубинке, традиционные русские стихи были ближе. Чтобы не разрываться между двумя «станами», юный Гамлет нашёл верный выход — подружил меня с Олегом. А Лузгин, окончив институт, женился и уехал на Север. Писание «в стол» его удручало уже в студенчестве. Ему хотелось полноценного, заслуженного успеха. Но большие и мелкие (эти особенно) литературные начальники были твёрдо настроены «не пущать».

Когда моё пребывание в городе совпадало с заседаниями «Лукоморья», я приходил туда: интересно же послушать мнение о своих творениях, тем более что другого выхода на читателя или слушателя,

кроме случайных собутыльников из привокзальных ресторанов, у меня не было. Если возвращался в город между «Лукоморьями», брал армянский портвейн и брёл во флигель к Гамлету. Казалось бы, я, взрослый бородатый мужик,— и он, студент с редким пушком над верхней губой: что между нами общего? А вот тянуло. Вины мои бездомные стихи, которым хотелось тепла и внимания. И я получал от безусого студента искреннюю щедрую поддержку. Более того, заряжался верой в себя. Даже в юном возрасте умел он ненавязчиво внушить человеку, что всё не так плохо и надо обязательно надеяться на лучшее. Потом этот, не побоюсь громкого слова, талант неоднократно помогал ему спасать больных. Впрочем, сочинительство стихов — тоже болезнь. Мне и теперь кажется, что Гамлет был единственным человеком, которому были нужны мои стихи (в лучшем для меня случае — одним из немногих). Цену дежурным похвалам, равно как и брюзгливой критике, я научился определять ещё в молодости.

Прогалы между встречами иногда затягивались на два-три месяца, и как-то незаметно из нескладного долговязого юноши он превратился в статного красивого парня, но без намёка на самодовольство и по-прежнему немножко наивного. Окончил институт, поступил в ординатуру.

У моего приятеля родился сын. Тёща, заждавшаяся внука, усмотрела в лёгком покашливании ребёнка смертельную угрозу. Вызванная на дом молоденькая врачиха ничего трагического не обнаружила. Мнительная бабка приказала зятю искать нового доктора мужского пола. Приятель пожаловался мне. Решили обратиться к Гамлету. По нашей просьбе он приехал в халате, чтобы произвести официальное впечатление. Я впервые увидел его в медицинской спецодежде. Она ему шла. Уже тогда он выглядел доктором, которому можно довериться. Во время осмотра и беседы мы с приятелем отсиживались на кухне. Что он ей говорил — не знаю, но как-то успокоил. Мне показалось, что запаниковавшая женщина осталась довольна визитом.

Благодарный приятель выставил бутылку коньяка. Дамы посидели для приличия и ушли к ребёнку, а мы остались за столом. Когда бутылка опустела, хозяин извлёк из ящика с инструментом запасную. Засиделись часов до двух. Автобусы уже не ходили. Решили заночевать — холостые, отчитываться не перед кем. Рано утром Гамлет уехал к себе в больницу. Мы с приятелем отправились на поиски пива. А благодарная бабушка достала бумажку с рабочим телефоном, который выпросила у доктора на случай, если вдруг что-нибудь особо экстренное... и позвонила. Проинформировала начальство, что он пьянствовал всю ночь. Об этом можно было бы и не вспоминать, если бы не одно «но», даже два. Первое: узнал я

о бабушкиной «благодарности» не от Гамлета, а от приятеля, которому тёща похвасталась собственной бдительностью и принципиальностью. Я позвонил Гамлету, чтобы извиниться, но он успокоил, сказал, что звонок попал на нормального мужика и до кадровиков кляуза не дошла. Никаких обид, типа: делай после этого людям добро... И второе, высветившееся пятнадцать лет спустя, после нашего посещения Янова Стана, одного из пунктов ГУЛАГа. В разговоре с женой приятеля я упомянул об этой поездке, и она, услышав про Янов Стан, с весёлой гордостью заявила, что родилась в этом экзотичном северном посёлке. Родители её не служили в охране, были вольнонаёмными, но получилось, что прививка сохранилась на всю жизнь.

Гамлет объяснял мне, что хирурги делятся на два типа. Одни — виртуозы скальпеля, уверенные в себе, зачастую самовлюблённые, — заканчивают сложную операцию, снимают перчатки и забывают о пациенте, оставляя дальнейшее лечение тем, кто, по их мнению, не создан для главных ролей. Другие — считают, что операция пусть важный этап, но не решающий, намного труднее выводить больного после операции. Я не могу судить, насколько виртуозен был Гамлет у «станка», но себя он относил, без сомнения, ко второму типу. Случалось и такое, что пациенты, у которых заканчивался лимитированный срок пребывания в больнице (оказывается, существует и такой лимит), долечивались, проживая у него в квартире. Чужой человек в доме — всегда дополнительные неудобства, трата времени, при том что своих забот через край. Работа, диссертация, да и стихи просятся на бумагу, а они капризные, прилетают без предупреждений и улетают, не объяснив, кто их спугнул и на что они обиделись. Но он терпел. Не мог по-другому. Как бы пафосно это ни звучало, ответственность за жизнь людей отодвигала всё личное «на потом».

Диссертацию отодвигало и медицинское начальство. Звание кандидата наук даёт определённую свободу и самостоятельность, в которых начальство отнюдь не заинтересовано. Надо же кому-то «предлагать» заниматься так называемой общественной работой: организовывать праздничные демонстрации, диспуты, стенгазеты и так далее. Соискатель для этого очень удобная кандидатура — ему отказываться нельзя, он зависим. А самой хлопотной и нервной нагрузкой был осенний вывоз студентов на сельхозработы. Медицинский — не педагогический институт и не сельскохозяйственный, в него поступают в основном из хороших семей, избалованные достатком и замученные строгостью. Капризы и жалобы на отсутствие удобств — это ещё полбеды. Куда страшнее и опаснее опьянение свободой. Выпорхнули девочки на волю из-под материнской опеки. Своих парней всегда не хватает. Кокетничают с деревенскими, а те, наивные, шуток не понимают — в любой дежурной улыбке видят

призыв к развитию отношений. Городские девицы, по их понятиям, только об этом и мечтают. Она глазками стрельнула, а он уже и целоваться лезет, а то и в амбар тащит. Перепуганная обольстительница бежит под крыло преподавателя, а соблазненный и покинутый ломится в дверь для мужского разговора. Один раз чуть до поножовщины не дошло.

Кстати, при бесспорных внешних данных Гамлет не был бабником. Одна из его бывших студенток рассказывала:

—Представляешь, заходит в аудиторию высокий брюнет с интеллигентным лицом, мягкой улыбкой и кудрями до плеч, все наши девки сразу влюбились в него. На какие только женские хитрости не пускались. Бесполезно. Ни одну не трахнул. И мы к концу семестра не просто охладели к нему, даже какое-то презрение появилось.

И это вовсе не потому, что дома ждала жена, красавица Татьяна, и даже не потому, что мысли заняты большими, диссертацией или недописанными стихами,— дело в характере, в котором отсутствовало распутство.

Защита год за годом отодвигалась. Стихи не находили одобрения не только у работников издательств, но и у большинства друзей, а это намного тяжелее. В начале восьмидесятых Гамлет осмелился подать рукопись на семинар молодых. Разбирали и «разносили» стихи не отъявленные злопыхатели, а в общем-то добродушные Вильям Озолин и Зорий Яхнин. Меня на обсуждении не было, но Татьяна рассказывала, что Гамлет, вернувшись домой, чуть не плакал. Особенно задели его слова, казалось бы, своего в доску Эдика Нонина, который начал с того, что любит его руками истинного хирурга, а закончил советом не отвлекаться от благородного дела на пустое сочинительство. И ведь не по злобе сказал, а так, ради красного словца, чтобы щегольнуть формулировкой. Нравы семинаров были жестокими, и особенно доставалось тем, кто чего-то достиг в первой профессии, для кого литература была вроде как хобби. Профессионалы не щадили любителей. Да что чужие люди — я и сам не баловал друга тёплыми словами о его стихах, но замечания высказывал не прилюдно, а на кухне, один на один.

Много лет спустя умирающий Яхнин позвонил Гамлету и попросил приехать.

— Неужели хочет извиниться? — говорил мне Гамлет.

Сомневаюсь, вряд ли он помнил о том давнем семинаре. Он, конечно же, съездил, но о чём шёл разговор, рассказывать не стал.

И всё-таки были в этом мягком человеке глубоко спрятанный негибемый стержень, упрямство и терпение, позволяющие доводить дело до конца. Дорабатывал старые стихи, писал новые. Повышалась техника, обострялось поэтическое зрение, из текстов исчезали сорняки необязательных слов. Из того периода мне очень нравился его верлибр «Фотографии»:

Фотографии, если они в летах,
имеют привычку желтеть,
сворачиваться трубочкой,
совсем как осенние листья.
И в результате
мы, стоящие у самых краёв
фотографии старой,
приблизились друг к другу
так близко,
что я ощутил рядом твоё дыхание,
а твои губы оказались
на расстоянии поцелуя.
Но в это время
кто-то развернул фотографию,
и мы снова, как много лет назад,
очутились у самых краёв её.
И этот кто-то
долго смотрел и не узнавал нас.

Многие поэты считают, что лучшее средство от житейских неурядиц — это водка. Иногда помогает, но природа всё-таки целительнее.

Звонит Гамлет и говорит, что Шлёнский просится с нами по грибы: дескать, жена услышала, что мы тащим вёдрами, и совсем запислила несчастного мужика, от которого никакого проку в хозяйстве. Брать в тайгу человека, развёртываемого асфальтом, — занятие рискованное и хлопотное, но надо же выручать парня. Договорились ехать в Монино, всего полчаса на электричке, и до леса от станции недалеко. Суббота, полный вагон дачников, едем в прокуренном тамбуре, в ту пору ещё разрешалось курить, смотрим на Шлёнского — пока терпит.

Лес возле Монино не очень богатый, но случалось выбрести на семейки подосиновиков, обабков, даже белые попадались. Только у подосиновиков две нехороших особенности: первая — быстро червивеют, даже молоденькие, у которых ещё и шляпки не распрямились, и вторая — предпочитают прятаться в труднопроходимых чащобах. Мы с Гамлетом, как сохатые, прём напролом, а Виталий Иванович выбирает чужие набитые тропы и чистые полянки. Сходимся на перекур. В ведре сатирика даже дно не закрыто. Гамлет объясняет ему, где и как надо искать, предлагает ходить вместе. Шлёнский пристраивается в хвост, но опять же — до первого бурелома. Сатирики веселы и остроумны за столом (иногда и на сцене), а в лесу они мрачнеют, становятся неразговорчивы и раздражительны, особенно если в чужих вёдрах грибов намного больше.

Не обошлось и без блужданий. Запоролось в болото, начерпали в кроссовки грязной воды. Подсказал неверное направление мой

знакомый леший, но с него взятки гладки, выслушивать упрёки досталось мне. Привыкший к моим постоянным блужданиям, Гамлет стоически терпел, а Шлёнский занудно рассуждал, что нельзя ходить в тайгу без компаса. Шутки у леших грубоватые, но существа они добрые. Сначала заставляют понервничать, испугаться, попетлять лишних два-три километра, а потом выводят к богатому грибному месту или к ясной ягоде. Мы с Гамлетом об этом знали, а наш товарищ совсем раскис. И ожил только на полянке, утыканной красноголовиками. На выходе из леса щедрый лешачок подарил нам, в качестве премии, длинную гряду шампиньонов. Их Виталий Иванович собирал уже в пакет, так что было чем отчитаться перед женой.

Но вымотались, к электричке еле плелись. Очень хотелось пить, а вода кончилась. Тропа тянулась вдоль поля турнепса. Я вспомнил «лакомство» детства. Выдернул не слишком переросший корнеплод, выращенный на корм скоту, и достал нож. Гамлет тоже сообразил, чем утолить жажду. Руки у него привыкли к скальпелю, так что свою турнепсину он очистил быстрее меня. Идём, хрумкаем. Шлёнский тоскливо смотрит на нас и жалостливым голосом просит:
— Дайте и мне.

Под ногами поле турнепса, бери сколько хочешь. Меня разбирает хохот, а Гамлет суёт в карман недоеденную турнепсину, нагибается и чистит для него.

В следующий раз поехали за маслятами в Усть-Ману. Место проверенное, дорога изученная, блужданий не предвидится.

Туда идти легко. Сначала длинный пологий подъём, потом спускаешься в распадок. И только на обратном пути понимаешь, что, пока резал маслят вдоль чистенькой опушки, незаметно спустился ещё ниже. Короткий путь в распадок превратился в длинный, выматывающий пыхтун. Пот заливает глаза, дыхание учащённое и тяжёлое. Гамлет самый молодой и длинноногий, ему полегче, но тоже взмок. Шлёнский постоянно отстаёт. Останавливаемся, поджидаем. На электричку всё-таки успели, даже с запасом. Мы с Гамлетом завернули к реке — остудить взопревшие ноги, а Шлёнский отправился на родник, он где-то вычитал, что родниковая вода улучшает вкус кофе. Подходим к берегу, а там полтора десятка перепуганных купальщиков сбились в кучу. Слышны возгласы, что нужен доктор. Гамлет отдаёт мне грибы и бежит к ним. Когда я подошёл, увидел девушку на песке и Гамлета на коленях, делающего искусственное дыхание рот в рот. Иногда он распрямлялся, чтобы отдохнуть, и снова наклонялся над ней. Мне показалось, что время тянулось очень долго. Когда приехала скорая, утопленница стала подавать признаки жизни. В электричке Гамлет откинулся на спинку сиденья и долго не мог унять дыхания, потом прохрипел:

— Попить бы.

Я смотрю на Шлёнского, тот отворачивается к окну, будто не слышит. Приходится толкать в бок. Шлёнский нехотя протягивает фляжку и напоминает, что ему ещё кофе надо заваривать. Девушке было лет двадцать. Верхнюю часть купальника сорвали, пока вытаскивали. Молодое стройное тело. Подшучиваем над доктором: с какой страстью будил он спящую красавицу, после этого и жениться могут заставить, свидетелей хоть отбавляй... Я обещаю написать рассказ «Тысяча поцелуев». У меня и сюжет в голове сложился.

— Тебе бы только сюжеты придумывать, — обрывает Гамлет.

Уже из дома он позвонил в больницу и узнал, что девушка умерла по дороге.

А рассказ я так и не написал.

Как-то в разговоре о речках сугубо городской Зорий Яхнин поделился психологическим наблюдением. Приехав в Сибирь, он договорился со знакомым сплавиться от Туры до Туруханска. Не знаю, сколько они плыли, но около двух недель — наверняка. Вышли в Туруханске из лодки и пошли в разные стороны, после совместного путешествия даже здороваться перестали, хотя до этого были в добрых дружеских отношениях.

С Гамлетом мы прошли в одной лодке десяток речек и ни разу не поругались. Но заслуга в этом, полагаю, не моя.

Первая речка называлась Имбак. Я прибыл на сборы последним, незапланированным, и мне досталась непроверенная лодка. Хозяин честно предупредил, что в днище есть маленькая дырочка. Искать замену или клеить было некогда, но на второй день сплава, связчикам на потеху, в эту дырочку вывалился противень. Они даже обрадовались, что есть лодка, с которой можно не церемониться, и превратили мою плоскодонную «пятисотку» в «плавбазу» — на мощные баллоны настелили поперечин и установили на них фляги под рыбу. Первые три дня продирались через камни. Проплывёшь полкилометра, а потом метров четыреста — валун на валуне. Спускаешься в воду и толкаешь лодку перед собой. А она широкая, просвет, чтобы протиснуться, найти трудно. На днище плещется полкубометра воды, которую бесполезно вычерпывать. Хариус ловится хорошо. Фляги становятся тяжелее. Толкать лодку всё труднее и труднее. Мужики посмеиваются:

— Это тебе приёмный экзамен, будет о чём писать.

Что правда, то правда. Валуны запоминаются лучше чистой воды. Они даже дома снились. На четвёртый день пробились к порогу, под которым нас ждали настоящие таймени. Рыбачим в общий котёл, но каждому хочется успеть первым, чтобы вытащить самых матёрых. Тяжёлая лодка набирает скорость, и я даже обгоняю связчиков. Томлюсь в предчувствии. Вижу валун под водой, но уверен, что течение протащит через него. И протащило бы, если бы не дыра. Горб

валуна входит в эту дырищу, и лодка начинает медленно вращаться на месте. Приплыл. С тоской смотрю вслед уходящим конкурентам. Их лёгкие лодки скользят по подводным камням, уходят всё дальше от меня и ближе к тайменям. Пробую столкнуть свою неповоротливую «плавбазу», но одному это явно не по силам, слишком глубоко просела. Подсовываю шест в качестве рычага — никаких сдвигов. Остаётся выгружать фляги, а занятие это нелёгкое при бешеном течении, балансируя на скользких валунах. И на помощь звать бессмысленно — порог не перекричишь. Очень тоскливая ситуация. Вокруг лодки нагло прогуливаются горбатые чёрные хариусы, дразня своими роскошными голубыми гривами. Но не до них. Кое-как вытащил первую флягу. При этом оступился в яму и набрал полный сапог ледяной воды, однако на подобные мелочи уже не обращаешь внимания. Фляги сорокалитровые, солёная рыба тяжелее воды, но деваться некуда, надо продолжать разгрузку. Зачерпнул пригоршню воды, поднял голову и увидел Гамлета, петляющего по курумнику с шестом в руках.

Два шеста — не один.

Тайменей нам не досталось, но впереди были другие реки.

Речки он выбирал по имени. Наличие рыбы, конечно, имело значение, но и название должно было звучать красиво. Юдолома, Кочумдек, Дьявольская — хотя тот же Кочумдек при звучном воинственном имени оказался весьма неказистым, зато Фатьяниха — красавицей, с порогами, слышными за несколько километров, с отвесными скалами и множеством холодных ключей, в устьях которых паслись крупные ленки. На Фатьянихе мы едва не утонули.

К порогу подошли поздно вечером, Наш бригадир Миша Хомайко, матёрый таёжник, по сравнению с которым мы — косорукие неумехи, сказал, что надо плыть дальше, искать место для табора. Вожак знает, что делать, мы не спорили, но решили всё-таки бросить, хотя бы раза по три, — очень уж интересная скала, под которой угадывалась яма, ну а в яме, знамо дело, ждёт нас огромный таймень. Проверим — и сразу отправимся вдогонку. Я стоял спиной к Гамлету, но всплеск слышал. Гамлет уверял, что видел могучий хвостик. Не пойманная рыба всегда кажется очень крупной. Таймень ударил по мышу, но не взял. Гамлет кинул ещё раз. Потом ещё, и ещё, и ещё... Сменил мыша на блесну. Говорю ему, что рыба укололась о якорь и отошла. Но парень в азарте ничего не слышит. Машет спиннингом налево и направо. А небо уже темнеет. Наконец-то забираемся в лодку. Входим в кипящую струю, течение подхватывает и несёт на камни. Гамлет толкается шестом, а вытащить обратно не может. Закусило. Каменные челюсти порога не хотят отдавать свою добычу. Мощный поток воды бьёт в борт и пытается перевернуть лодку. Гамлет дёргает из последних сил,

а коварные челюсти неожиданно разжимаются. Вырванный шест с размаху хлещет меня по голове. Я вылетаю за правый борт, Гамлет за левый, а шест ныряет в бурун и уплывает от нас. Повезло, что успел ухватиться за бортовую верёвку и удержать лодку. Но без шеста порог не пройти. Приходится прыгать в воду и тащить лодку к берегу. Переодеваться в сухое нет смысла. Вылили воду из сапог, вырубил про запас два шеста и поспешили догонять связчиков. Надеялись, что они за поворотом, а добирались около часа. Вроде и шевелились, а всё равно продрогли — Север всё-таки. Хорошо, что Миша встретил не только с заслуженным трёхэтажным приветствием, но и с двумя кружками.

По Бахте сплавлились большой бригадой. Присоединился профессор из Москвы и при нём холёный парень из категории «сопровождающие лица», у которого чувство собственной значительности было выше, чем у того, кого сопровождал. Добавился и наш сибирский мужичок, давший недостающую лодку. Когда сплавливаешься и меняешь табор каждый день, хлопоты на обустройство отнимают очень много времени. Хочется — не хочется, но каждый вечер надо ставить палатки, заготавливать дрова, солить рыбу, готовить ужин и сушить промокшую за день одежду. На москвичей в этих заботах надежда маленькая, гостям можно сделать и послабление. Но этот владелец лодки, вроде бы свой, должен понимать, что само ничего не делается. Он вроде и не отказывался, но, проволынив на тщательном обустройстве собственной палатки, подключался к общим работам к шапочному разбору. Зато мокрую одежду на вешала успевал пристроить в первую очередь на лучшие места. Но удилищем махал и умело, и удачливо. И вот приносит он к табору полный кан, да ещё и с довеском из десятка хариусов на кукане, а Миша полдня клеил пробитую лодку, потом заготавливал дрова, выбирая сухостоины, и ничего не поймал. Герой хмыкнул и выговаривает: надо, мол, и рыбачить, вносить хоть какой-то вклад в общий котёл. Бедный Миша даже не знал, что ему и ответить. Но обиделся крепко.

В Енисейск возвращались на катере. Загрузили фляги, лодки, рюкзаки. Пробежались по берегу удостовериться, что ничего не забыли. И к дому. Успели соскучиться. А отпраздновать нечем. Но это терпимо. Беда в том, что курева осталось полпачки на троих, а до ближайшего магазина ходу часа четыре, если не больше. Вышли на корму, задымили, прикидываем, что следующий перекур можем позволить себе не раньше, чем через час. И подходит к нам этот великий рыбак стрелнуть сигарету, побаловаться захотелось: я, мол, некурящий, но за компанию... Мы с Мишей категорически отказали. А Гамлет — дал. Не смог отказать даже этому, не очень приятному, мягко говоря, человеку.

С профессором, личностью весьма влиятельной в медицинских кругах, Гамлет держался с естественным уважением, но без подоби- страстия. Миша на всякий случай взял его в свою лодку, а то на реке всякое бывает, даже самые терпеливые срываются.

О наших речках можно рассказывать очень долго. Для экономии времени и места приведу своё стихотворение, появлением которого я полностью обязан Гамлету:

Порог

Когда бы не камни, река онемела,
И то, что за день рассказала река мне,
Она бы за век рассказать не сумела —
Когда бы не камни, когда бы не камни.

Легко одолев травянистые мели,
Расслабленно плыли мы ласковым плёсом
Туда, где, казалось, скучали таймени
По нашим весёлым уловистым блёснам.
Почти что вслепую — реки повороты
Причудливей, чем у любого лекала.
Но вот настороженно, словно ворота,
У берега встали щербатые скалы,
Поросшие редким корявым багулом.
Ещё поворот. Берега — на суженье.
А дальше — густым нарастающим гулом
Порог заявил о своём приближенье.
Так зверь отгоняет пугающим рыком
Врага от своих несмышлёных детишек.

Орлан над распадком, ручьями изрытом,
Степенно круги свои мрачные пишет.

Река всё быстрее. Давно ли плелись мы,
А здесь уже ветер упругий и свежий.
Над камнем струя пролетает по-лисьи
И давит валун, обхватив по-медвежьи,
Вода взбешена, что валун неподвижен,
Ревёт так, что мы уж друг друга не слышим.

Быстрее, быстрее. Вон хариус чёрный
Взлетел над чистинкой и канул, как камень.
Промокли тельняшки, и в пене лодчонка,
А речка по глыбам скачками, скачками
Несёт нас, и по сердцу эта игра нам —
Лихая с лихвою, но чистая сила.
Мы знали, что здесь не бывает стоп-крана.
Ну вот и допрыгались — шест закусило.

Нас вертит поток, и мокры наши лица.
Капризы реки и удачи капризы...
Не верил — поверишь
И станешь молиться.
А берег — как локоть, который так близок.

Гамлет много лет мечтал попасть на Турухан, на заброшенную дорогу Салехард — Игарка, печально знаменитую 503-ю стройку. В своё время на ней довелось поработать его отцу. Студента железнодорожного факультета отправили туда по этапу. С крайнего юга на Крайний Север. Каково ему там было, молодому и самолюбивому? «Ты был задирист слишком, похож на главаря», — напишет о нём взрослый сын. Полагаю, что было несладко. Приходилось вкалывать до изнеможения, драться с урками (не только до первой крови), быть битым и униженным. Но и славу изведать довелось. Ему, можно сказать, повезло, хотя слово «везение» за колочей проволокой вроде и неуместно, звучит почти издевательски. Главным на стройке был полковник Василий Арсентьевич Барабанов, один из редких лагерных начальников, которых даже эки вспоминали с уважением. Большой поклонник театра, он поощрял создание в лагпунктах художественной самодеятельности. К тому времени разрешили участвовать в спектаклях не только уркам и бытовикам, но и политическим. Среди контингента хватало профессиональных актёров, но и любителям находилось место на сцене. «Крепостные театры» не пасовали и перед постановками классических трагедий. На мой взгляд, вовсе не случайно: по накалу страстей и широте жестов шекспировские сюжеты ничуть не уступали лагерным. Отцу довелось сыграть и Гамлета, и Отелло. Не сомневаюсь, что волевой и темпераментный заключённый с яркой фактурой имел на сцене большой успех. Полагаю, что и плотное знакомство с великой драматургией добавило ценные штрихи в его лагерное образование. На классический вопрос: «Быть или не быть?» — он всегда без колебаний отвечал: «Быть». И в зоне, и на вольном поселении, и на свободе, всему вопреки и несмотря ни на что, не только выжить, но и победить. Выжил сам, воспитал и выучил четверых детей и даже производственную карьеру сделал. Оттуда, из лагерно-сценического прошлого, старшему сыну досталось имя, диковинное для сибирской деревни. И не только имя. Меня всегда поражала в Гамлете невидимая для посторонних отчаянная целеустремлённость. Вдосталь наглотавшись ехидненьких насмешек, высокомерия мэтров, козней завистников, он без нахрапа, но упрямо гнул свою линию и в конце концов добивался результата. Уверен, что это качество досталось ему от лагерного прошлого родителей, не только отца, но и матери, которая была ему ближе.

Разговоры о «сталинке» могли бы оказаться очередной невоплощённой мечтой, но нам повезло. Хомайко случайно вышел на

связь со старым знакомым. Вертолётчик Серёжа Мамаев, молодой, но успевший «налетать на две пенсии», обещал помочь и помог. За долгие годы дружбы я не помню, чтобы он не выполнил обещания.

Когда приземлились в Яновом Стане, первое, что бросилось в глаза, — перевёрнутый паровоз и бетонные быки недостроенного моста. Ленивый, неповоротливый Турухан вкрадчиво полз между плоскими берегами. Привыкшие к бурным правым притокам, мы ощутили какое-то разочарование. Плеснули в кружки. Помянули невинно осуждённых. Закурили и увидели крохалья, низко летящего над лесотундрой, за ним гнался ястреб (по местному — соколок). Крохаль отчаянно частил крыльями, впереди синело спасительное озеро, но уверенные взмахи крыльев хищника безжалостно сокращали расстояние между ними. Смотрим, переживаем и ничем не можем помочь. Крохаль не дотянул до воды метров пятьдесят. И это как-то приблизило нас к тому времени, когда на стройке лаяли собаки вохровцев.

На другой день отправились по шпалам к ближайшей зоне. Правда, шпалы перед мостами висели в воздухе (вместе с рельсами). Насыпь просела, а сваи, вбитые в мерзлоту, остались на прежнем уровне. Гамлет мрачно шутил: воздушно-подвесная дорога в светлое будущее. Мы посмотрели маркировку на рельсах. Оказалось, что отлиты они в демидовские времена. Значит, служили где-то долгие годы, стонали под тяжёлыми составами, потом пригнали эзков, чтобы не сидели без дела, заставили демонтировать и перевозить на новое место.

Какое-то время спустя я вычитал, что решение было не политическим, а технологическим. Оказывается, советские рельсы сороковых годов имели порог хладостойкости всего минус двадцать градусов по Цельсию. Сказал об этом Гамлету, и он возмутился, не хотел он соглашаться, что на этой бутафорской стройке было хоть что-то разумное.

Мы прошли по дороге километров семь и увидели зону. Если бы не щетина березняка между бараками, можно было подумать, что она действующая: сделай косметический ремонт — и загоняй новую партию.

На обратном пути нам показалось, что за деревьями прячется какое-то строение. Решили любопытствовать, свернули с насыпи и пошли по тундре. Через полтора километра, что называется, «дали сок». Три откормленных мужика в расцвете сил. С тех пор я довольно-таки скептически отношусь к фольклорно-киношным побегам из лагерей через бесконечную тундру и буреломную тайгу. По насыпи идти намного проще. Охотники приспособили «сталинку» для путика. Хоть какая-то польза. Ну и глухарям на галечной насыпи раздолье. Вот только цена за эти маленькие удовольствия слишком большая.

Ночевали мы на метеостанции. В последний вечер к нам присоединился местный промысловик, знакомый хозяина. В разговоре выяснилось, что его отец служил вохровцем на этой стройке. Какие

могут быть у Гамлета претензии к нему? — куда послали, там и работал. А мужичок, соскучившийся по разговорам, убеждённо вещает, передаёт отцовские легенды, в которых ээкам на стройке жилось не хуже, а то и лучше, чем охранникам: и день у них нормированный, и зарплата на книжку капает, и главные роли в театре им достаются. Посматриваю на Гамлета. Мой друг мрачнеет, но молчит. Не хочет обижать незнакомца, пришедшего к человеку, приютившему нас.

Возвращаясь с Турухана, мы положили в рюкзаки по костылю с «мёртвой» дороги, но Гамлет вывез оттуда нечто большее. Невозможно предугадать, что толкает нас к тому или иному стихотворению, порою самые безотносительные к теме вещи. Но в этом случае реакция получилась и ожидаемой, и закономерной. Прорвало на стихи о родителях. Стихи качественно другого уровня, которые никто не мог написать, кроме него. А именно это и определяет поэтическую состоятельность. Появились «Чубчик», «Мама»...

Ты прости меня, мама,
что был тебе в тягость,
в то далёкое времечко
не помогал.

Лишь питался и спал,
девять месяцев кряду,
и узреть белый свет
я, наверно, мечтал.

Между тем ты валила
смолистые сосны
и делила с подружками
скудный обед.

Так порою тебе
от меня было тошно,
только всё-таки надо
было есть этот хлеб.

Был он чёрен и мал,
был совсем невесомый,
эта боль, этот хлеб —
ноздреватый, хмельной...

Через полтора года после нашего, можно сказать, паломничества на Турухан у него вышла долгожданная первая книжка. Тоненькая, но с обнадёживающим названием: «Светает».

Московский поэт Владимир Леонович говорил мне, что плакал, когда читал его стихи о матери, а он знал цену настоящей поэзии. Вскоре после этого разговора мы с Гамлетом оказались в Москве в одно время.

Я позвонил Володе, и он пригласил нас в гости. К моей радости, они сразу понравились друг другу. Оба были приятно удивлены. Гамлет не ожидал, что столичный мэтр, лучший переводчик Галактиона Табидзе, встретит гостей в валенках и усадит за самодельный стол, сработанный из толстых некрашенных плах. Леонович не ожидал, что сибирский мужик, выросший в семье ссыльных, может быть таким интеллигентным и мягким. Удивление своё они тщательно скрывали, а потом поодиночке каждый высказывал мне своё восхищение. Месяца через полтора Володя прислал стихотворение, которое просил показать Гамлету, если буду уверен, что он не обидится.

ЕНИСЕЙСКИЙ ГРУЗИН

Любезный сердцу генотип!
Хоть нос твой в первом поколенье
хакаска-мать укоротит,
но в третьем, всем на удивленье,
ту седловину взгорбит хрящ,
а глаз, мерцавший в щёлке, в пятом
весь выскочит, круглогорящ!
И назовут дитя Багратом.
В крови раздор и непокой,
живые струи неслиянны —
и с кахетинскою тоской
глядишь ты на свои Саяны!
Ты вниз уплыл и там осел.
В седьмом — по тундре ты размазан...
Что ж так неласков Енисей?
Уехал бы... ах, не к хакасам!
В девятом — крепкий автохтон —
примчишься на санях в Дудинку
и в сумраке, как мех, густом,
увидишь — деву-кахетинку!

Появление грузина объясняется тем, что Леонович плотно связан с грузинской поэзией. В трудные годы его и печатали там больше, чем в России. А превращение матери в хакаску, полагаю, потребовалось для придания портрету наибольшей рельефности, ну и экзотичности, конечно. Поэзия всё-таки — не документалистика. Но в появлении этого стихотворения виноваты, без сомнения, тёплые посиделки за самодельным кухонным столом. Гамлет на стихи не обиделся. Но не удержался, высказал сожаление, что если бы вместо грузина был армянин, он обязательно порадовал бы отца.

Хирург с умными руками, в бытовых мужицких делах он был не то чтобы совсем неумеха, просто у него не хватало на них времени,—

и всё-таки построил гараж, выкопал погреб возле дома. С погребом случился небезопасный курьёз. В один из не самых удачных дней пришёл Гамлет набрать картошки, а навесной замок закапризничал. Доктор нервничает, а замок не открывается — то ли заржавел, то ли заклинило. И пошёл он жаловаться на этот жлобско-купеческий механизм к верному связчику, живущему по соседству. Миша — мастер на все руки не только в тайге, он и модельные женские сапоги может сшить, но без куража ему скучно. Выговорил, что открывать замки намного сложнее, чем ковыряться скальпелем в живых людях. Человека можно спросить, где у него болит, а замок для того и предназначен, чтобы скрывать секреты. Пристыдил несчастного, потом взял ножовку по металлу и отправился на операцию. Миша пилит, а Гамлет от нечего делать разглядывает соседские погреба. Один показался очень похожим на тот, который строил сам. Ради любопытства вставил ключ, и зловредный механизм гостеприимно открылся. А Миша продолжает пилить, осталось совсем чуть-чуть. Им крупно повезло, что хозяин погреба не явился за солёными огурцами, но от изрядной порции ненормативной лексики рассеянному доктору увернуться не удалось, а заодно и вспомнить, что в холодильнике есть нечто подкрепляющее словесные извинения.

В 1992 году перестало существовать Красноярское книжное издательство, но появилось много частных типографий. Издать стихи стало проще. Гамлет не суетился, но книги стали возникать сами по себе и, главное, без нервотрёпки, унижительных выпрашиваний и долгих ожиданий. Благодаря неуёмной энергии Ерёмину и энтузиазму Тамары Колесник в Енисейске вышел сборник «Трое в лодке». На обложку сфотографировались в тельняшках и с трубками. У Ерёмину тельняшки не нашлось, и он пришёл в полосатой кофте жены. Если присмотреться к снимку, видно, что спина у кофты чёрная. И всё-таки «морские волки» выглядели эффектно. Книга, несмотря на провинциальный вид, можно сказать, имела успех и помогла Гамлету вступить в Союз писателей, а это было для него очень важно. Потом стараниями Олега Корабельникова вышел «Друг Горацио», полноценный, с любовью оформленный сборник. Дальше подоспели «Комариный клавесин», «Матушка» и солидная, уже в твёрдом переплёте, книга избранного «Встревоженное небо».

Стихи наконец-то обрели свой дом. Казалось бы, можно облегчённо вздохнуть, перекурить и оглядеться. Да не получалось. Рано утром выезжал из дома и поздно вечером возвращался. Не отпускали больничные заботы, одолевали частные лица с просьбами устроить, помочь. Друзья, земляки, знакомые, малознакомые и даже знакомые малознакомых шли, не стесняясь. Хорошо понимаю больных (даже мнимых), перепуганных онкологическим диагнозом, но особенно докучали не желающие стоять в общих очередях, привыкшие всё делать

по благу и любители просто похвастаться в своём кругу, что у них есть знакомый доктор. Иные просили помочь, другие требовали, а потом ещё и обвиняли. Гамлет не отказывал никому. Выслушивал, водил по кабинетам, а это делает врача обязанным своим коллегам и порождает нездоровые сплетни.

Когда в больнице сменилась власть, пришли новые люди, Гамлет почувствовал себя в привычных стенах не совсем уютно, вроде как лишним. Что творилось у него в душе, знают только близкие. Внешне он оставался всё таким же выдержанным и благожелательным.

Узнав о болезни и удостоверившись, что надежды на ошибку в диагнозе не осталось, он почти месяц скрывал это от меня и Миши. Проговорилась Татьяна, когда развязка была уже совсем близко. Я приехал в больницу и не застал его в палате. Я даже обрадовался, подумал, что, может быть, жена сгустила краски и всё обойдётся. Позвонил ему, пожурил бодреньким голосом за нарушение режима. И опять мелькнуло в голове, что если он за рулём, значит, всё не так страшно,— не хотелось верить. Они приехали на такси. Таня, увидев меня, не стала отпускать машину, сказала: поболтайте по-мужицки, не буду вам мешать,— и уехала. Поболтать не получилось. Я не знал, о чём спрашивать. Он тоже не задавал никаких вопросов. Поднялись в палату выложить продукты. Он стал угощать виноградом. Потом пришла медсестра. Гамлет выговорил за какой-то «косяк», допущенный утром. А когда она ушла, стал оправдываться передо мной: извини, мол, не сдержался. Потом позвал вниз покурить. Привёл в закуток, скрытый от камер, сказал, что место показали больные, себя к этой категории он вроде как и не причислял. Я попытался рассказывать какие-то новости, но постоянно чувствовал, что ему это уже неинтересно. Со мной сидел совершенно незнакомый человек в облики старого друга, может быть, чуть-чуть похудевшего. Докурили, и он сказал, что пойдёт приляжет. Я понял, что свидание закончено.

В середине августа мне пришла бандероль от Беликова. Пятнадцать лет назад в Москве выходила составленная им антология «Дикороссы». И вот случилось уникальное по нашим временам событие: книгу издали на армянском языке. Примечательно, что сделали это не в Ереване, а в измученном многолетней войной Нагорном Карабахе. Нашли силы внести поправку в растиражированный афоризм, что музы молчат, когда гремят пушки. В русском издании Гамлета не было, но подвижница Нвард Авагян разыскала и перевела его стихи. Книгу вёз как лекарство. Даже в самых смелых мечтах он не мог подумать, что увидит свои стихи на армянском языке. Хотел написать: «на родном». Нет, родным всё-таки был русский, и это естественно для человека, рождённого и выросшего в Сибири. Русская и армянская крови уживались в нём безболезненно. Трагическая раздвоенность полукровки его не терзала. Но он всегда помнил, что матушку зовут

Евдокия Дмитриевна, а отца — Арменак Ованесович. Он интересовался армянскими поэтами, но больше всего любил Есенина и Павла Васильева. Самое точное определение его национальности было — сибиряк. И всё-таки в последние годы голос армянской крови стал слышнее, чем в молодости. Особенно заметно это стало после смерти отца. Которого, кстати, жители Енисейска звали Григорием Ивановичем, но в советские времена не он один переименовывал себя на русский лад, для удобства, но не ради конспирации. Отца не стало, и в машине у Гамлета зазвучал дудук. Впрочем, эта армянская печаль была полностью созвучна и моей русской душе.

Я протянул книгу и сказал, на какой странице его подборка с портретом, но ожидаемой радости не увидел. Полистал, поблагодарил, пожалел, что не знает языка, и вернул. Я объясняю, что это его экземпляр, он ещё раз терпеливо благодарит и просит положить её на стол, а заодно взять его последний сборник.

Подарок опоздал. Жить Гамлету оставалось около месяца. Жить в тяжёлых муках, с болями, которые очень тяжело терпеть. Он был спокоен, сосредоточен. На чём? Не знаю.

Дома открыл «Не студи душу, хиус». Стихи в основном знакомые, но глаза то и дело задерживались на строчках, которые читались совсем по-иному: «Некстати выпасть из игры...»; «Я живу в деревне, где одни кукушки,— отдохни, послушай...»; «Я скоро, наверно, умру...»; «Эта звёздная, эта звёздная нить! Не успеешь родиться — пора уходить»; «Сколько жизни мне осталось молодой да сладкой? Может быть, всего лишь малость — и грущу украдкой». Вот именно — украдкой. Это прорывалось в стихи, а в жизни он был, можно сказать, оптимистом. Нытиков недолюбливал. Никогда не понимал и не принимал самоубийц. Ворчал: «Возишься с ними, мучаешься с ними, а они...» Когда появилась версия, что Есенин не покончил с собой, а его убили, Гамлет безоговорочно поверил в неё и даже стихи об этом написал. Свою «Эпитафию» в последний сборник он не поставил. Она вошла в книжку, изданную за семнадцать лет до смерти.

Читаю:

...Эх, надо бы лучше!
Эх, надо бы звонче!
Эх, надо бы выше,
да, видно, устал.
И друг закадычный
мне что-то бормочет
и грустные строчки,
отправит в журнал.

Так это же я полтора часа назад бормотал ему, лежащему на диване, что отправил его подборку в «День и ночь» и она выйдет в ближайшем номере. Бормотал, как бы извиняясь. Наверно, и тогда, в конце девяностых, я обещал что-то пристроить. Не помню. Но когда

возвратился от больного и прочитал «Эпитафию», мне показалось, что в ней предугадана последняя встреча. Даже не по себе стало.

Да что «Эпитафия» — вся книжка «Не студи душу, хиус» переполнена предчувствием. А сдана в набор до того, как Гамлет узнал о болезни. Настоящие поэты обречены на это трагическое пророчество. Рубцов и Рябеченков угадали с точностью до месяца.

Хоронили его в конце сентября. Армянская община выделила самое почётное место, рядом с храмом. Народу пришло очень много. Родню и близких я знаю, но в основном были незнакомые лица — люди, которым доктор помог выжить, защищая их от коварной болезни, не жалея себя.

День был солнечный, тёплый. Пурпурная листва кладбищенских рябин ещё не облетела. Тяжёлые грозди гнули ветки. В предыдущем году рябина не уродилась. А здесь, словно по заказу, иллюстрация к стихам его любимого Есенина: «Горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть».

А через неделю выпал снег.

Немежикова Ольга

Голая весна. Заповедник «Столбы»

Весна в сибирской тайге протекает в пять чётких этапов: снежная, пёстрая, голая, зелёная и предлетье. Каждый из них прекрасен по-своему, я же хочу рассказать о «первоцветном» периоде, который в «официальной» фенологии заповедника «Столбы» длится с 27 апреля по 22 мая. Лес в это время дивно прозрачен (почки лиственных деревьев и кустарников только проклёвываются, потому весна называется голой), но земля успела прогреться и радуется первоцветами. Птицы поют, бабочки порхают, жужжат шмели, носятся бурундуки, воздух благоухает! Уже появились таёжные клещи, но разве они отпугнут настоящего натуралиста?! Никогда! Он заранее поставит прививки и насладится всеми красотами пробуждающейся тайги.

Лес один для всех, однако каждый любитель природы видит его по-своему, и нет конца описаниям его воплощений. Предлагаю совершить пять прогулок в голую весну 2017 года, отмеченную редким явлением — снеголомом, пройти весь период до первого дня зелёной весны, чтобы в этот же день, поднявшись из долины к центральным скалам, встретиться снова с первым днём голой весны.

ПОСЛЕ НОЧНОГО УРАГАНА

30.04.2017. Несколько дней стояла палящая жара, а за ночь шквальный ветер всё изменил. Тайга притихла под мокрым небом, приходит в себя после первого солнечного удара и урагана.

Иду по лесной тропинке вдоль Лалетины, пытаюсь уловить аромат ранней весны, но нет никакого особенного аромата, это воздух так густо напоён влагой, что, кажется, не дышишь, а пьёшь. Или... поёшь? Душа, открытая чуду, поёт, потому что всё вокруг, несмотря на бесцветное небо, приятно глазам и чувствам.

Над тёмной землёй танцуют на месте, взявшись за руки, балеринки в кисейных пачках — зеленеет полупрозрачный ковёр ветреницы алтайской, она в полной своей поре. Моросит полусонный дождь, и ветреницы свернули лепестки в кулончики, поникшие в ожидании солнца. Стоит распогодиться, и навстречу лучам доверчиво раскроются белые звёздочки с пушистыми шариками-сердечками.

Тут и там среди ветрениц матово желтеют немногочисленные пока примулы и хохлатки, едва заметен синеватый крап первых медуниц.

Зато по берегам Лалетины, не опасаясь дождя, распахнулись ярко-жёлтые венчики приземистых калужниц, ранних, в эту пору ещё мелковатых, лаково светятся среди бурых кочек у тёмной воды под путаницей черёмуховых ветвей. Калужница болотная — красивейшая спутница горных ручьёв. Едва появившись, спешит она расцвести, надолго украсить речку, ведь у неё в запасе множество бутонов и сочной зелени.

Зелени на лесном опаде негусто, лишь вокруг прошлогодних стеблей крапивы бурное оживление — пробиваются щётками жгучие всходы. Лиственные деревья и кустарники, особенно на фоне неба, и вовсе как нарисованные графитовым карандашом.

Хребты заметно оттаяли, но в логах снега ещё с избытком. Плотно лежит, похожий на белоснежный бисквит с прослойками зимнего сора из чёрной трухи, чешуек, блёклых игл, битых веточек.

После перевала я свернула с большой дороги на лесную тропинку к Царской Калитке. Прошла пояс смешанного леса, поднялась в темнохвой. Здесь, в царстве пихт, сосен, кедров и пока ещё голых лиственниц, морось, как по волшебству, сменилась снегом, редким, мокрым, неторопливым. Будто снежинки не в воздухе падали, а оседали в воде, растворяясь бесследно.

Сама Калитка прикрита мшистым одеялом, присыпанным прошлогодней хвоей, — в ожидании лета дремлют древние камни, спрятанные среди вековых деревьев. Потаённое место, тихое, умиротворённое, хотя расположено совсем недалеко от центральных скал и хоженых троп.

Медитативную тишину нарушила бойкая кедровка. Уселась на верхушку высоченной пихты и, невзирая на осадки, как давай распеваться! Да с вывертами, будто голосовые связки взялась упражнять. Посвистывала и повизгивала, потрескивала, пощёлкивала и клеко-тала, а когда утомилась, снег прекратился. Отовсюду послышались голоса мелких пичуг.

Откуда ни возьмись, выпорхнул поползень, подхватил семечко из насыпанного мною угощения, перелетел на сосну, устроился на стволе вниз головой и начал добывать зёрнышко. Расклевал, за новым отправился.

Ночной ураган обновил в тайге воздух и повалил ослабленные деревья. Ниже Калитки через тропинку рухнула дородная, в два обхвата, сосна. Ствол раскололся от падения, обнажив прогнившую сердцевину, развалились на поленья толстые, как щупальца гигантского спрута, изогнутые ветки. Тут же, среди ворохов хвои, полегла вывернутая с корнем красавица-берёза, которой стоять бы ещё да стоять — росла, на беду, по ходу падения. Но так уж в тайге устроено: лесина валится, и вокруг не только щепки летят. Однако нет грусти в этой картине, лишь изумление и восхищение мощью лесных великанов. Нет грусти, потому что из-под снега появляется перезимовавшая трава, такая

же яркая и густая, как лапы пихтовые. Сейчас их зелёный цвет в тон травы попадает настолько, что издали трава кажется продолжением этих лап. Так и в жизни: одно незаметно подхватывает другое, не даёт оборваться, пропасть.

Обходя упавшие деревья, обратила внимание на долговязый сосновый пень: давно стоит, понемногу ветшает. На нём в метре от земли выросла диковина: огромный, как блинная сковорода, слоистый гриб. Угольно-чёрный, блестящий, с широкой киноварно-красной оторочкой, подогнут оранжевой выпуклой кромкой. Исполд гриба трубчатый, цвета топлёного молока. По-научному гриб этот называется трутовик окаймлённый. Он наряден настолько, что кажется сказочным.

Среди снега, мха и травы пробиваются к свету новорождённые «ёршики» хвойных.

СНЕГОЛОМ

03.05.2017. И вновь несколько дней дневная температура держалась выше двадцати градусов, а сегодня ночь напролёт сыпал лохматый снег, такой обильный, что, выглянув утром в окно, не верилось глазам: земля потонула в белом.

Вхожу в лес, как в зимнюю сказку, да только не сказка это, а испытание ранней весны. На каждой ветке, согнутой в дугу, словно не снег лежит, а многопудовый... так и хочется сказать — саван. Однако красиво необыкновенно!

У центрального входа в заповедник с лестницы открывается грандиозная картина. Лес настолько плотно укутан снегом, что, кажется, можно идти по веткам, кронам, макушкам за горизонт и даже потрогать небо. Оно, тяжёлое, сероватое, мокрое, навалилось и, похоже, вот-вот раздавит фарфоровый ажур белого панциря. Среди разломаченных сосен вниз по склонам стекают крутыми волнами гребни, метёлки, хвосты, веера берёзовых веток, плотно затканых снегом.

В прошлом году, на 9 Мая, когда большинство берёз успели выпустить листья, выпал такой же влажный, густой снег, переломал множество сосен, согнул высокие берёзы широкими арками до самой земли. Лес напоминал сюрреалистический пейзаж: ещё вчера стройный, радостно зеленеющий, за одну ночь он превратился в стаю огромных окостеневших чаек, запутавшихся в белых сетях, стекающих с неба, распластанных по земле. Не все берёзы свесили головы, многие были повалены с корнем, хотя были и неповреждённые. Так и не смогли оправиться согбенные берёзы, всё лето зеленели диковинными мостами между жизнью и смертью. Говорят, подобное не случалось лет пятьдесят, а тут повторилось второй год кряду. Нынешний снеголом оказался не столь беспощадным, чуть раньше нагрязнул, на пухлые почки — не листики, и многие деревья убереглись.

Однако тут же, вдоль лестницы, из снежно-черёмуховых снопов любопытно выглядывают усыпанные ледяными хрусталиками розетки

жёлто-зелёных листьев с кистями плотных соцветий. Им снегопад нипочём — ни следа обморожения! С чёрных веток, щедро унизанных только-только проклюнувшейся жадной цветения, бахромой свисают широкие ленты мокрого снега — удивительное сочетание несочетаемого. Смотришь и не знаешь, чему верить: плохо всё это, а может быть, хорошо? У природы свои причуды, мы можем лишь наблюдать, изучать, удивляться и радоваться гению её возрождения.

Кружат в тусклом небе два коршуна, кричат переливчато. Кого высматривают они среди снежной пустыни? Ни белки не встретилось мне по дороге к скалам, ни бурундучка, все попрятались в домики, пережидают свалившуюся лихоманку.

Лишь хлопочут синички, поползни и прилетевшие с юга яблони подкрепляются у придорожных кормушек. На одной из них столовалась пара крякв — нарядный селезень и коричневая утка.

Тропинки нынче непроходимы: завалены снегом и вывороченными деревьями. Но чем ближе к скалам, тем реже встречаются разрушения: весна в полной мере до перевала не добралась, и после притока Второй Поперечной не видно следов снеголома — обычная зима.

Необычайно яркий среди снегов, вылетел из лесу дятел, вверх-вниз махая крыльями, как большая пёстрая бабочка; волнообразно ныряя, «доплыл» до высокой берёзы, мягко «пристволился», ненадолго застыл великолепным изваянием и отправился в поход вокруг ствола, как по винтовой лестнице, забираясь всё выше.

Вдоль дороги, а правильнее сказать, вдоль натопанной колеи, стоят дородные, высотой в человеческий рост, крутобокие снежные бабы: глаза-шишки, улыбки из веточек, вместо морковок — задорные сучки! Каждое языческое изваяние посредством особенностей лепных форм и веточно-хвойного антуража воплощает деятельное вдохновение коллективов народных скульпторов, потому что скатать такие впечатляющие шары возможно и порознь, но водрузить трёхэтажную фигуру в одиночку вряд ли получится. Как хороши эти «майские» духи зимы! Словно сошли с новогодних открыток в стиле модерн: вот она, классика жанра в современной импровизации!

ЦВЕТУЩИЕ БЕРЕГА

07.05.2017. Поздний снегопад, причинивший столько вреда берёзам и соснам, оказался для леса настоящим парником, укрывшим всходы на период похолодания. Не прошло и недели со злопамятной ночи, превратившей весенний лес в зимний сон, как весна с лихвой отыграла позиции: выпавший снег растаял, напитал землю водой, и травы кинулись в рост.

Лес всякий день украшается, цветов прибывает по склонам, до перевалов, и мы, если хотим порадоваться весенним краскам, звукам и запахам, должны поспешить, потому что наша весна стремительна, как сейчас речка Лалетина. Вроде ещё вчера всё было белым-бело, не

успеешь оглянуться (и куда это снег пропал?!), как на буром ковре появляются, сменяя друг друга, цветочные пятна, потом растворяются, поглощаясь, словно в ускоренной съёмке, сплошной зеленью лета.

Раньше всех появляются ветреницы, но белая волна уже схлынула и откатила в тень, теперь в долине царствуют жёлтые. Стоило стоять последнему снегу, как во множестве появились салатные розетки примул с фонтанчиками лимонного цвета. Это первоцвет весенний, по одной из легенд — ключ, открывающий лето. В самом деле, соцветия, неизменно склонённые на одну сторону, свисают с воскового стебелька, будто связка ключей. Лесная подстилка словно обрызгана лютиками (лютик однолистный). Кольшутся от малейшего ветерка колпачки хохлатки (хохлатка крупноприцветниковая). Неброски, но очень милы лесные анютины глазки (фиалка одноцветковая). Над глинистыми пяточками и откосами поднимаются на чешуйчатых стебельках астрочки мать-и-мачехи. Жёлтое обилие представлено гаммой от пастели и акварели до насыщенных красок «из баночки» гуаши с добавлением мёда для пущей яркости — у воды сияет калужница!

Проследив за полётом крупного шмеля, обращаю внимание на очаровательную мини-палитру в синих тонах, от розовато-бордового до роскошной гаммы лавандовых оттенков, — расцвела медуница! Медуница мягчайшая — такое чарующее у этого цветка научное название. Мягчайшая, потому что листья её опушённые, потрогаешь — бархатно-шелковистые. Именно медуницу в весеннем саду выбрал рыжий лобастый шмель с седоватым брюшком (шмель городской). Придерживая цепкими лапками нежные лепестки, балансируя узкими крыльями, шмель собрал нектар с каждого венчика и отправился дальше, снова выбрав среди жёлтого поля розово-синий цветок.

Стоило присмотреться, как медуница «показалась» повсюду, а вместе с ней и синеватые кисточки другой хохлатки, приенисейской. Она мельче жёлтой сестрицы, встречается реже, и хотя держится значительно скромнее на цветочном ковре, этот цветок достоин особенного внимания. Хохлатка приенисейская — наш эндемичный вид (то есть произрастает на ограниченной территории) и занесёна в Красную книгу Красноярского края.

Ежедневно дует сильнейший ветер, почти ураган; быть может, потому бабочки, несмотря на летнее тепло, не летают, поджидая затишья. С неба сыплются короткие трели чёрного коршуна. Пытаюсь его разглядеть, но он поднялся так высоко, что почти неразличим, зато в прозрачной голубизне купаются гибкие кроны уцелевших берёз, плещутся в волнах шумливого воздуха: густые сети белоснежных в основании веток окутаны золотистыми облаками. Берёзы цветут! Листья ещё не показали, но зыблются на ветру гибкие, словно живые, серёжки, и кажется, это солнечные лучи запутались в ветках, переплелись, искрошились в пыль и теперь мельчайшими зеркалами отражают дневное светило.

Снеголом переломал много берёз, пострадавших с прошлого года, остались от них высоченные обрубки — необычные пни. Меньше в лесу белеет арок и дуг, создающих непривычную, тревожную графику: не растут такие берёзы — на коленях рыдают. Но лесная жизнь продолжается.

Лалетина шибко довольна: пополнились её берега, ушли под воду прибрежные травы, водорослями струятся. Воды так много, что речке удалось раскинуть дополнительные рукава. А как довольна окрепшая калужница — сегодня самый нарядный в долине цветок! Издалека видны приторно-жёлтые корзинки — каждая как на подбор, изумительно хороши среди атласной зелени, настолько насыщенного цвета, что в тени листья приобретают изумрудно-чернильный отлив. Можно писать картину с любого семейства калужницы: у бегущей воды и в воде, возле камней, среди кочек и замшелых брёвен, вывороченных корней и полуутопленных веток. Комары-пискуны ещё не мешают — не народились. Самое благодатное для пленэра время у лесной реки: тут и водопады, и стремнины, и заводи! Горная трясогузка (птичка с жёлтым брюшком), качая хвостиком, семенит по мшистой коряге, на ходу ловит мошек.

Думая о прекрасных холстах, я вышла полюбоваться на воду с моста у начала экологической тропы. Бежит река, подтопив берега, земли не видать. Стволы ив с оливковыми побегами образовали над руслом романтическую арку, из-под которой во всей красе нарисовался... селезень в брачном наряде! Голова и шея горят тёмно-зелёным отливом, белоснежный воротничок, жёлтый клюв, рыже-коричневая грудь, сине-фиолетовые зеркальца крыльев очеркнуты белым. Неспешно скользит по воде, аккуратно оплывает шиверки, излучины, огибает упавшие ветки. Появился из тальниковых зарослей как гимн восходящей весны!

ТАЁЖНЫЕ ГОЛИАФЫ. ВЕСЕННЕЕ ИЗОБИЛИЕ

11.05.2017. Всякий день в тайге чудеса обновления. Теперь впечатляет дягиль. Напористо вспахивают берега его богатырские побеги, каждый стебель несёт упаковку будущих листьев, настолько грандиозную, что «молочные всходы» соизмеримы с десятилитровым ведром! Дягиль — очень быстрорастущая трава, день и ночь его корни качают насосом из влажной земли воду. За лето отборным гигантам с ажурными шарами размером с баскетбольный мячик предстоит вытянуться намного выше человеческого роста: два с половиной метра для них — не предел.

Параллельно изумляет статуарностью форм новорождённая чемерица. Её туго скрученные листья протыкают лесную подстилку, как утолщённые наконечники пик. Глядя на них, вспоминаешь зубы дракона, которые сеял аргонавт Ясон, — именно так эти всходы и должны были бы выглядеть. Зубы дракона от чемерицы словно выточены из

нефрита и, наряду с молодым дягилом, на тёмной, очень влажной в это время земле заметны издалека.

Значительно скромнее на фоне поразительных голиафов выглядит поросль лопухов, крапив, ясноток, манжеток, репешков, борцов, дельфиниумов и других трав — все и не перечислишь. Однако любое растение, даже банальный пырей, достойно удивления и описания, любое необычно и красиво по-своему.

Сумасшедший ветер принёс тепло и успокоился, и сразу появились разные насекомые. На цветочных полянах множество пчёл, эффектных журчалок, увесистые шмелихи сгибают до земли нежные первоцветы. Да-да, именно шмелихи! Только шмелихи зимуют, чтобы возродить род. Им сейчас предстоит по-быстрому подкормиться, устроить гнездо и вывести рабочих шмелей, некрупных и дружелюбных, они и будут трудиться на цветах до конца лета.

Мириады рыжих лесных муравьёв снуют по лесной подстилке, бегут пауки-охотники. В воздухе мельтешат мошки, которые могут заинтересоваться блеском наших глаз, но отогнать их несложно, достаточно отмахнуться. Комары-толкунчики — не кровопийцы, а слепням и мокрецу ещё не срок. Таёжные клещи — на тропе войны. Бабочки, как всегда, восхитительны.

Тайга благоухает травами и цветами, наполняется звуками и даже вкусами! У лиственниц выросла нежная хвоя, чуть кисловатая: попробовать, пока хвоинки не закрубели, — как причаститься летней тайге.

Вдоль тропинки между хребтом и речкой, заросшей черёмухой, ивой, вербой, свиной и смородиной, изобилие калужниц, хохлаток, лютиков, медуниц, фиалок — жёлтое и синее на зелёном.

Первые ключики первоцвета в районе Чёртова пальца уже скрылись под землёй. Но ближе к скалам центральной группы этот полупрозрачный цветок, словно родившийся из весеннего льда и солнца, будет встречаться до середины лета.

Ветреница, что первая украсила белоснежными звёздочками голую подстилку, на солнечных лужках Лалетины отцвела, но радуется свежестью в тени. Ещё месяца полтора будут просыпаться Саяны, а на «Столбах» подснежники-эфемеры (цветы с коротким циклом развития) в укромных логах отцветут через пару недель.

Под легчайшим солнечным ветром качаются венчики первых цветов, над ними ныряют, взмывают, танцуют в одиночку и парами бабочки: лимонницы, пёстрые крапивницы, траурницы со светлой оборкой! Всех нарядней павлиний глаз, и как чудесно, что именно эта бабочка позволяет собою налюбоваться — любит сидеть, раскрыв крылышки, на прогретой земле, камнях и брёвнах.

Один павлиний глаз выбрал для солнечных ванн роскошное перо перезимовавшего страусника и долго на нём отдыхал, похожий на изысканную драгоценность, выложенную на тёмно-замшевой драпировке. Прекрасное на прекрасном... Смотришь и забываешь

дышать: папоротник с рассыпчатыми кудрями своей красотой под стать мимолётному гостю.

Вылетели первые белянки-капустницы. Ни одна не хочет остановиться! Неугомонные особы — мечутся кругами, зигзагами невысоко над землёй. Но к одной белянке, облюбовавшей лютик, удалось подобраться и хорошенько в профиль её рассмотреть: нижние крылышки цвета светлого воска, металлом сверкают булавы на тонких усиках, тельце и ножки слегка присыпаны голубоватой пудрой, — облик неброский и элегантный.

Порхают стайками мотыльки. Самые нарядные — ярко-голубые. Как жаль, что они не размером с траурницу, вот была бы красота небесная — не земная! Но и маленькие они довольно прелестны.

Надо ли говорить, что весь этот праздник непрерывно озвучен птичьими трелями?!

Не спеша продвигаюсь по тропинке, на каждом шагу что-то окликает: хочется всё увидеть и наглядеться; вслушаться, различить и запомнить; надышаться, пропитаться весной, её прелестью!

Вот сбоку, с тёплого корня, юркнул, деликатно шурша, под прошлогодние листья маленький дракончик (ящерица прыткая) самого весеннего цвета — салатового. Узкая спинка прострочена тёмным пунктиром, вьётся по склону вверх среди соломы, травы и камушков.

Наконец добралась до Чёртова пальца, остановилась и любуюсь скалой под синим небом с перистыми облаками. И здесь поджидал сюрприз: на вершине скалы отдыхал чёрный коршун. Завидев меня, расправил огромные крылья (размах — полтора метра), взлетел и, развернувшись без единого взмаха, исчез за косогором.

В районе лесостепи эту птицу обычно наблюдаешь как маленький парящий силуэт. В то же время чёрные коршуны — обычные обитатели Красноярска, особенно на окраинах, где их можно увидеть довольно близко; но встреча в первозданной природе неизменно настраивает на лирический лад.

Между тем над Чёртовым пальцем проплывало тончайшее облако. Словно зацепившись о пышные сосны хребта, оно собралось в мелкие складки. И кремовая скала, подкрашенная ржавчиной накипных лишайников, сизоватой зеленью степных трав на полках, зарослями кустарников по щелям, тоже казалась как бы присобранной неровностями, их тенями и полутенями. Соприкасаясь, скала и небо словно перетекали, продолжая фактурой друг друга, и на мгновение мне показалось — это не коршун, это я увидела себя с утёса: маленькая цветная фигурка на ниточке-тропке в долине таёжной реки, усыпанной бисером весенних цветов.

Берёзы в тайге без листвы, но окутаны дымчатой зеленью. По пути встретила рухнувшая со склона зрелая берёза. Лохматым земляным блином выворочен огромный корень, широкая крона легла на

тропу — продолжают падать живые деревья, повреждённые майским снеголомом.

Ветви берёзы унизаны пушистыми золотыми мужскими серёжками, а над ними, из почек повыше, тянутся к солнцу миниатюрные тёмно-зелёные женские. Каждая бережно, как створками раковины, обернута парой смолистых листочков с лёгким дегтярным запахом.

А как пахнут цветы?

Медуница — нет, мёдом как раз не пахнет: травяной запах. Ощутимо благоухает жёлтая хохлатка: благородный, чётко выраженный аромат. Запах ветреницы настолько тонок и свеж, что кажется, пахнет она снегом, пропитанным тёплым воздухом и... желанием лета!

Дыхание тайги сейчас создают почки и смолы, растущие травы. Вот-вот зацветёт черёмуха, и долина Лалетины превратится в ароматный шлейф, особенно восхитительный в сумерках.

Неожиданно моё внимание привлекает карминная бусина, резво перетекающая по веткам таволожника. Божья коровка! Крупная, лаковая — коровка семиточечная: на каждом крылышке по три точки и одна над головой, — эта коровка носилась по веточкам как заводная, искала поживу, но тлей на таволожнике не обнаружила и улетела.

Таволожник — местное название красивейшего кустарника спреи. Он только-только раскрывает почки, среди листьев которых притаилась будущая кипень душистых соцветий.

По кустам таволожника тянется белёсая... проволока? Откуда ей взяться? Пригляделась — это стебли княжика, таёжной лианы удивительной красоты. Из суставов веточек уже показались стрелки будущих побегов с зародышами бутонов прекрасных ниспадающих цветов, летом их лепестки будут колыхаться от малейшего ветра.

Прошла ещё несколько шагов: на тропе лежит крупный сухой опёнок, чёрный, крепкий, чуть поросший красивым лишайником пармелией, похожим на ягель (олений мох). Скорее всего, опёнок заготовила белка, укрепила в развилке берёзовых веток, да не съела. При ударе берёзы о землю гриб выпал из укрепа и теперь, никому не нужный, валяется — вокруг вдоволь сочных кормов. Интересно, сколько хранятся подобные запасы на деревьях?

Чем дальше в лес, тем чаще на солнечных склонах, среди сосен, берёз и таволожника, встречаются глянцевито-бордовые побеги марьяна корня с пышными фестонами красно-зелёных, ещё не развёрнутых листьев, в которых прячутся плотные шарики тёмно-изумрудных бутонов. Пион уклоняющийся — один из самых ароматных и заметных таёжных цветов, диаметр чашечки достигает десяти сантиметров, и скоро можно будет любоваться этим благоуханным чудом.

В конце лесной тропинки, неподалёку от выхода на экологическую тропу, вновь встретился высоченный завал: упала огромная осина с блестящим оливковым стволом. На ней ни единого листа, серые ветки унизаны крупными чешуйчато-пятнистыми почками

на гофрированных шейках. В каждой почке, как в колчане со стрелами, упакованы зачатки скрученных листьев, проложенных шелковистыми нитями. С веток обильно свисают мягчайшие серебристо-красноватые мужские серёжки.

Для продолжения пути пришлось обойти дерево, спуститься почти к воде, пробираясь между прошлогодними кочками, украшенными «ёжиками» свежей осоки. Тут-то и притаилась небольшая куртинка крошечных жёлто-зелёных лилий размером с ноготок. Гусиный лук — остролистная травка ростом с ладошку, усыпанная кулончиками бутонов и звёздочками цветов. Я словно попала в сад лесных эльфов, настолько очаровательны эти лилии!

Оглянулась... Не уйти с лалетинских берегов! Торчат из влажных мхов и прошлогоднего мусора стерженьки (размером аккурат со стержень авторучки) хвоща полевого в ювелирных браслетиках будущих «иголок». Выглядят как не от мира сего: какие-то техногенные травы, возвращённые по математическим технологиям, — хоть линейкой и транспортиром их измеряй!

Наконец добираюсь до экологической тропы. На мостике над Лалетиной гибкая девушка медленно выполняет плавные упражнения цигун — окатывает себя волнами энергии неба, солнца, реки, земли, деревьев и трав. Глядя на это гармоничное зрелище, веришь, что человек задуман как венец природы и всесторонне одарён изначально. «Небесные ворота щедро открыты для раздачи подаяний, и нет на пути к ним толпы» (Чжэн-Дао-ке).

На обратном пути, чтобы вернуться домой засветло (!), я наблюдала исключительно животных. Большинство встреч с ними случается именно на экологической тропе восточного склона. Здесь развешано множество кормушек, круглый год привлекающих обитателей заповедника. Если идти потихонечку, внимательно вслушиваться и глядеться, можно заметить многих животных.

Вот кто-то тёмный, с кошку размером, метнулся от кормушки через деревянный настил, ловко, в один прыжок, прыгнул на дерево, спрятался за ствол и выглядывает. Мордочка светленькая, сам тёмный, как и его пушистый хвост. Соболёк! Не так часто удаётся с ним встретиться и понаблюдать. Очень любопытным оказался зверёк: преспокойно улёгся в развилке огромной, в два обхвата, сосны, по асфальтовой дороге люди идут, громко разговаривают — ему хоть бы что! Со мной в прятки играет, как домашний котик: опустит мордочку — не видно его совсем, сливается с корой, поднимет — глазки блестят, ушки торчат. Но на дереве, если заранее не подметить, ни за что его не увидишь, настолько он сливается с сосновой корой.

Прошла метров сто: по склону гуляет парочка рябчиков. Петушок покрупнее, попестрее, с выраженным хохолком, увидел людей (нас собралось наблюдать четыре человека, я заранее подала знак, чтобы они приближались молча), забрался на валежину, контролирует

обстановку, а курочка продолжает кормиться, что-то собирает с подстилки, видимо, насекомых или какие ростки. Мы стоим тихо, до рябчиков метров десять, они не боятся, не улетают, их можно фотографировать. Петушок так и охранял свою курочку, на еду не отвлекался; она отошла, он за ней отправился. Интересно, что рябчики — моногамные птицы, в отличие от домашних кур.

У одной из кормушек трудилась белка, крупная, чёрная, с пушистыми кисточками на ушках, в посеребрённой накидке — остатки зимней шубки. Кормушка была полна кедровых орешков, белка собирала их в рот, размашисто бежала на склон, закапывала в землю добычу, была очень занята, спешила, пока угощение не обнаружили другие ценители таёжного деликатеса.

Деревянные мостки экологической тропы возвышаются над левым берегом Лалетины, с них очень удобно любоваться извилистой речкой, слушать музыку лесной воды. Но что это плещется между завалами?

Кряква купается! Лалетина — не Енисей, даже утке нырнуть в неё невозможно. Так утка отыскала поглубже проточную заводь — и давай плескаться, крыльями трепыхать; мелкие птицы в воде похоже купаются. Только кряква дополнительно останавливается, клювом воду набирает, на спину попрыскивает, «натирает» ею перья, вновь трепыхается — брызги так и летят! Накупалась, выбралась на мелководье — ну трясти крыльями, охорашиваться клювом, хвостом из стороны в сторону водить. Потом спустилась на воду и долго, плавая, сушила хвост, растянув его веером.

Подхожу к «Лесному театру имени Миши Тайгиша», уже поздно, солнце скрылось за холмами, ни одного туриста вокруг, ларёк с продовольствием давно закрыт, а на «заднем дворе» бок о бок разгуливают, как близнецы-братья, три довольных селезня кряквы. То в речку зайдут, поплавают, то по бережку ходят, пасутся. Видно, что утки здесь прижились. Под настилом достаточно места для укрытия, туристов всякий день много, все рады с утками поделиться, никто их не гоняет. Курорт! Утки почти ручные, очень украшают популярную площадку.

На переходе деревянной тропы через асфальт носились, играли в догонялки два бурундука-сеголетка с неопущёнными хвостами. А неподалёку взрослый бурундук, сидя на ветке черёмухи, раздувая животик, мелодично попискивал: «Брун, брун, брун...»

И точно: всю ночь, до утра, шёл дождь, — бурундуки перед дождём поют свою песенку.

ЧЕРЁМУХОВАЯ СИМФОНИЯ ЗЕЛЁНОЙ ВЕСНЫ

23.05.2017. Лес потерял прозрачность, позеленел. В погожий день берёзовые пряди так густо переплетаются с солнечными лучами, что кажутся прозрачными, золотистыми, весёлыми — купаются, играют с уветливым ветром, танцуют вокруг белоснежных стволов.

Столбик термометра вновь подскочил до тридцати градусов: мягкий порыв упругого ветра — и... взмыла черёмуховая волна, окатила травы чешуйками лепестков, и затрепетали в её шлейфе, закружились лесными эльфами бабочки! Мимолётная феерия...

Облетают пока единичные черёмухи, первыми расцветшие на солнцепёке, самые сильные, привольно-раскидистые.

Сочная молодь дягиля заполонила берега. Иные побеги успели вымахать выше метра, раскинулись шатрами отборных листьев, гонят из-под земли новую поросль. Другие травы тоже растут, стараются. На большой поляне у центральной лестницы желтеют крупные, как одуванчики, цветы мать-и-мачехи — в иных местах она давно отцвела, а здесь только проснулась. Всюду ёжатся заросли весенней крапивы, бойко напирают на прошлогодние сухопарые стебли, ещё немного — и они, подкошенные, упадут, а пока пугалами топорщатся.

Вдоль центральной дороги среди трав синеют разводья медуницы (исчезли розовые и фиолетовые оттенки из её соцветий), щедро набрызгано лютиков, фиалок, жёлтых хохлаток — сиреневых уже не видать. В тени восточных склонов на тёмной подстилке светятся нежные ключики-первоцветы.

По асфальту дороги поползли великолепные скарабеи (навозники лесные) — угольно-чёрные, крупные, с виноградину, выпуклые, блестящие, со щётками на коротких усах, брюшко и сильные лапки неоновосинего цвета. Этих нарядных жуков всегда хочется взять на ладонь, рассмотреть и перенести через дорогу, спасти от гибели под колёсами машин, под ногами туристов. К счастью, любители природы стараются на них не наступать — эти жуки действительно настоящее украшение лесной подстилки, тем более серого асфальта.

Цветёт в логах лесная смородина гроздочками пузырьков, стебли малины только-только выпускают побеги. На солнечных склонах роскошные плюмажи марьяна корня набрали тугие бутоны. Ярко-бордовые стебли кустарника свидины украсились бантами светлой листвы.

Шумно махая крыльями, гулко крухая, в голубоватом небе, подбитом лёгкими перьями облаков, пролетел в глубь тайги ворон.

С голых веточек ольхи свисают длинные зеленовато-сиреневатые серёжки, над ними первыми мотыльками расправляются плотно гофрированные молодые листочки, на некоторых ольхах этих мотыльков уселись дружные стайки. В солнечном свете золотятся завитки рябиновых листьев на концах сероватых, голых пока ветвей. Зато таволожник снизу доверху усыпан мелкой листвой и готовится подхватить эстафету цветения у черёмухи.

Летающими прыжками перенеслась через дорогу огненно-рыжая белка. Лишь возле пушистого хвоста кружевными штанишками сохранилась зимняя шубка.

Королева сейчас в тайге — черёмуха. Не такая рясная цветом, как садовая, но нисколько не менее ароматная. Она цветёт на припёках по всей долине, цветёт у скал, цветёт в распадках склонов, а в тенистых местах и под пологом высоких деревьев только-только ещё распускается.

Долина до самых краёв залита черёмуховым благоуханием, отовсюду воздушными родниками стекаются на дорогу ароматные русла, к вечеру переплетаются с влажными струями речного воздуха, чередуя прохладу с благоуханием. Приобщиться к черёмуховой симфонии приходит множество любителей природы. До самой ночи гуляют по дороге люди разного возраста, влюблённые пары. Прекрасные весенние пейзажи круглосуточно озвучены хрустальными переборами Лалетины, мягким шелестом ветра в зелёных теперь кронах и напевами певчих птиц. Всякий миг этого праздника полон гармонии и тихой радости единения, наслаждения и покоя.

В любовании цветущей долиной незаметно пролетело время, солнце приближалось к холмам, но я решила подняться, посмотреть, какие цветы украшают район центральных скал.

Где-то в далёком логу закуковала кукушка и тут же умолкла. Но почти сразу из ближнего лога раздалась ответная песенка, окатила тайгу ритмичными переливами простенького «ку-ку». Как старинные ходики, завелась кукушкина песня, долго звучала над лесом, который будто примолк, вслушиваясь в перепев наговора.

На середине подъёма Пыхтун с некоторых пор стоит, как сиденье, высокий спил огромной сосны. Но отдыхающих туристов я на нём не встречала, а вот бурундуки здесь завсегдатаи: на обрубке частенько подсыпано семечек. Вот и сейчас бурундук, красуясь пушистым хвостом и трёхцветной полосатой спинкой, набивает щёки угощением. Завидел меня, немного отбежал, остановился, вынул одно семечко, расшелушил, сгрыз, быстрым движением умыл мордочку, ещё отбежал, достал из защёчного мешка другое семечко, снова скушал. Видимо, утолил внезапно возникший голод и рванул в траву, к своей норке — прятать запасы да поскорее вернуться, перетаскать оставшуюся снедь.

Чем выше к скалам, тем меньше в лесу цветов: только пушистые шарики ветреницы с облетевшими лепестками над тремя ажурными листочками полупрозрачным ковром устилают склоны. Здесь не щедрое многоцветье Лалетины, вокруг суровая тайга с огромными скалами над горизонтом. Однако от Пыхтуна темнохвой сменяется сосновым бором, и к Первому Столбу поднимаешься по светлому лесу с золотоствольными соснами. Именно такие могучие деревья любил изображать русский художник-пейзажист И. И. Шишкин.

От Первого Столба к другим скалам расходится множество живописных тропинок с переплетением между камнями окаменелых корней над выбитой в плотную глину землёй. Рядом с набитыми

тропами по рассыпчатым мшаникам рассыпаны сосновые шишки, стелется черничник, преет валежник, торчат рога обломанных веток, поросших мочалами голубоватого мха-бородача. Много вокруг исполинских пихтовых кольев красно-бурого цвета. Беспощадный вредитель-короед, уссурийский полиграф, продолжает опустошительный набег на сибирскую тайгу. К сожалению, с каждым сезоном всё нагляднее следы его экспансии. Всё больше багряных пихт, что, как стойкие солдаты в огне, умирают стоя...

Стоило мне шагнуть на тропинку между Дедом и Перьями, как я оказалась в самом начале голой весны! По хребтику рассыпались, словно из запасного лукошка, белоснежные ветреницы вперемешку с лимонными хохлатками. Северо-восточный пологий склон постоянно в тени, лишь недавно здесь стоял снег, и только сейчас пробудились яркие первоцветы.

Возвращаюсь обратно по зелёной весне. В светлом лесу хорошо заметны лианы княжика с бутонами вот-вот готовых раскрыться цветов. По камням носятся бурундуки.

Спускаясь по лестнице к Пыхтуну, набрела на роскошную ветку лиственницы со светящейся хвоей в закатном красно-оранжевом солнце. От призрачно-зелёных лучиков исходило сияние, размывающее углистые стволы и жёлто-зелёные просветы. Лиственница — удивительное дерево, колдовское, особенное, от его облика веет мудростью и древними тайнами.

Где-то вдали часто-часто заухала глухая кукушка, добавляя сказочности вечернему пейзажу. Можно подумать, что это бурчит сова или филин, но мерное «ху-ху» упорно повторяет мелодику привычного уху кукования.

Спускаясь вниз по черёмуховой реке, задержалась у «Лесного театра имени Миши Тайгиша»: возле широкой, как обеденный стол, кормушки подкреплялась уточка. Кто-то кинул горсть зёрен, и она, неспешно переваливаясь, увлечённо их лушила. Уточка кормилась так близко, что можно было до неё дотронуться, но я решила её не пугать и хорошенько рассмотреть. Вроде бы скромно окрашенная птица, однако сколько в ней прелести! Налюбовалась утиными глазами, подведёнными волной чёрной подводки на восточный манер, отливом антрацитово-синих зеркалец крыльев. Бока уточки заметно светлее пёстрой шеи. Окантовка клюва и его нижняя часть — в цвет оранжевых лапок. Доклевав семечки, уточка пискнула, свистнула, с шумом оттолкнулась от земли и, хлопая крыльями, полетела в сторону Енисея.

В наступающих сумерках аромат черёмухи становился почти осязаемым. Казалось, можно ладонями зачерпнуть и выпить зелёной весны.

Авторы

ВАЛЕЕВ МАРАТ ХАСАНОВИЧ

Много лет проработал в провинциальной печати, в том числе 22 года — на Крайнем Севере, в Эвенкии. На пенсию ушёл с должности главного редактора газеты «Эвенкийская жизнь» в 2011 году. Автор и соавтор более двух десятков сборников прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Новокузнецке, Южно-Сахалинске, Екатеринбургe, Санкт-Петербурге, Москве. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси», Общества любителей русского слова, «Рождественская звезда», имени Виталия Бианки, газет «Советская Россия», «Комсомольская правда». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

ГЕРМАН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. В 1985 году окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работает актёром в Русском республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова города Абакана, преподавателем актёрского мастерства в Минусинском колледже культуры и искусства, режиссёром «Домашнего театра» краеведческого музея имени Н. М. Мартыанова. Рассказы и повести печатались в журналах «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «День и ночь», пьесы — в журнале «Современная драматургия». Драма «Братья Шуть» переведена на татарский язык и поставлена в Оренбургском татарском театре имени М. Файзи. Мелодрама «Прости меня» имела три постановки: в Башкирском академическом театре имени М. Гафури (пьеса переведена на башкирский язык), в Крымском академическом театре имени М. Горького (Симферополь), в Русском республиканском театре (Абакан). Весной 2017 года при поддержке Красноярского представительства Союза российских писателей издан сборник рассказов и повестей «Премьера». С 2011 года состоит в Российском авторском обществе (РАО).

ГОРСКАЯ ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Родилась в 1952 году. Окончила Красноярский финансовый техникум. 35 лет проработала в страховых органах. С 2001 года занимается общественной работой в качестве хранителя и организатора частного архива участника ВОВ, члена Союза журналистов СССР, художника, ответственного

художественного редактора Красноярского книжного издательства, своего дяди М. Ф. Живило. Организовала, оформила и провела 14 персональных выставок Марка Феодосьевича в Абакане, Черногорске, Красноярске. Подготовила материалы и приняла непосредственное участие в издании юбилейного альбома к 90-летию художника «Трасса Мужества Абакан — Тайшет (1959–1965 гг.)». В 2014 году награждена дипломом «За творчество и талант в области культуры».

ГРИГОРЬЕВА СОФЬЯ

Родилась в 1941 году в Яранске. Окончила Иркутский горно-металлургический институт. 20 лет работала геологом в экспедициях. В 1997 году вышел поэтический сборник «Ярань». Печаталась в журналах «Енисей», «Сибирские огни», «День и ночь». Выступала на Центральном телевидении.

ГУЛЯЕВА ОЛЬГА

Родилась в 1972 году в городе Енисейске. Окончила психологический факультет Красноярского педагогического университета. В 2010 году заняла второе место в краевом литературном конкурсе «Король поэтов», по итогам конкурса издана книга стихов «Бабья песня». В 2013 году победила в поэтическом конкурсе «Канский лёд». Дипломант в номинации «Поэзия» премии имени И. Д. Рождественского (2013). Стихи публиковались в журнале «День и ночь», коллективных литературных сборниках. Член Союза российских писателей.

ДУДИН АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

Автор-исполнитель. Лауреат Всероссийского телевизионного фестиваля патриотической песни «Россия молодая», фестиваля Министерства обороны «Песни о космических войсках», Первого краевого конкурса молодых поэтов Красноярья. Выпустил восемь поэтических сборников в издательствах Барнаула, Красноярска, Москвы и Саратова. Являлся слушателем семинаров под руководством Романа Солнцева и Аиды Фёдоровой. Печатался в журнале «Откровение Life», альманахах «Перезвон», «Русь моя», «Наследие», «Лири», «Вместе», «Георгиевская лента», антологии «Поэзия Красноярского края — XX век».

ЕРЁМИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в городе Свободном Амурской области. Окончил Красноярский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Автор ряда поэтических сборников и книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья» и др. Лауреат премии «Хинган». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института» в номинации «Классическая лира» (2011). Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Публиковался в журналах «День и ночь», «Новый Енисейский литератор», «Истоки», «Бийский

вестник», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Огни Кузбасса», «Провинциальный интеллигент», «Интеллигент» (Санкт-Петербург), «Русский берег» (Благовещенск), «Флорида» (Майами), «Лексикон» (Чикаго) и др. Член Союза писателей СССР, Союза российских писателей.

ЁЛТЫШЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1950 году в Красноярске. По окончании педагогического института (филологический факультет) учительствовал в сельской и городской школах, служил в армии. С 1975 года — журналист: корреспондент, ответственный секретарь, редактор в краевых газетах и журналах. Стихи пишет всю жизнь, публиковал их в краевых и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках. Выпустил две поэтических книжки.

ЖАБИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ

Родился в 1958 году в Красноярске-26 (Железногорске). Окончил медицинский институт, освоил разные врачебные специальности — от акушера-гинеколога до психотерапевта. Стихи и прозу пишет с детства. Печатался в журналах, альманахах, издал несколько поэтических сборников. Работает психотерапевтом, основатель и директор Института интеграции многомерного человека.

ЖИТЕНЁВ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ

Родился в 1934 году в Москве. Биолог-охотовед, журналист. Работал в Госохотинспекции, в Алтайском и Печоро-Ильчском заповедниках, в редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство». Автор очерков, фоторепортажей, рассказов, опубликованных в разных изданиях. Автор идеи возрождения и организатор издания сабанеевского журнала «Природа и охота». Член Союза журналистов России. Почётный работник охотничьего хозяйства России.

КАЛЕМЕНЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Родилась в 1952 году в городе Чирчик Узбекской ССР. В 1977 году окончила Казанский государственный университет (фил-фак, отделение журналистики). Работала в многотиражке «За регулярный рейс» (Казань), газете «Ангренская правда» (Узбекистан), в течение десяти лет была редактором многотиражной газеты «Строитель» треста «Узбекшахтострой». Публиковалась в «Правде Востока», «Строительной газете», «Российской газете». С 1993 года проживает в Минусинске. Работала в газетах «Надежда», «Хакасия». Постоянно принимает участие в Мартъяновских и Суриковских чтениях.

КУЗНЕЦОВА ЗИНАИДА НИКИФОРОВНА

Родилась в Воронежской области, в большой крестьянской семье. В Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) приехала

в 1966 году. Работала электромонтёром связи на Красноярской ГРЭС-2, в течение 37 лет была секретарём высших руководителей города. Литературным творчеством занимается с 25 лет. Автор поэтических сборников «Настроение», «Медовый август», «Ночной звонок», «Память сердца», «Облака», «Куст калины» (1-й том 2-томника), «Забывтые острова», сборников рассказов «Райские яблоки», «Болеутоляющее средство», «Белый снег, дорожка чёрная...». Многочисленные публикации в газетах, в журналах «День и ночь», «Енисей», «Светлица», «Совершенно открыто», «Молодая гвардия», «Новый Енисейский литератор», в коллективных сборниках «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Антология поэзии закрытых городов» и многих других. Руководитель литературного объединения «Родники» Зеленогорска, составитель и редактор коллективных и авторских сборников городских поэтов. Член Союза российских писателей, член правления Красноярской писательской организации.

КУЗНЕЧИХИН СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Печатался в журналах «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в альманахе «День поэзии 1986», в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012), «Уходящее время» (2016). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Член Союза российских писателей.

МАМАЕВА АЛЬБИНА РОМАНОВНА

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Живёт в Красноярске.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Живёт в Красноярске, где и родилась в 1965 году. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). Финалист литературного конкурса имени И. Д. Рождественского (2016). Публикации в жанрах «малая проза», «критика»: журнал «День и ночь».

Полухин Владимир

Родился в посёлке Урал Красноярского края 22 апреля 1969 года, поэтому родители назвали в честь вождя. Учился на юриста в Красноярском государственном университете. После службы в армии начал писать песни, в 1990 году собрал свою рок-группу. В 1993 году завязал с музыкой и решил заработать очень много денег. Периодически это почти получалось. Перепробовав несколько десятков профессий, в 2011 году, осознав, что больше не может без музыки, создал группу «Zarovednik Goblinov», играющую «инди» (независимую музыку). Долгое время не обращал внимания на тексты, которые не становились песнями. Со временем их стало много... В апреле 2018 года стал лауреатом конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Поэзия».

Смирнов Сергей Александрович

Родился в Норильске в 1953 году. Семья деда репрессирована в 1930 году, жила в Казачинске, Тасеево, Стрелке, Галанино. Родители — ветераны Норильского ГМК. После норильской школы окончил МГУ имени М. В. Ломоносова (географический факультет), работал в университете, почти во всех крупных горных системах СССР от Средней Азии до Чукотки, в морской геологии на Арктическом побережье и шельфе от Лены до Колымы и Чаунской губы, на островах Медвежьих и Новая Сибирь. Был грузчиком, костоловом, водителем, связистом, строителем, плотничал. Жил и работал в Игарке. Несколько лет назад вернулся в Норильск, где живёт и по сей день, работает в «Норильскгеологии». Прозу и стихи начал писать в 1980-х, публиковаться — в 2000-х в чукотских и норильских газетах и литературных альманахах, в красноярском журнале «День и ночь».

Тарковский Михаил Александрович

Русский поэт и писатель, около 30 лет живущий в селе Бахта Туруханского района Красноярского края. Родился в 1958 году в Москве. После окончания пединститута имени Ленина (отделение «География-биология») уехал в Туруханский район, где работал сначала полевым зоологом, а позже охотником. Автор рассказов, повестей и очерков о жизни таёжных охотников и рыбаков, жителей Енисея. Лауреат ряда литературных премий: журналов «Наш современник», «Роман-газета», Соколова-Микитова, Шишкова, «Ясная Поляна» имени Л. Н. Толстого и других. Член Союза писателей России.

